

БАХРУШИНСКАЯ СЕРИЯ

А. Г. Головачёва
А. П. ЧЕХОВ И КРЫМ

Москва
2022

УДК 82

ББК 83

Г61

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина»

Г61

Головачёва А. Г. А. П. Чехов и Крым. 2-е изд., испр. и доп. — М.:
Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. — 200 с.: ил.

Жизнь и творчество А. П. Чехова в течение многих лет были связаны с Крымом. Книга знакомит с противоречивыми крымскими впечатлениями писателя, раскрывает своеобразие его взгляда на крымскую тему на фоне литературной традиции, знакомит с памятными чеховскими местами Южного берега Крыма.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся Чеховым, историей и культурой Крыма XIX–XXI вв.

На обложке:

Чуринова М. П. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. 2007

Бумага, акварель. 36×25 см

Театральный музей им. А. А. Бахрушина

КП 326228

ISBN 978-5-6047076-5-4

© Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022

© А. Г. Головачёва, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
---------------	---

ЧАСТЬ 1 КРЫМСКАЯ УТОПИЯ ЧЕХОВА

Крымский диалог.....	5
«Покупайте у Верне пирожные...».....	18
«Дыханье роз, фонтанов шум...».....	25
Город Будущего.....	39

ЧАСТЬ 2 ТРИ УСАДЬБЫ ЧЕХОВА В КРЫМУ

«Маленький пуп земли».....	48
«Кучукойский майонез».....	74
«Милая мазанка среди камней в Гурзуфе».....	94

Часть III КУРОРТНЫЙ КРЫМ ЧЕХОВСКОЙ ПОРЫ

«Буду ходить по саду Петра Ионыча...»	
«Гурзуф», имение П. И. Губонина.....	116
«Красавица Березина»	
«Суук-Су», имение В. И. Березина и О. М. Соловьёвой.....	130

ЧАСТЬ 4 «МОЙ АДРЕС ПРОСТ: ЯЛТА»

Чеховские места Ялты.....	150
«Живу на даче Иловойской».....	171
Белый дом над обрывом России.....	184

ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	197
------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении двух столетий в литературе, поэзии, живописи складывалось представление о Крыме как об особенном мире, привлекательном для жизни и творчества. В сформировавшемся традиционном восприятии Крым предстал своеобразной Утопией — идеальным пространством, где конфликты получают свое разрешение, а жизнь обретает утраченную гармонию. В конце XIX столетия к крымским отзывам и впечатлениям присоединил свой голос и Антон Чехов. Из 44 прожитых Чеховым лет знакомство с крымской землей длилось 16 — более трети жизни, притом самые сознательные, зрелые творческие годы. Поначалу это были недолгие встречи, разделенные промежутками в год или несколько лет. Последние пять с половиной лет, с сентября 1898 по май 1904 года, составили крымский период его биографии: Чехов не только вплотную приблизился к Крыму, но и принял решение здесь поселиться, стал жителем Ялты. Иван Бунин, получивший возможность узнать его ближе именно в эти годы, впоследствии скажет: «Такого, как Чехов, писателя еще никогда не было!» Со всем основанием можно добавить, что до Чехова не было и такого взгляда на Крым и крымскую тему.

Чехов неизменно живо и глубоко реагировал на реалии крымской жизни, воспринимая их, как никто до него, в сложных и противоречивых сочетаниях. Они восхищали его и раздражали, вызывали то чувство особой приподнятости и надежды, то разочарования, но никогда не оставляли равнодушным. Погружаясь в местную жизнь, писатель имел возможность оценивать ее, что называется, по-человечески изнутри. В то же время как творческая личность он был наделен особой литературностью мышления: книжность его сознания неизбежно дополняла реальные впечатления широкими культурными ассоциациями. Соотношение мечты и действительности, стремление поймать неуловимое и придать ему зримые очертания, попытки связать прошлое с будущим, надежда приблизиться к разгадке тайны смысла человеческого бытия — вот что стоит за крымской темой Чехова. Об этом — настоящая книга, предлагаемая вашему вниманию.

ЧАСТЬ 1 КРЫМСКАЯ УТОПИЯ ЧЕХОВА

Крымский диалог

...во время разговора всё думал о чем-то своем, предоставляя собеседнику самому улавливать переходы в скрытом течении своих мыслей, и всё глядел на море сквозь стекла пенсне, слегка приподняв лицо...

И. А. Бунин. «О Чехове»

В июле 1888 года было положено начало тому своеобразному диалогу Чехова с Крымом, завершение которого пришлось уже на новое столетие, на последние, ялтинские годы писателя.

Впервые Чехов увидел Крым в 28 лет — в возрасте «не мальчика, но мужа». Уроженец южного города Таганрога, он был в эту пору узаконенным московским жителем, но не только поэтому, а скорее по своему умонастроению считал себя северянином. Тем не менее летний отдых в 1888 году он и его семейство предпочли провести на юге, и впервые для семьи была снята дача на Украине, близ города Сумы, у зеленых берегов реки Псёл. Отсюда берет начало его дорога в Крым, поначалу — в Феодосию, куда он выехал по приглашению своего издателя Алексея Сергеевича Суворина, достраивавшего близ Феодосии удобный и вместительный дом у моря. В этих местах восточного побережья прошли первые крымские каникулы А. П. Чехова.

Приглашение от Суворина, стремившегося через дружеские связи укрепить и деловые отношения с молодым талантливым

А. П. Чехов в Феодосии. 1888

И. И. Левитан. Фото с автографом
А. П. Чехову. 1887

писателем, поступило еще зимой. Всю весну Чехов думал об этой поездке, строил планы, делился ими: «Я непременно приеду в Феодосию»; «В Крыму начну писать лирическую пьесу». И, наконец: «Еду я в Феодосию 10-го июля. Мой адрес таков: Феодосия, Суворину для Чехова».

Каким он ожидал увидеть крымское побережье, что знал о нем в то время? По слухам было известно, что русский юг не хуже знаменитых итальянских курортов. Кроме того, уже состоялось как бы заочное знакомство с его красотами — по картинам художника-пейзажиста Исаака Ильича Левитана. Левитан был с юности другом и соучеником по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества старшего брата Чехова, художника Николая.

Приехав впервые на этюды в Ялту в марте 1886 года, он испытал при виде весеннего Крыма состояние необыкновенного восторга и творческого подъема. Чехов, конечно, помнил эти рассказы художника, письма его из Ялты: «Дорогой Антон Павлович, черт возьми, как хорошо здесь! Представьте себе теперь яркую зелень, голубое небо, да еще какое небо! Вчера вечером я взобрался на скалу и с вершины взглянул на море, и знаете ли что, — я заплакал, и заплакал навзрыд; вот где вечная красота и вот где человек чувствует свое полнейшее ничтожество! Да что значат слова, — это надо самому видеть, чтоб понять! Чувствую себя превосходно, как давно не чувствовал, и работается хорошо <...> верх восторга было бы, если бы вы сюда приехали, постарайтесь, это наверняка благодатно подействует на вас».

Вернувшись из Крыма, художник гостил у Чеховых в Подмоскowie. В конце июля 1886 года писатель рассказывал о своем талантливом друге: «Со мной живет Левитан, привезший из Крыма массу (штук 50) замечательных (по мнению знатоков) эскизов. Талант его растет не по дням, а по часам». Крымские этюды Левитана привлекли всеобщее внимание, его дарование стало общепризнанным. Несомненно, они подготовили к встрече с югом и воображение Чехова.

Два года спустя, благодаря гостеприимству Суворина, Чехову представилась возможность проверить свои ожидания. Первые впечатления, обычно важные при всяком новом знакомстве, определили его основные крымские симпатии и антипатии, оставшиеся на всю

Севастополь. Графская пристань. Открытка нач. XX в.

жизнь. Вид степи, открывшийся из окна поезда, показался ему унылым, но сразу понравился Севастополь, куда он приехал ночью: «Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря». Отправившись наутро пароходом из Севастополя в Феодосию, Чехов рассмотрел и знаменитое побережье. С борта парохода пышная южная растительность напомнила ему заросли крапивы.

В Феодосии у Суворина Чехов прожил 12 дней. Каждый из них был наполнен интересными разговорами, встречами и экскурсиями. Уже «через час после приезда, — сообщал он родным, — меня повезли на

Феодосия. Дача А. С. Суворина. Открытка нач. XX в.

завтрак к некоему Мурзе, татарину. Тут собралась большая компания: Суворины, главный морской прокурор, его жена, местные тузы, Айвазовский». Знаменитый художник-маринист Иван Константинович Айвазовский произвел впечатление: «бодрый старик лет 75 <...> полон собственного достоинства <...> натура сложная и достойная внимания». В гостях у него Чехов провел целый день: «Вчера я ездил в Шах-Мамай, именье Айвазовского, за 25 верст от Феодосии. Именье роскошное, несколько сказочное; такие имения, вероятно, можно видеть в Персии».

Ялта. Терраса гостиницы «Россия». Открытка нач. XX в.

Намерение поработать в тот раз не осуществилось. Южная жизнь очень быстро заставила сделать вывод: «Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2–3 рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку». Решив продолжить морское путешествие, Чехов из Феодосии с сыном Суворина отправился в недолгую поездку на Кавказ. Несколько раз после этого он еще побывает в Крыму, но никогда больше не будет у него такого хорошего отдыха, как в тот первый приезд. И что важнее, не будет тех чувств радости жизни и независимости, какие наполняли его в год состоявшегося знакомства с Крымом.

Творческая удача посетила писателя не в Феодосии, а в Ялте, и только 6 лет спустя, в марте 1894 года. Тогда, приехав специально для отдыха и лечения, Чехов остановился в гостинице «Россия», где прожил месяц, с 5 марта по 3 апреля. В первые дни погода успела порадовать его. В Подмоскowie, где оставалась семья, еще лежал снег, а Ялта встретила зеленью и теплом. «Здесь настоящая весна. Кругом зелено, и поют птицы. Днем хожу в летнем пальто», — с удивлением

писал он родным. Впервые Чехов увидел крымскую весну, когда-то вскружившую голову его другу Левитану. Но, привязанный душой к природе среднерусской полосы, отдал предпочтение менее ярким северным краскам, отметив в одном из писем: «У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она — ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи».

Вскоре и в теплом приморском городе погода испортилась. Предполагавший много гулять и отдыхать, писатель был вынужден редко покидать свой гостиничный номер. Зато наконец он начал работать, в результате чего появился на свет рассказ, поначалу озаглавленный — «Вечером», а при повторной публикации получивший новое название — «Студент».

О чем хотелось писать Чехову в те дни в непривычно зеленом городе? О знаменитой ялтинской набережной, о живописных окрестностях или, в конце концов, о курортных нравах, как случится позже в «Даме с собачкой»? Ничего подобного не найти в его первом ялтинском рассказе. Перед глазами автора вставала картина пустынной и нищей русской деревни, утонувшей в вечерней мгле, пронзенной холодным ветром. Именно такую деревню увидел его молодой герой, студент, сын дьячка Иван Великопольский. Особенность рассказа в том, что он построен

Крым. Ночной пейзаж. Открытка нач. XX в.

как диалог двух настроений, двух направлений мысли в сознании одного героя. Первоначальный поток его размышлений связан с гнетущими житейскими впечатлениями: «лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета, — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше». В конце рассказа эти размышления сменяются другими: «правда и красота <...> всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...». Диалогичность сознания, контрастность восприятия, положенная в основу этого первого ялтинского произведения Чехова, в высшей степени свойственна личному авторскому восприятию характерных крымских реалий. Постигая Крым, наблюдая местную жизнь, размышляя, писатель вел с ним непрерывный внутренний диалог, неизменно построенный на контрасте.

Ялта. Цветник на набережной. Открытка нач. XX в.

Чехов приезжал к «прекрасным брегам Тавриды» в разные годы, в разное время года, в разном своем настроении и состоянии здоровья. Но всякий раз бывал поражен одним и тем же несоответствием, отмеченным с первой же встречи. Еще во время поездки 1888 года его восхитили крымские горы: «начинаются горы, а вместе с ними и красота». Увиденные впервые при лунном свете, казавшиеся дикими и фантастичными, они разбудили его творческое воображение. На всю жизнь вошла в сердце Чехова и красота «чудесного, синего и нежного» моря. В письмах к родным он рассказывал: «Самое лучшее у моря — это его цвет, а цвет описать нельзя». Окунувшись впервые, он засмеялся от радости, целыми днями потом лежал на раскаленном солнцем песке, лунными вечерами смотрел на бесконечную морскую даль.

Устройство же побережья, курортные нравы показались чем-то «мещански-ярмарочным». Первые впечатления такого рода вызвала Ялта, увиденная поначалу проездом: «Коробообразные гостиницы <...> рожки бездельников-богачей с жадной грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая грязная пристань <...> болтовня барышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают». Мало чем отличалось от этого и впечатление от Феодосии: «скучный на вид городишко <...> и улыбается одно только море, которому нет дела до мелких городишек и туристов».

Приехав второй раз в Крым, теперь уже в Ялту, летом 1889 года, Чехов опять восхищается морем и досадует на несовершенство местной жизни: «В Ялте много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущих, но ни одного талантливого человека. Много вина, но

Вид с «чеховской скамьи» в Ореанде. Фото В. Евдокимова. 2009

ни одной капли порядочного. Хороши здесь только море да лошади-иноходцы». В третий приезд, весной 1894 года, опять поражает тот же контраст: «Море прекрасно. Прекрасны пароходы. Но публика некультурная, нудная».

С сентября 1898 года Чехов становится ялтинским жителем. Крымская осень, не отличавшаяся от лета, порадовала его: «Крым очень хорош. Никогда раньше он мне так не нравился, как теперь». Но и в это время в чеховских отзывах звучат контрастные, раздваивающиеся голоса: «...погода здесь теплая, летняя, но скука аспидская»; «Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера; только вот беда — культуры нет. <...> окрестности — это сплошная Азия».

В этих крымских впечатлениях скрыт источник одного приметного лейтмотива в последних ялтинских сочинениях писателя. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» — размышляет герой написанной в Ялте драмы «Три сестры». Герой последней пьесы «Вишневый сад» говорит: «Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы понастоящему быть великанами...» Самый «крымский» из чеховских рассказов — «Дама с собачкой», и не только по месту действия, но и по настроению, по мысли автора: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака». Посреди этой, как пишет Чехов, «сказочной обстановки — моря, гор, облаков, широкого неба» его герой Дмитрий Гуров «думал о том, как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете, всё,

кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве).

За три года до появления «Дамы с собачкой» об Ореанде было написано стихотворение Валерия Брюсова, признанного главы школы русского символизма. Брюсов описывал ту же картину, какую видели чеховские герои: горы, море и необъятный простор. Быть может, именно ту, что открывалась с той самой скамьи в Ореанде, на которой молча сидели чеховские герои:

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в небесном просторе.
Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, –
Что́ перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1896

Ореанда

Брюсов вел свой диалог с Крымом и по-своему полемизировал с ним: поэт-символист, он воспринимал окружающий мир как «прах», провозглашал его несовершенство в сравнении с миром своей мечты. Нетрудно заметить, что рассказ Чехова полемичен по отношению к идее этого стихотворения. В «Даме с собачкой» утверждается самоценность и незыблемость реального мира: «Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда и нас не будет». В неутомимости морской стихии чеховский герой открывает для себя «залог нашего вечного спасения, непрерывного движения мысли на земле, непрерывного совершенства».

В этих строках своеобразно развивается пушкинский мотив из стихотворения «Талисман», хорошо известного Чехову: «Там, где море вечно плещет...» Упоминание же о «залоге» влечет за собой другой ряд ассоциаций. Он также связан с поэтическим образом Тавриды, но отчетливо полемизирует с устойчивой традицией XIX века. Сравним со строками из «Дамы с собачкой» крымский пейзаж и поэтический вывод в стихотворении Петра Вяземского:

Солнце, тень, благоуханье,
Гор Таврических краса,
В немерцающем сиянье
Голубые небеса!
Моря блеск и тишь, и трепет!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плач и лепет
Ночью плещущей волны!
Поэтической Эллады

Отголоски и залог
Мира, отдыха, улады,
Пристань, чуждая тревог!

В чеховском описании Ореанды перечислены те же детали пейзажа (горы, море, широкое небо), не забыт даже ночной шум волн, навевающий на героя особое настроение. Однако если традиционное поэтическое сознание расценивает природную красоту как залог личного счастья, покоя и безмятежности, то чеховский герой мыслит иначе: в неутомимости морской стихии он видит аналогию «непрерывного

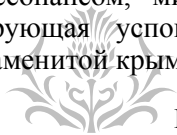
Ялта. Прибой во время бури. Открытка нач. XX в.

движения мысли на земле, непрерывного совершенства», и в этом открывает для себя «залог нашего вечного спасения».

Между тем в мире чеховских героев движение мысли, как правило, оборачивается мучительным раздумьем, лишаящим безмятежности, порой не оставляющим вовсе надежды на счастье. «И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас...» — говорит один из персонажей драмы «Три сестры», размышляя о настоящем и будущем своего поколения. Во многих чеховских сочинениях обозначен один и тот же этап на пути к общечеловеческому совершенству: осознание необходимости «новой, нервной, сознательной жизни, которая не в ладу с покоем и личным счастьем» (рассказ «Учитель словесности»).

В этом отношении для Крыма, точнее — его влияния на сознание чеховских героев, не было сделано исключение. Чехов покончил с литературной традицией, разделявшей мир на макро- и микромиры.

До него макромир был наполнен конфликтами и звучал сплошным диссонансом, микромиром была Таврида, не знающая ненастья, дарующая успокоение. «Успокоенье» — характерное слово из знаменитой крымской «Элегии» Василия Туманского:

На скалы, на холмы глядеть без нагляденья;
Под каждым деревом искать успокоенья <...> —
Вот жизнь моя в стране, где кипарисны сени,
Средь лавров возраста, приманивают к лени...

Начало этой литературной традиции было положено элегией Константина Батюшкова «Таврида»:

Друг милый, ангел мой! Сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают... <...>
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком...

Этой традиции отдал щедрую дань Александр Пушкин:

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волнение жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

Берег в районе Алупки. Открытка нач. XX в.

Здесь всё относящееся к «волнению жизни бурной» вынесено за границы воображаемого крымского оазиса, строго очерчен тот заповедный «золотой предел», внутри которого не может возникнуть даже намёка на какие-то диссонансы, на какие-либо противоречия между миром природы и сферой человеческого сознания. Оказавшись «на лоне» крымской природы, мысль и душа лирического героя всматриваются в окружающий мир, как в покойное зеркало, и отражение их неизменно столь же покойно. Не диалог и не многоголосье, а единый голос звучит в безмятежно льющемся монологе.

Как предельная степень душевного, эстетического и физического слияния человека и природы воспринимается известное пушкинское сравнение из стихотворения «Виноград», написанного по южным воспоминаниям:

Краса моей долины злачной,
Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Всякая предельность чревата соблазном пародии: представитель следующего поэтического поколения, Алексей Константинович Толстой, не удержался, чтобы не приписать на томике пушкинской лирики свой комментарий к последним строчкам:

Мне кажется, тому немалая досада,
Чей можно перст сравнить со гроздом винограда.

Он же оставил следующую ироническую надпись под стихотворением «Кто видел край, где роскошью природы...», подобрав свои рифмы к пушкинской «мирной лени» и «сладостной тени»:

Пятьсот рублей я наложил бы пени
За урну, лень и миртовы леса¹.

Но было бы напрасно думать, что в собственном поэтическом творчестве А.К. Толстой вышел за пределы той же укоренившейся традиции. Его цикл «Крымские очерки», включивший 14 стихотворений, открывается произведением, столь явственно разделяющим мир на *там* и *здесь*, что его литературная ориентация не вызывает сомнений:

Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон;
Там гор зубчатую стеною
От юга север отделен.
Там ночь и снег; *там*, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог

¹ Толстой А.К. Надписи на стихотворениях А.С.Пушкина // Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1969. С. 444–445.

Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воев в их гранитный рог.
Но *здесь* благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,
Цветущий берег невредим.
Над ним весна младая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.

Крымские впечатления многократно давали А. К. Толстому повод и для выражения чувства душевного единения с природой:

Сижу я на камне, висят облака
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.

XIX век осознал и утвердил ценность такого согласия. В стихотворении Петра Вяземского о Тавриде, начало которого приводилось выше, заключительные строки звучат как гимн единству природы и воспринимающего ее сознания:

И с природою согласно
Свежесть в мыслях и мечтах,
Здесь и на сердце так ясно,
Как в прозрачных небесах.

В стихотворении старшего друга Чехова Якова Полонского «Ночь в Крыму» описание лунной ночи, звуки, запахи, всё обаяние природы неразрывны с сердечным переживанием, в унисон звучат

Эта музыка природы,
Эта музыка души.

Погружение сознания в мир природы, полное слияние их происходит в крымских стихах младшего современника и друга Чехова Ивана Бунина.

Иное у Чехова. Не то чтобы чеховский мир не знал о подобной гармонии, но здесь сильны чувства ее утраты и сожаления, что она недостижима. Для героев Чехова эта гармония — как любовь, о которой сказано в Записной книжке писателя: «Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь». В «Даме с собачкой» только однажды делается намек на возможное, но пока еще

недоступное: «Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки — моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете...» Но мы помним, как, не дождавшись точки, посреди этой фразы будто вырастает дуэльный барьер, по другую сторону которого начинает звучать второй голос: «всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем...».

Скрытый, но непрерывный диалог Чехова с Крымом был предвестием сознания будущих поколений, людей XX и XXI веков. Это для нас, сто лет спустя живущих на той же благословенной земле Тавриды и по-прежнему не умеющих устроить свою жизнь разумно, красиво и совершенно, звучит сегодня сожалеющий чеховский голос. В суете и круговороте повседневности он напоминает о необходимости оглянуться вокруг, задуматься о своей жизни, не забывать о своем человеческом достоинстве, отдавать себе отчет в том, что мы сами мыслим и делаем.

Ялта. Городской сад. Открытка нач. XX в.

«Покупайте у Верне пирожные...»

Весь день хотелось пить, и Гуров часто заходил в павильон и предлагал Анне Сергеевне то воды с сиропом, то мороженого.

А. П. Чехов. «Дама с собачкой»

«Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц.

И потом он встречал ее в городском саду и на сквере по несколько раз в день. Она гуляла одна, всё в том же берете, с белым шпичем...»

Так начинается один из самых известных рассказов А. П. Чехова — «Дама с собачкой». Он написан в Ялте в 1899 году, и действие его начинается тоже в Ялте: здесь происходит встреча героев, которая изменит жизнь их обоих.

Среди узнаваемых ялтинских примет первым у Чехова назван «павильон Верне». Долгое время он оставался местной досто-

Ялта. Набережная. Открытка нач. XX в.

примечательностью. В 1880–1890-е годы жителем Ялты был французский подданный с древнеримским именем и русским отчеством: Юлий Иванович Верне. В 1886 году он стал владельцем Парижской кондитерской на набережной в доме Казимира Бентковского. Напротив кондитерской на берегу открытой ялтинской бухты, прямо в море, на сваях был установлен летний павильон в виде шестигранного шатра. Просторная деревянная терраса была заполнена легкой изящной мебелью. На шпилье крыши развевался флаг Российской империи. В павильоне продавали лечебные и столовые воды, мороженое, позже чай, кофе, шоколад.

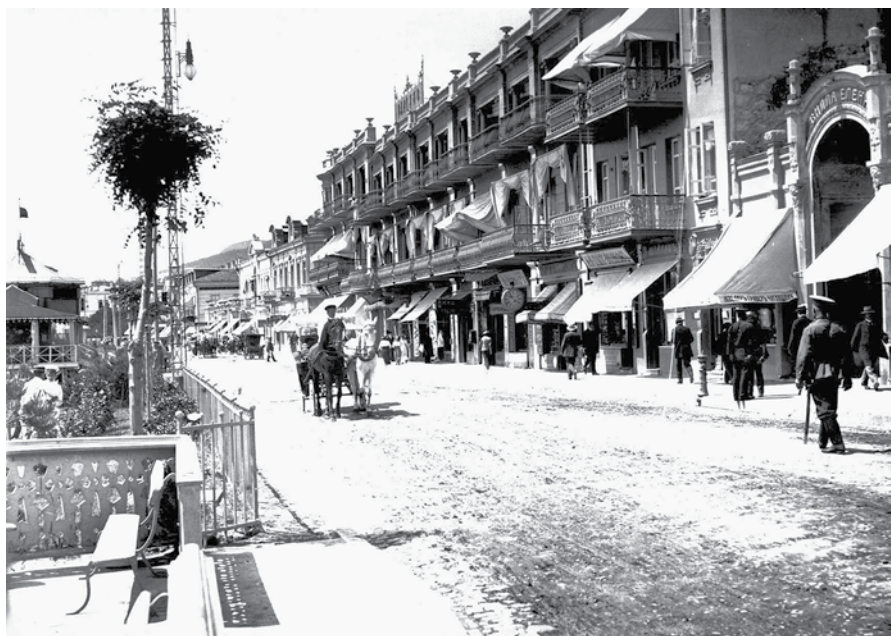

Е. М. Шаврова. 1890-е

С первого же своего приезда в Ялту летом 1889 года Чехов стал завсегдатаем павильона на сваях. 18 июля 1889 года здесь подкараулила его пятнадцатилетняя Елена Шаврова, мечтавшая стать писательницей. Она приготовила на суд Чехова рукопись своего рассказа о курортных нравах, но юной барышне было неприлично встречаться с взрослым мужчиной наедине, а говорить о своем писательстве в присутствии родных и знакомых не хотелось. Выбрав момент поутру, Шаврова со стороны наблюдала, как Чехов, выйдя из ворот дачи, расположенной по соседству, направился прямо к павильону Верне над морем, чтобы напиться кофе. В этот час набережная была еще пуста, и у Верне тоже почти никого не было. Решительными шагами девушка вошла в кафе и опустилась на первый попавшийся стул у входа, оказавшись на самом припеке. Чехов, сидевший в глубине, узнал ее и пригласил: «Пожалуйте сюда, в тень. Здесь прохладнее и ближе к морю». Писательская судьба Елены Михайловны Шавровой окажется незначительной, но эта встреча не пройдет бесследно ни для нее, ни для него.

В позднейших воспоминаниях¹ Шаврова отмечала, что Чехов, сидя в павильоне, всё смотрел в бинокль на лодку, пытавшуюся поставить парус и выйти в открытое море. В отличие от него, любившего смотреть на море, герой его рассказа Гуров смотрит в противоположную сторону, на берег, на набережную, на которой впервые увидит прогуливающуюся «даму с собачкой».

¹ Шаврова-Юст Е. М. Об Антоне Павловиче Чехове // Литературный музей. Таганрог. Сб. ст. и мат.-лов. Вып. 3. Ростов-н/Д., 1963. С. 269–270.

Набережная Ялты, слева — павильон Верне

Тем же летом интересную литературную зарисовку павильона Верне сделал московский журналист Сергей Филиппов. По его наблюдениям, это место особенно оживлялось к шести часам вечера, после того, как спадала дневная жара. Филиппов так описывал свои впечатления: «Разодетая Ялта фланирует, сидит на балконах, носится в фаэтонах взад и вперед. Частичка ее на веранде кондитерского павильона Верне — стеклянный киоск, терраска которого повисла над морем. Тут что-то европейское, элегантно. За мороженым или содой с сиропом вы проводите изящно оживленные минуты веселой болтовни и смеха. Во время разгара сезона это один из модных *points* ов ялтинского вечера. Тогда здесь нарядно, шумно, пестро... Под ногами прелестное море, когда оно тихо, красивое — когда чуть рассердится. В месячные вечера перед вами фантастическая картина восхода луны, которая поднимается из воды ярко-багровым шаром, огромным и низким. Иногда между вашим взглядом и им возникает силуэт парусного судна, и оно кажется таким близким, таким странным на фоне этого раскаленного красного огненного шара...»²

Эта зарисовка вошла в роман Филиппова «По Крыму. Отражения», изданный в Москве в конце 1889 года. Нельзя не отметить, что приведенный отрывок отмечен особой поэтичностью, не свойственной ироничному тону остальных «отражений» под пером автора. Выразительность и фантастическая прелесть подобной картины

² *Филиппов С.* В нашей Ницце: Из романа «По Крыму. Отражения» // У самого берега синего моря: Летний альманах. М.; Симферополь, 1998. С. 20.

Реклама Парижской кондитерской Флорена. Нач. XX в.

оставалась в памяти всех побывавших здесь. Писатель Владимир Набоков, чьи крымские впечатления выпали на суровый период 1917–1919 годов, много позже читал американским студентам лекции по русской литературе и, анализируя «Даму с собачкой», обращал внимание на описание вечернего моря: «вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса». При этом Набоков замечал: «Тот, кто жил когда-нибудь в Ялте, знает, насколько точно это описание создает впечатление летнего вечера»³.

В мае 1896 года деревянный павильон на сваях был уничтожен пожаром. Но его быстро восстановили, и путеводители за 1897 год вновь рекламируют Парижскую кондитерскую Верне на набережной, напротив меблированных комнат гостиницы «Мариино». С февраля 1898 года новым владельцем павильона становится Эмилий Андреевич Флорен. Но жители Ялты продолжают называть кондитерскую прежним именем. Именно как «павильон у Верне» он обозначен в «Даме с собачкой», написанной в конце 1899 года. И в письме Чехова к матери из Ниццы в январе 1901 года говорится: «...покупайте у Верне пирожные...».

Флорен, как и Верне, французский гражданин, был жителем Ялты в 1890-е — 1910-е годы. Земля, на которой находилась кондитерская, принадлежала городу. В феврале 1898 года городская управа объявила торги, на которых выступили четыре претендента. Победил Флорен, предложив наибольшую цену годовой аренды — 210 рублей. Первоначальный срок аренды составил три года, в дальнейшем он продлевался. В соответствии с ростом торговли, арендная плата увеличивалась год от года до 50%. Но цены оставались доступными, а качество ассортимента — мороженого, знаменитых пирожных буше и тортов — высоким. На рубеже 1890-х — 1900-х годов в кондитерской

³ *Набоков Владимир*. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 362–363.

Ялтинский мол. Открытка нач. XX в.

Флорена стакан чая или молока стоил 10 коп., большая чашка черного кофе — 15 коп., чашка шоколада с бисквитами — 25 коп., порция мороженого — 25 коп. Спиртные напитки никогда не продавались, доходы росли за счет количества продаж. Неизменно сохранялась репутация лучшей кондитерской города не только по качеству продукции, но и по уровню обслуживания посетителей.

Флорен принимал участие в благотворительных мероприятиях, жертвовал деньги на постройку санатория для бедных, оказывал помощь детскому приюту. В июне 1913 года он был принят в число действительных членов Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, что означало признание его в числе лучших представителей ялтинской интеллигенции⁴.

Кондитерская Флорена упоминается в романе Вениамина Каверина «Перед зеркалом» (1970), действие которого частично происходит в Ялте, а некоторые герои в той или иной степени причастны к судьбе и личности Чехова. В 1914 году героиня Каверина Лиза Тураева пишет из Ялты: «Что же сказать о знаменитой кондитерской Флорена? Напротив нее, вдаваясь в море, стоит на сваях поплавок, тоже Флорена, тот самый, который (по слухам) описал Чехов в “Даме с собачкой”. Впрочем, Чехов его как-то переименовал, не помню»⁵.

Чехов именовал его по первому владельцу Верне, в памяти следующего поколения как эмблема Ялты остался приморский павильон с именем Флорена. В 1910-е годы другие ялтинцы и приезжие разглядывали с его террасы набережную и мол с гуляющей

⁴ Фоменко И. Французская кондитерская в Ялте // Крымская газета. Ялта, 2000. № 13. 25 янв.

⁵ Каверин В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1982. С. 34.

Набережная Ялты. Слева — павильон Парижской кондитерской. Открытка нач. XX в.

нарядной толпой, встречающей пароходы, любовались необычным освещением вечернего или утреннего моря. Очень скоро всё это станет восприниматься как утраченная идиллия. Одно из свидетельств быстро меняющейся жизни осталось в письме М. П. Чеховой к О. Л. Книппер в мае 1917 года: «Пока в Ялте есть мука и крупа, и молодой картофель, много зелени, но что будет через месяц — неизвестно. Возможно, что голодная волна дойдет и до нас. Вчера я последний раз пила на поплавке шоколад с пирожными, с сегодняшнего же дня запрещено печь сдобь»⁶.

Находясь с 1920 года в эмиграции, Иван Бунин, в течение многих лет работавший над воспоминаниями о Чехове, восстановит памятную картинку: «Маленькая Ялта, розы, кипарисы... Кофейня и купальня Верне на сваях возле набережной. Мои утра там. Купальщицы — не в костюмах, а в рубашках, вздувающихся в воде»⁷. В 1918 году, в разгар Гражданской войны в Крыму, та же бухта наполнится иными, страшными «купальщиками» во вздувающихся рубашках. Об этой трагической странице истории напишет Владимир Набоков — сначала в стихотворении «Ялтинский мол» (1918), а затем — в мемуарном романе «Другие берега» (1954): «На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навтыяжку мертвецов»⁸.

⁶ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1: 1899–1927. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 520.

⁷ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Худож. лит. 1967. С. 242.

⁸ Набоков В. Другие берега. М.: Изд-во «Книжная палата», 1989. С. 123.

Очередная смена власти с временно оккупировавшими Крым германскими войсками подарит живущим в Ялте иллюзию возвращения к прошлому. В дневнике художницы Веры Судейкиной, искавшей здесь, подобно многим, прибежище от ужасов большевизма, отражены приметы возобновления старого уклада: 14–16 июня 1918 года — ходили «к Флорену, пить шоколад»; 5 сентября 1918 года: «Проезжая по набережной, было 6 часов, мы видели много народу — дамы вылезли после жары, разодетые, даже в мехах — Flojin весь полный»⁹.

В январе 1921 года, при окончательном утверждении советской власти в Крыму, решением Крымского революционного комитета Ялта была переименована в город Красноармейск. В обсуждении этого решения не последнюю роль сыграло «то соображение, что с названием Ялта связывалось представление о городе-курорте, являвшемся прежде всего центром разврата и разгула кутящей буржуазии»¹⁰. Подобный аргумент таил в себе потенциальную угрозу и в адрес чеховского дома в Аутке, где создавалась «Дама с собачкой», ибо в такой же интерпретации мог быть прочитан и этот ялтинский рассказ. Но чеховскому наследию повезло: в марте 1921 года Красноармейский (бывший Ялтинский) Уездно-городской Революционный Комитет постановил «ввиду исключительного внимания Российского пролетариата к трудам и литературным заслугам умершего писателя Антона Павловича Чехова, дачу его в г. Красноармейске, по Аутской улице взять под свое наблюдение, в целях полной сохранности и неприкосновенности»¹¹, а в апреле выдал родным писателя Охранную грамоту на дом. В августе того же года вернули и прежнее название Ялты.

Судьба знаменитого павильона-кафе на сваях оказалась не столь благоприятной. Он исчез с лица города, и память о нем осталась только на книжных страницах да на старых открытках, запечатлевших его внешний облик в разное время и сохраненных в редких коллекциях.

⁹ Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис). М.: Русский путь, Книжница, 2006. С. 168, 241.

¹⁰ Ялта. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2006. С. 46.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1.

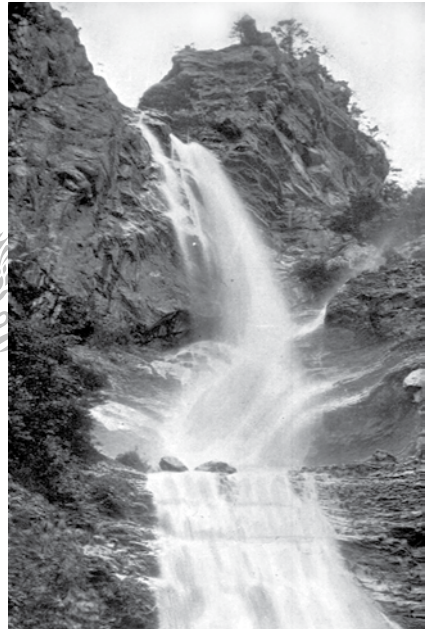

«Дыханье роз, фонтанов шум...»

О смертной мысли водовет!
О водовет неистошмый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Ф. И. Тютчев. «Фонтан»

Еще до того как Чехов впервые ступил на крымскую землю, образ Крыма соединился в его воображении с образами фонтанов. Понаслышке, от Левитана, представляя себе Ялту и ее окрестности, летом 1886 года на подмосковной даче он написал рассказ о легкости южных нравов «Длинный язык» и в нем упомянул о знаменитом горном водопаде Учан-Су, назвав его — *фонтаном Учан-Су*. Должно быть, всякий крымский источник поначалу представлялся Чехову в виде фонтана. Подобное представление наверняка сложилось не без влияния литературной традиции, в первую очередь — поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Поэт описал Бахчисарай как место, где

Водопад Учан-Су. Открытка нач. XX в.

...фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,

а самую известную его достопримечательность, «Фонтан слез», как памятник, неподвластный разрушительному времени:

Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Н. Г. Чернецов
А. С. Пушкин в Бахчисарайском дворце
1837

В. Суренянц. Иллюстрация к поэме
А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»
1899

Таким же предстает «Фонтан слез» в стихотворении Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца», ставшем популярным романсом. Поэт называет его: «фонтан живой», «ключ отрадный», любит его «поэтическими слезами» и «серебряной пылью», восхищается «немолчным говором» и не может наслушаться его журчания, словно речь идет уже не о каплях, а о струе. В этом изображении «Фонтан слез» уподобляется традиционному в мировой символике *fonti regenni* — «вечному источнику», — «мистическому фонтану», значение которого словари символов связывают с образом души как источника внутренней жизни и духовной энергии¹.

Вместе с тем образ фонтана имеет у Пушкина и другое значение, весьма далекое от зафиксированного словарями символа «духовной жизни и спасения»². Чтобы понять его, уместно обратиться к описанию того же фонтана, вызванному воспоминаниями поэта, переданными в прозе: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям капала вода».

Два изображения одного и того же источника, поэтическое и прозаическое, противостоят друг другу не просто как «стихи и проза, лед и пламень»; они противостоят как настоящее и минувшее, а еще точнее — как реальность и утопия. Неприглядность настоящей кар-

¹ Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. С. 541.

² Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. С. 592.

тины не мешает воображению поэта перенестись в то время, когда всё, воспетое его стихами, не только существовало, но и было признаком благоденствия:

Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью...

На страницах «Бахчисарайского фонтана» и воспроизводится картина воображаемой утопии, некогда столь грандиозной, что отголоски ее ощущаются и поныне:

Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.

При этом опять отметим, что во время осмотра дворца Пушкин был поражен и возмущен ветхостью, запустением и позднейшими переделками ханских покоев. Тем не менее нарисованная им картина бахчисарайской «неги», в сущности, не отличается от картины волшебного сада Черномора в поэме «Руслан и Людмила»:

Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам <...>
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам...

Автор «Руслана и Людмилы» определил всё это как «волшебства роскошь». Фонтан как примета роскоши, полноты благоденствия и в конечном смысле — гармонической упорядоченности жизни — достаточно распространенный образ мировой художественной литературы. Такое значение образа фонтана не отражено ни в известном «Словаре символов» Х. Э. Керлота, ни в «Словаре сюжетов и символов в искусстве» Дж. Холла. Но в литературной традиции оно прослеживается от утопического романа начала XVII века до реалистического рассказа XX века. К тому же такое значение издавна вошло и в обыденное сознание. Например, грандиозный образ столичных фонтанов на открытой в 1937 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставке был закреплен легендарной кинолентой военных лет «Свинарка и пастух» как символ прекрасной мирной жизни, всестороннего процветания и благополучия советского общества.

В ту же традицию оказался вписан и последний рассказ Чехова — «Невеста». Не замечая присущей этому рассказу характерной утопической струи, мы не сможем ни правильно воспринять образы главных чеховских героев, ни составить себе представление о ценности

их мировоззрения. Но для этого необходим краткий экскурс по мотивам литературных предшественников Чехова.

Утопия как древнейший литературный жанр восходит к учению Платона об идеальном государстве, описанном Аристотелем. У истоков этого жанра стоит произведение английского писателя Томаса Мора, написанное по латыни и изданное в 1516 году в бельгийском городе Лувене. Полное его название — «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Сочинение это делится на две части, первая из которых описывает неблагополучное социальное и экономическое положение Англии XVI века, вторая — идеальное общественное устройство вымышленного острова Утопия. Т. Мор изобрел само слово «утопия», буквальный смысл которого может быть прочитан двояко: *место, которого нет* (по-гречески *ou* — частица отрицания, *тоπος* — место), или же *благословенное место / страна, земля*, если начало слова вести от греческого *eu* — «благо»³. Книга Мора задала канон 2-частной композиции целого ряда произведений этого жанра: как правило, в каждом из них первоначальные негативные картины сменяются затем идеальным изображением. К общим чертам различных литературных утопий относятся такие, как изображение общественного равенства, всеобщего труда, экономического благосостояния, технического прогресса, оставляющего время для культурного досуга.

«Золотая книжечка» Т. Мора на несколько столетий вперед определила модель идеального «места, которого нет». В 1602 году эту тему продолжил итальянский монах-философ Томмазо Кампанелла, написавший прославившую его утопию под названием «Город Солнца». Кампанелла изобразил город всеобщего благоденствия, равного труда и равного распределения общественных богатств. Здесь нет ни бедных, ни богатых (всё общее), культивируется здоровый образ жизни, процветают науки, природные явления используются на благо людей. Отличительной особенностью Города Солнца являются семь фонтанов, точнее, фонтанных комплексов, о которых у Кампанеллы сказано следующее: «Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов <...> На каждой площади отдельных кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана». В этом городе-государстве, где на первом месте стоит общественная польза, фонтаны служат как для украшения, так и для практической цели: «Все должны уметь плавать, и для этого устроены у них водоемы как за стенами города, так и внутри их, около фонтанов»⁴.

Три с половиной столетия спустя утопический город Кампанеллы отзовется в одной из самых известных книг XX века, трилогии

³ Гопман В.Л. Утопия // Энциклопедия мировой литературы. СПб.: Невская книга, 2000. С. 515.

⁴ Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 26, 50, 75–76.

Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Черты Города Солнца проступают у Толкина в описании города-крепости Минас Тирит, древнее название которой — Минас Анор, или «Крепость Солнца»: крепость состоит из семи ярусов, поднимающихся к вершине скалы, каждый ярус обнесен стеной и имеет свои ворота, а в самом верхнем круге расположено сердце Города — могучая Цитадель. Там, на Верхнем Подворье, вымощенном белым камнем, у подножия Белой Башни стоит фонтан, струи которого омыают Древнейшее из Деревьев, символ славы и блеска Города. В эпоху упадка Дерево засыхает и, мертвое, стоит, склонившись над чашей фонтана, капли воды стекают с его ветвей, как слезы. После победы сил Света над силами Тьмы король Арагорн, законный правитель Города, находит в горах молодой побег и высаживает новое Белое Дерево у фонтана. Оно быстро и радостно идет в рост, через несколько месяцев покрывается цветами. Это знаменует начало новой эпохи: «...город расцвел, как никогда. <...> Все были здоровы и в достатке, в домах звенел детский смех...». Характерно, что при этом также отмечено: «Улицы украсились деревьями и фонтанами»⁵.

В России пушкинской поры в утопической литературе, еще только складывающейся как жанр, фонтаны и сады занимали особое место. В 1827 году Е. А. Боратынский в стихотворении «Последняя смерть» описал виденье, однажды посетившее его ночной порой и явившее ему картину идеального будущего всего человечества:

Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он...⁶

В этой воображаемой картине важная роль отведена «дивному саду» и фонтанам, названным старым русским словом «водометами». Примечательно, что они служат знаком не только материального благополучия — «обилия», но и знаком подчинения человеку «всех стихий». Образы сада и фонтана как символы власти человека над природой давно были освоены садово-парковой культурой. Идея покорения водно-растительного мира с наибольшей наглядностью выражалась в традиции регулярных садов. Автор замечательного исследования «Поэзия садов» Д. С. Лихачёв, анализируя семантику садово-парковых стилей, указывал, что регулярный сад был воплощенной «попыткой насильственно подчинить себе вольную природу стрижкой кустов и деревьев, геометрическими формами планировки, посадкой огибных аллей из туго перетянутых деревьев,

⁵ Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец. Ч. 3. Возвращение короля / Пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Северо-Запад, 1992. С. 265.

⁶ Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М.: ГИХЛ, 1951. С. 197–198.

насилованным введением воды в разнообразные фонтанные устройства вместо того, чтобы позволять воде свободно течь в ручьях, водопадах, покоиться в “естественной” формы озерах...»⁷. Литература вбирала в себя эти символы языка несловесных видов искусства и культуры.

Идея подчинения человеком «стихии» на собственное благо, ставшая отличительной чертой утопических сочинений всех времен и народов, в русской литературе получила своеобразное развитие. Не случайно она прозвучала в стихах Боратынского, поэта, ориентированного на Северную столицу: русская литературная утопия складывалась вокруг произведений, тяготевших к петербургской тематике. С одной стороны, регулярный разгул стихий, обрушивавший на город опасные наводнения, не мог не рождать в воображении картины преобразенной столицы, где такие проблемы будут благополучно разрешены. С другой стороны, красота и величание пригородных парков, дворцов и фонтанов Петергофа, Павловска, Царского Села уже являли собой образцы идеальной гармонии, только пока еще не повсеместной, в отличие от сочиняемых утопий. Самым известным и художественно совершенным произведением, совместившим оба эти мотива, стала поэма Пушкина «Медный Всадник». Автор определил ее жанр как «петербургская повесть», сделав упор на ее достоверности и тем самым разведя ее с жанром утопии. Но характерно, что такая важная часть композиции пушкинской поэмы, как Вступление, структурно повторяет особенность построения «Утопии» Т. Мора. Подобно тому, как в «Утопии» негативные картины из первой части сменялись идеальным изображением во второй, во Вступлении к «Медному Всаднику» неприглядные картины прошлого сменяются новыми, вызывающими восхищение и восторг:

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
<...>
Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво <...>
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...

⁷ Лихачёв Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. М.: Наука, 1982. С. 150.

Однако мотив покорения стихии, свойственный утопическому жанру, в пушкинской поэме остался лишь благим пожеланием:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...

Осуществись он в пушкинском произведении, «петербургская повесть» превратилась бы в литературную утопию. Но в намеренье дальнейшего «повествования» у Пушкина входило изобразить противоборство величественного города (творенья человека) — и необузданной морской стихии, хотя бы на время, диктующей человеку свои законы. И всё же нельзя не отметить, что в пушкинское описание «града Петрова», затопленного наводнением, вплетается мотив, привычный для иных, не негативных, а идеальных изображений. Можно предположить, что такое сравнение, как:

И всплыл Петрополь, как Тритон
По пояс в воду погружен

— навеяно впечатлениями от фонтанов садово-паркового Петербурга. Фонтанные ассоциации возникают здесь благодаря образу Тритона — морского бога в греческой мифологии, сына владыки морей Посейдона и nereиды Амфитриты. В античной скульптуре и в позднейшем декоративном искусстве Тритон изображался в виде юноши или старца с хвостом вместо ног, его атрибутами были дельфин и витая раковина, звуками которой он вызывал или успокаивал бурю. Помимо мифологического образа, в зоологии известны тритоны (*Triturus*) — род хвостатых земноводных семейства саламандр⁸. Кажется бы, не может быть сомнений, с каким Тритоном сравнивает Пушкин погружившийся в воду город. Но вот, например, Ю. Б. Борев в своей книге «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения “Медного всадника”» интерпретирует это пушкинское сравнение как «животное» и комментирует его следующим образом: «у этого сравнения столицы Российской империи с земноводным пресмыкающимся есть и глубинный, подспудно оценочный аспект: едва уловимая отрицательная эстетическая характеристика»⁹. Возможно, исследователя сбила традиция советского времени (за редким исключением — например, в изданиях, подготовленных выдающимся пушкинистом Б. В. Томашевским) печатать в пушкинском тексте «тритон» с маленькой буквы. В дореволюционных изданиях поэмы Тритон всегда печатали с заглавной буквы как имя

⁸ Большая Советская Энциклопедия. Т. 43. М.: Изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1954. С. 263.

⁹ Борев Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». М.: Сов. писатель, 1981. С. 179.

собственное. Ассоциации не с животным, а с мифологическим образом поддерживаются и конкретной деталью сравнения: «то пояс в воду погружен», — предполагающей человеческую фигуру.

Скульптурные изображения Тритонов были широко распространены как украшения водоемов и фонтанных сооружений. Иногда их размещали и вне источников воды — столь далеко простирались как их популярность, так и невежество заказчиков. Французский поэт Жак Делиль в поэме «Сады», известной в России с 1814 года в переводе Александра Воейкова, писал:

Почто встречаются Тритоны и Наяды
В безводном месте, где стоять должны Дриады?¹⁰

Дриадам полагалось находиться в окружении деревьев, Тритонам — в окружении воды. Близ Петербурга они были особенно распространены в фонтанных комплексах Петергофа. Фигурами Тритонов украшены фонтаны Большого каскада, фонтан «Нептун» в Верхнем саду. Возможно, что за пушкинским сравнением «всплывающего Петрополя» с Тритоном стоит не просто хорошее знание античной мифологии, но и конкретный образ традиционного элемента фонтанной архитектуры.

Если пожелание поэта «граду Петрову»:

Да умирится же с тобой
И побежденная стихия

— было обращено в неопределенное будущее, то мысль пушкинских современников связывала осуществление этого пожелания с весьма отдаленным временем. В 1840 году В.Ф.Одоевский опубликовал несколько глав своего незавершенного утопического романа под названием «4338 год». В нем шла речь о России 44-го столетия, ставшей центром всемирного просвещения, поражающей новыми гигантскими городами и небывалыми техническими изобретениями. В числе таких изобретений упоминается «огромный водомет, который спасает приморскую часть Петербурга от наводнений». Это — утилитарный фонтан, наконец-то обуздавший невскую стихию. Но наряду с ним описан и другой фонтан, предназначенный для досуга и увеселения. Он называется «гидрофон»: с фонтаном соединен музыкальный инструмент, звуки музыки, струи воды и цветочные эффекты, переплетаясь, производят чудесную гармонию.

Не забыты в романе Одоевского и чудеса садового искусства, означающие превосходство человека над природой, сочетающие прекрасное с полезным и поучительным: «Ближний остров, который в древности назывался Васильевским, <...> занят огромным крытым садом, где растут деревья и кустарники, а за решетками, но на срубной, гуляют разные звери; этот сад есть чудо искусства! <...>

¹⁰ Цит. по: Лихачёв Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. С. 11.

Скульптурная группа «Тритоны» Большого каскада Петродворца. Скульптор И. П. Прокофьев

В разных местах сада стояли деревья, обремененные плодами <...> некоторые из этих плодов были чудное произведение садового искусства, которое здесь в таком совершенстве. Смотря на них, я не мог не подумать, каких усилий ума и терпения стоило соединить, посредством постепенных прививок, разные породы плодов, совершенно разнокачественных, и произвести новые, небывалые породы...»¹¹

Интересно, что мечта о благоприятном переустройстве Петербурга проникала и в реалистические произведения XIX века, повествующие о весьма далеких от утопии предметах и идеях. Подобная мечта охватывает героя романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» Раскольникова в тот самый момент, когда он направляется к старухе-процентщице с намерением убить ее. «Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу пришел он к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезная для города вещь. Тут заинтересовало его: почему именно во всех больших городах человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь и всякая гадость».

Характерно, что такие мысли в романе Достоевского возникают в

¹¹ Русская литературная утопия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 107, 113.

атмосфере «вонючего, пыльного, зараженного городом воздуха», где «и на улицах, как в комнатах без форточек». Идеальные картины утопий порождались низкой действительностью, но всегда создавались вопреки ей. Кампанелла задумал и написал «Город Солнца» в тюремной камере инквизиции, куда был брошен за вольнодумство. Испанец Мигель де Сервантес начал сочинять роман о хитроумном идалго Дон Кихоте Ламанчском, «полном самых неожиданных мыслей, доселе никому не приходивших в голову», иными словами — о герое, носившем утопию в себе самом, во время заточения «в темнице, местопребывании всякого рода помех, обиталище одних лишь унылых звуков»¹². Одна из самых известных русских утопий, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», написана в мрачном каземате самой страшной тюрьмы Российской империи, Петропавловской крепости.

Мечта о садах и фонтанах оставалась мечтой и в жанре антиутопии, получившем особенное развитие в XX веке. В 1906 году в Петербурге вышла одна из первых русских антиутопий, повесть писателя и журналиста Н. Д. Фёдорова «Вечер в 2217 году». Традиционное место действия, Петербург, сохраняет у Фёдорова старую топонимику: Невский, Литейный, Марсово поле, Фонтанка... Но Петербург 23-го столетия неузнаваемо преобразен: он укрыт стеклянно-алюминиевой крышей, не пропускающей морозный воздух, везде поддерживается постоянный комфортный микроклимат, вдоль Невского проспекта растут пальмы и магнолии. Город пронизан сетью наземных и воздушных магистралей, над улицами разлит искусственный свет и регулярно загораются строки информационных бюллетеней, приносящих вести со всех концов земли. Однако повесть Фёдорова — негативная утопия: здесь изображено общество «спокойных, холодных и бездушных, как машины, людей»¹³. Их жизнь стандартизирована, и даже сугубо личные потребности регламентируются принудительными законами: семья упразднена; рождение детей налажено, как «служба обществу», «по записи» и очереди; дети растут, не зная отца и матери, воспитанные по единому образцу. У каждого к одежде пришит рабочий номер, и хотя люди имеют имена, для общества существует не человек, а номер такой-то.

Героиня повести «странная девушка» Аглая чувствует себя одиноко и неуютно в этом обездушенном мире. Ей хочется иметь свою семью, «замкнутую, как круг», неразрывно связанную любовью, о которой теперь можно только прочитать в исторических романах. Ей хочется «темного ночного неба и тихих звезд, но там, над головой, все так же холодно и равнодушно висела серовато-белая крыша. И Аглае казалось, что она давит ее мозг и давит ее мысли». Аглая мечтательна, но мечта уносит ее «в туманную, таинственную даль» не будущего, а прошлого, которое кажется несравненно привлекательнее настояще-

¹² *Сервантес Сааведра М. де*. Хитроумный идалго дон Кихот Ламанчский. Ч. 1. М.: ГИХЛ, 1959. С. 7.

¹³ Русская литературная утопия. С. 197.

го. В технически усовершенствованном Петербурге ее привлекает один уголок, напоминающий о совсем иной жизни и иных отношениях. «Она любила этот “старый уголок”. Ей казалось, что здесь живут тени прошлого, бывалого, ушедшего невозвратно. Она любила эти маленькие кустики, эти цветнички, восстановленные по старинным рисункам такими, какими они были сотни лет назад, усыпанные песком дорожки, газетный киоск на углу с объявлениями, напечатанными неуклюжими старинными буквами, маленький фонтан, наивно выбрасывавший свои тонкие струйки, с нежным плеском падавшие обратно в круглый бассейн. Только высоко над головой, нарушая иллюзию, висела, освещенная снизу, серовато-белая крыша»¹⁴.

В мире антиутопии цветники и фонтаны изживаются так же, как и звездное небо, как и сердечные переживания. Вопреки этому, героиня повести ищет свой остров Утопия и находит — не остров, а островок, каким становится для нее не привлекательный для большинства «старый уголок». Сердце этого островка — маленький фонтан с живым плеском струй. Рядом с ним можно уйти в свой внутренний мир — вообще оказывается возможным создать свой внутренний мир, недоступный чужому контролирующему взгляду.

Многое в произведении Н. Д. Фёдорова предвещает последующие знаменитые романы-антиутопии XX века, в первую очередь — «Мы» (1920) Е. И. Замятина и «1984» (1948) Дж. Оруэлла. Это стеклянная отгороженность от естественных природных влияний, люди-номера, напоминающие налаженные механизмы, любовь «по записи», идейная монолитность «большинства», всепроникающий государственный контроль, восприятие индивидуальности как нарушения принятых норм поведения и т. п. В то же время характеристика людей 2217 года как толпы «самодовольных, смеющихся, веселых и однообразных, как манекены, людей»¹⁵ предшествует роману О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), искусственному миру стандартизированных счастливых, функционирующих под девизом «Общность, Одинаковость, Стабильность» и в этих целях покончивших сначала с семейными узами, а затем и с прочими человеческими привязанностями.

С другой стороны, есть основания предполагать, что повесть Фёдорова полемически откликается на вышедший в самом конце 1903 года рассказ Чехова «Невеста». Герой рассказа мечтатель Саша рисует перед героиней картины светлого будущего: «Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет веровать и каждый будет знать, для чего он живет, и ни один не будет искать опоры в толпе». В повести Фёдорова общество будущего изображено именно как «толпа», воспринимаемая всеми как благо человечества. Только Аглая и встретившийся ей рабочий Павел, тайный бунтарь, видят в ней страшное, несознаваемое зло. В повести возникают дискуссии, в которых подруга Аглаи Люба

¹⁴ Там же. С. 187–188.

¹⁵ Там же. С. 191.

отстаивает общепризнанные истины:

— Нет больше несчастных, обездоленных, забытых. Все имеют доступ к свету, к теплу, все сыты, все могут учиться.

— И все рабы, — тихо бросил Павел.

— Неправда, — подхватила Люба, — неправда: рабов теперь нет. Мы все равны и свободны. Нет рабов, потому что нет господ.

— Есть один страшный господин.

— Кто?

— Толпа. Это ваше ужасное «большинство».

Как будто откликаясь на слова Саши, утверждавшего, что каждый человек будет веровать и знать, для чего он живет, Павел говорит: «Меня лишили, мне не дали веры. Не знаю, каким чудом есть еще верующие люди, и как бы я хотел этого чуда для себя! Меня обокрали, взамен мне не дали ничего <...> Мне всегда так и хочется бросить в ответ на шаблонно громкие слова о благоденствии человечества одно только слово: “слепцы”. Человечество убито. Его нет больше. Оно только и было ценно, только и имело право жить за свою душу, за светлые порывы этой души, за светлые слезы любви...»¹⁶

В еще большей степени повесть Фёдорова «2217 год» полемична по отношению к картинам будущего, изображенным в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Ряд характерных деталей в описании Петербурга 23-го столетия: стеклянно-алюминиевые сооружения, преобразованный климат, механизированный труд, общественное воспитание детей, лекции и концерты в часы досуга — совпадает с приметами будущего из широко известного романа Чернышевского. Только у Фёдорова эти приметы включаются в контекст негативной утопии, у Чернышевского же — идеальной.

Утопические картины в романе «Что делать?» имеют свое наименование — сны героини, из которых наиболее известен «Четвертый сон Веры Павловны», и свой круг символических лиц. Среди них главенствует «сестра своих сестер, невеста своих женихов». Эта «старшая сестра» приоткрывает Вере Павловне некоторые из тайн будущего. Она показывает общество счастливых людей, устроивших свою жизнь на началах разума и удобства. Живут они в громадных домах-дворцах из хрусталя и алюминия и в числе прочих изобретений придумали, конечно, и необычные фонтаны: «на дальнейшее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на полверсты вокруг него растянута белая полог. “Он постоянно обрызгивается водою, — говорит старшая сестра, — видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно; ты видишь, они изменяют температуру, как хотят”». Люди сумели изменить и климат, в результате на месте прежних пустынь раскинулись плодородные пшеничные и рисовые поля, виноградники, финиковые рощи, фруктовые сады.

¹⁶ Там же. С. 195–198.

Чернышевский подчеркивал, что в его утопии речь идет о будущем именно России: в картинах, предстающих перед Верой Павловной, узнаются знакомые географические приметы, здесь говорят по-русски, и цветущие земли, преображенные творческим трудом, называются Новая Россия. Как пропагандисту и воспитателю, социалисту по убеждениям, ему важно было внушить своим современникам, что не где-нибудь, а в собственном, ныне отсталом, отечестве золотые сны человечества когда-нибудь станут явью. Для всех будут построены роскошные дома-дворцы, всем будут давать прохладу в летний зной великолепные сады и необычные фонтаны, все люди без исключения будут — «счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения...».

Расставаясь с Верой Павловной, «старшая сестра» призывает ее не забывать обо всем увиденном и убеждать всех других людей: «...будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...».

По-своему отозвался на книгу Чернышевского и Чехов в своем последнем рассказе. Картина, представшая воочию перед Верой Павловной в ее фантастическом четвертом сне, в сущности, точно воспроизводится в «Невесте» в словах предвидящего будущее Саши: «От вашего города<...> не останется камня на камне<...> всё изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди...» Два образа — чудесные сады и фонтаны необыкновенные — будут повторены во внутреннем монологе героини, вспоминающей Сашины слова: «Это странный, наивный человек, думала Надя, и в его мечтах, во всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновенных чувствуется что-то нелепое; но почему-то в его наивности, даже в этой нелепости столько прекрасного...»

В литературе о Чехове рассказ «Невеста» уже не раз соотносили с романом «Что делать?». В. Б. Катаев сравнивал образ-символ чеховской героини с аллегорической «невестой своих женихов, сестрой своих сестер» из книги Чернышевского¹⁷. Э. А. Полоцкая отмечала общность двух важных сюжетных положений — уход невесты из дома и отказ от выгодного замужества¹⁸. Е. В. Джанджакова сопоставляла побег Нади «на волю» с содержанием первого сна Веры Павловны — освобождением из «темного подвала» и избавлением от «паралича» сначала самой Верочки, а затем и многих других девушек-невест¹⁹. Все эти сопоставления касались образа героини, несостоявшейся невесты Нади Шуминой. Но аллегии Чернышевского не в меньшей мере

¹⁷ Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 302.

¹⁸ Полоцкая Э. А. Пути чеховских героев. М.: Просвещение, 1983. С. 76.

¹⁹ Джанджакова Е. В. Литературные сопоставления как один из приемов анализа художественного текста // Русский язык и литература в азербайджанской школе. Баку, 1989. № 11. С. 47.

приложимы и к чеховскому герою, пропагандисту Саше. Роль Саши вписывается в аллегорическую систему романа: в контексте первого сна Веры Павловны он — один из тех духовных женихов, что помогают своей фантастической «невесте» (здесь она зовется «любовью к людям») выпускать девушек на волю из «душного подвала»; в контексте четвертого сна Саша — тот самый провозвестник прекрасного будущего, который неуклонно выполняет завет «старшей сестры», ее наказ каждому из своих приверженцев: «...ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем...» и т. д.

Роман «Что делать?» был написан ровно за 40 лет до чеховской «Невесты» — возможно, отсюда и впечатление наивности Сашиной агитации, совпадающей по содержанию с утопическими прогнозами Чернышевского. В рассказе отмечен книжный характер речей героя: «Саша уже несколько лет подряд говорит всё одно и то же, как по-писанному...» У слушателей его в определенный момент может возникнуть совсем иная «фонтанная» ассоциация: сравним эпизод из комедии Чехова «Леший», где разглагольствующий герой получает в свой адрес резкую реплику: «Вафля, заткни фонтан!» — перефразированный афоризм Козьмы Пруtkова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Во время последней встречи с Сашей оценки в его адрес особенно жестки: кажется, что от него «веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым...» Но этому мотиву сопутствует и другой, который также нельзя игнорировать: «Но отчего же всё-таки Саша не выходит из головы? отчего?»; почему «в его наивности, даже в этой нелепости столько прекрасного?».

Город Будущего

...пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь также будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, всё нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным.

О, наверное, какая это будет жизнь, какая жизнь!

А. П. Чехов. «Три сестры»

То, что литературная утопия входила в круг чтения Чехова разных лет, не вызывает сомнений. В Энциклопедическом словаре издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, имевшемся в библиотеке писателя, помещена статья «Утопии», где, в частности, сказано: «Очень много утопии в романах для юношества Купера, Жюль Верна, Лори, Стивенсона. Для молодой, пылкой фантазии утопия — клад, но и для зрелого человека она имеет хорошие стороны: она отрывает его от житейской прозы, от непрерывной борьбы за существование и переносит его в другой мир, где нет бедности и эгоизма, где безраздельно царит справедливость»¹. Романы перечисленных писателей составляли юношеское чтение Чехова. Известно, что в 1890 году, во время поездки на Сахалин, Чехов читал часть утопического романа американского писателя Эдуарда Беллами «Looking backward 2000–1887» («Взгляд назад 2000–1887»). Этот роман появился в 1888 году и сразу же получил небывалое распространение: многократно издавался большими тиражами в Америке и Англии и в течение первых двух лет был переведен на все европейские языки². Первый русский перевод под названием «В 2000-м году» был опубликован в журнале «Книжки “Недели”» в мае — июне 1890 года. Герой книги Беллами, житель Бостона Юлиан Вест, засыпает гипнотическим сном в 1887 году и просыпается в 2000-м. Он попадает в идеальное общество, которое за прошедшие 113 лет путем мирного эволюционного развития изменилось в самых, казалось, незыблемых своих основах. Формой организации труда стала производительная ассоциация. Трудясь совместно, люди вполне обеспечивают себя материально, получают возможность пользоваться

¹ Дживилегов А. Утопии // Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. С. 77.

² Беллами // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. III. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. С. 367.

Массандра. Аллея роз. Открытка нач. XX в.

техническими удобствами и благами духовной культуры. На Сахалине Чехов заинтересовал этой книгой генерал В. О. Кононович, и по возвращении в Петербург писатель собирался прочесть ее целиком. Годом ранее книгой Беллами увлекся Л. Н. Толстой, записавший в своем Дневнике 30 июня 1889 года: «Целый день читал всякий вздор и еще “Looking backward”». Очень замечательная вещь; надо бы перевести». В 1891 году роман вышел в издании А. С. Суворина в переводе Л. Гея под названием «Будущий век», в том же году он был выпущен издательством Ф. Ф. Павленкова в переводе Ф. Зинина под названием «Через сто лет». В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о книге Беллами упоминается как о «последней замечательной утопии XIX века» под названием «Грядущий век»³.

Начало нового столетия принесло Чехову новую встречу с еще одним литературным источником, содержащим всё ту же мечту о фонтанах и прекрасном городе будущего. Это роман Э. Золя «Труд», печатавшийся с января 1901 года в журнале «Жизнь». В Ялте Чехов получал этот журнал по подписке. В фондах ялтинского Дома-музея А. П. Чехова сохранились два номера «Жизни» с публикацией начальных глав романа, остальные, видимо, были розданы знакомым и не возвращены владельцу. В № 1 помещены «Очерки текущей русской литературы» Е. А. Андреевича (Соловьёва), где критически упоминался и Чехов: выражалось сожаление, что «огромный талант, честь и гордость нашей молодой литературы, <...> не мог избежать тлетворного влияния серых и тусклых дней...»⁴. Не все страницы в этом журнальном экземпляре разрезаны, но очерки Андреевича и роман Золя разрезаны полностью, — значит, были прочитаны.

Роман «Труд» состоит из трех частей. Первая реалистически рисует жизнь города Боклер, расположенного рядом со сталелитейным заводом под названием «Бездна». Здесь царят безмерная несправедливость, нищета, завод воплощает собой земной ад, отношения людей построены на ненависти и насилии. Вторая часть

³ Дживилегов А. Утопии. С. 77.

⁴ Андреевич (Соловьёв) Е. А. Очерки текущей русской литературы // Жизнь. 1901. № 1. С. 248.

рассказывает о попытке главного героя, Луки Фромана, переустроить общество на началах равенства и справедливости. Цель его — путем примирения «раскаявшегося капитала» и «спасительного труда», как учат книги мыслителей, создать Город-коммуну, где главным законом жизни будет труд. Третья часть переносит нас в Боклер 50 лет спустя: на месте бывшей «Бездны» раскинулся широкий бульвар; «гнусное скопище лачуг» давно снесено, и вместо них «выросли новые жилища — обитель здоровья и радости»; закрытый парк, прежняя собственность хозяев, превратился в огромный сад и затопил весь город зеленью. В «счастливом Городе труда», «Городе справедливости и мира», пишет Золя, «осуществилась древняя мечта о счастье человечества»⁵.

Гурзуф. Фонтан «Ночь». Фото автора. 2014

Перерождение Боклера началось с того, что инженер Лука Фроман отвел в него со скалистых гор свежую, чистую воду, «из которой, казалось, родился весь Город: его сады, аллеи, брызжущие фонтаны». А самый искусный мастер затем год за годом «воздвигал на площадях фонтаны, похожие на большие букеты, откуда изливалась ключевая вода, свежая, как вечная юность». Но Город украшают и другие букеты, букеты живых роз: в день самого большого праздника, который здесь называется праздником Труда, нет такой улицы и такого дома, которые бы не утопали в розах: «здесь было такое изобилие роз, что весь город мог бы украситься ими, как новобрачная в день свадьбы», «розы виднелись всюду, даже на крыше».

Золя многократно подчеркивает: каждый житель Города чувствует себя свободным и счастливым, бодро и ясно смотрит в будущее. Всеобщий труд привел к материальному изобилию и невиданному культурному расцвету. Трудится каждый, но труд не обременителен, его облегчают электрические машины, оставляя силы и время для проявления творческих способностей человека. В Городе много музеев, театров, библиотек, для досуга и отдыха построены монументальные общественные здания-дворцы, над улицами-аллеями, чтобы защитить их от непогоды, возводятся стеклянные купола. В праздничный день

⁵ Цит. по пер. М. Столярова в изд.: Золя Э. Собр. соч.: В 18 т. Т. 18. Труд. М.: Правда, 1957.

Гурзуф. Фонтан «Рахиль». Фото автора. 2014

здесь всё наполнено звуками музыки, птичьим щебетом, детским смехом, веселым гомоном.

Картина, нарисованная Золя в последней части его романа, во многом схожа с четвертым сном Веры Павловны в романе Чернышевского, и это понятно: оба писателя были приверженцами идей утопического социализма. Однако у Золя более четко прослежен тот мотив, который дал название его роману. Мотив преобразующего труда пронизывает книгу, от изложения теорий социалиста Фурье («Достаточно преобразовать труд, чтобы преобразовать всё общество: в этом новом обществе труд станет гражданской обязанностью, жизненным правилом») и до конкретных подробностей жизни коммуны Луки Фромана, где «труд стал единственным регулятором, единственным зако-

ном жизни». И это — кроме фонтанов и чудесных садов — дает возможность провести еще одну параллель между романом «Труд» и рассказом «Невеста». У Чехова ведущий мотив всех разговоров Саши — обличение праздной жизни, которую он называет нечистой, безнравственной; буквально каждого он упрекает в безделье и делает при этом выводы, характеризующие его как последователя Фурье: «Поймите же, ведь если, например, вы и ваша мать и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь; а разве это чисто, не грязно?»

Переносный смысл слов Саши о грязной жизни сочетается с прямым значением физической нечистоты, в которой держат прислугу в доме Надиной бабушки («четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы»), и нечистоты всего города, где нет «ни водопровода, ни канализации», так что приезжий гость, сам далеко не образец чистоплотности, ужаснется «невозможнейшей грязи» в кухне и брезгает есть за обедом. Оба эти значения «грязи», метафорическое и прямое, в чеховском рассказе соответствуют смыслам того же понятия в романе Золя: в «вязкой» грязи утопают улицы старого Боклера, грязен и черен завод «Бездна», и в грязном разврате проходит праздная жизнь богачей. Аналогичная образность характерна и для романа Чернышевского, где она играет

чрезвычайно важную роль: второй сон Веры Павловны посвящен рассмотрению двух типов «грязи», «реальной» (со здоровыми свойствами) и «фантастической» (или гнилой), причем вывод делался следующий: «фантастическая грязь», или грязь нездоровая, возникает там, где отсутствует «главный элемент» жизни — труд.

В творчестве Чехова совпадающие мотивы прослеживаются не только в речах Саши, героя «Невесты», но и в предшествующих произведениях. В повести «Три года» Лаптев говорит: «Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни», — и эту мысль повторяют на разные лады многие чеховские герои.

Особенно выразительны такие высказывания в пьесах, где, произнесенные со сцены, они получают неизбежную публицистическую направленность.

В «Дяде Ване»: «У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... А праздная жизнь не может быть чистой».

В «Трех сестрах»: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни...»; «Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна!»; «Мы родились от людей, презиравших труд» и т. д.

В «Вишневом саде»: «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать»; «Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, <...> к труду пока не способно»; «...искупить наше прошлое <...> можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Не будем всецело приписывать подобный публицистический слой, совпадающий и по форме, и по содержанию с литературой утопического социализма, по ведомству автора, — оставим его на счету чеховских героев. Тем более что подобные речи резонируют и с другим влиятельным социально-этическим течением времени, связанным с именем Льва Толстого. Вспомним хотя бы получивший немалый отклик толстовский трактат «Так что же нам делать?» с такими его утверждениями: «Мы увольняем себя от труда, пользуемся трудом других и тем отягчаем положение наших братьев... <...> поглощение чужих трудов есть уничтожение чужих жизней» (хотя у Толстого был важный оттенок: он вел разговор о нравственности не всякого труда, а хлеборобного, земледельческого, упомянутого в Библии как «закон человека»).

Но, не приписывая автору слова и идеи его героев, не упустим из виду и бесспорно авторского: в данном случае, когда речь идет о Золя, того горячего сочувствия французскому писателю, какое Чехов испытывал с 1898 года, с начала всколыхнувшего Европу политического «дела Дрейфуса». Тогда Золя, встав на защиту оклеветанного человека, «засиял <...> в своем настоящем блеске», предстал образцом «чистоты и нравственной высоты», вошел в число «лучших людей, идущих впереди нации», как писал Чехов Суворину в феврале 1898 года из

А. П. Чехов у своего дома в Ялте
Фото С. Линдена. 1904

Ниццы. Несколько лет спустя восторженность Чехова несколько поутихла, но оценки остались по-прежнему высоки: когда в сентябре 1902 года писатель получит с опозданием на два дня известие о смерти Золя, он сразу откликнется: «Сегодня мне грустно, умер Золя. Это так неожиданно и как будто некстати. Как писателя я мало любил его, но зато как человека в последние годы, когда шумело дело Дрейфуса, я оценил его высоко».

Так что помимо обычного читательского интереса, испытываемого ко всякой литературной новинке, Чехов имел все основания отнестись с особым вниманием к роману «Труд», тем более что в его ялтинском затворничестве круг книжных впечатлений был неширок. И, тщательно прочитывая «Невесту», можно то здесь, то там почувствовать тематические переклички ее с утопией Золя.

В первую очередь это относится к тем фрагментам, где речь идет о будущем. «О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где всё так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, — будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить», — думает героиня рассказа. Ей грезятся те перемены, которые в романе «Труд» описаны как происшедшие — после того, как люди, «изголодавшиеся по единству и гармонии», побратски рука об руку пошли одной дорогой, и эта «дорога достаточно широка для всех и все могут рядом идти по ней, свободные и счастливые...».

Сравним финал «Невесты», где героиню с символическим именем Надежда уводит в будущее «новая, широкая, просторная» дорога. Чехов не создавал утопии, но характерный утопический мотив проник сюда, и даже оговорка в последней фразе, что предстоящая жизнь героини — «еще неясная, полная тайн», не отрицает его, поскольку ожидается, что это тайны, манящие свободой и возможностью счастья.

В числе наиболее приметных лейтмотивов утопии Золя — отмеченные выше мотивы фонтанов и роз. Для человека, чье литературное сознание воспитано на Пушкине, а Чехов был таким, все эти фонтаны и розы из Города Труды привычно сопрягаются с фонтанами и розами, канонизированными в литературной традиции золотыми пушкинскими стихами. Добавим к этому личные биографические впечатления Чехова, связанные с Крымом и характерные для последних ялтинских лет.

Как в пушкинскую пору средоточием фонтанов был Бахчисарай, так в чеховскую стал другой уголок крымской земли —

Роза Банкса. Фото автора. 2013

имение «Гурзуф», принадлежавшее П. И. Губонину. С начала 1880-х годов здесь создавался один из первых отечественных курортов. Прекрасный парк губонинского имения украшали пять уникальных фонтанов: «Ночь», «Рахиль», «Муза», «Первая любовь» и «Нимфа». Наиболее эффектным был фонтан «Ночь» — копия работы немецкого скульптора Людвига Бергера, приобретенная Губониным в 1889 году на Всемирной выставке в Вене. С пылающим факелом в руке богиня ночи Нюкта возносилась над шарообразным, усеянным звездами небесным сводом, а шестьдесят бьющих вверх водяных струй стремились погасить факел. Фонтан имел необычайно сложную и в то же время изящную композицию: шар обвивала полоса с изображением знаков зодиака, рядом с Нюктой стоял юный бог сна Гипнос и парил бог любви Эрос со стрелой в руке; поддерживалось всё это двумя кариатидами и двумя атлантами, между которыми размещались античные маски, а выше — рыбы, исторгающие вверх струи воды. Поистине, «фонтан необыкновенный», который Чехов видел во всем его великолепии. Сегодня из пяти фонтанов губонинского парка остались два: «Ночь» и «Рахиль». Скульптура «Ночи» сохранена, но в действие фонтан приводится редко, и число струй его теперь невелико.

С середины сентября 1898 года Чехов фактически поселился в Ялте. Теперь трудно сказать, была ли та осень действительно необычной, только Чехов описывал ее с изумлением заезжего путешественника, неожиданно оказавшегося на своем острове Утопия. Из Ялты на север, то есть в Петербург, Москву и подмосковное Мелихово уходили письма, пронизанные постоянным мотивом. Из письма от 23 октября 1898 года: «Погода здесь очаровательная. Тихо, тепло, ясно, деревья зеленеют,

Ручей в саду Чехова. Фото М. Сосенковой, 2006

как летом; розы, гелиотроп». 26 октября: «Здесь зимы нет; конец октября, а розы и прочие цветы цветут взапуски, деревья зелены и теплы». 26 ноября: «Погода очень хорошая, ясная, тихая; когда наступит зима, неизвестно. <...> Розы опять цветут».

Именно в этот период он окончательно решил купить в Ялте участок и поселиться здесь. Навещавшие его дамы приносили ему розы букетами. В ноябре он сообщал сестре Марии Павловне, что для будущего сада получил в подарок от местных знакомых «очень много роз и кипарисов». Из письма

от 16 ноября 1898 года: «Погода в Ялте совершенно летняя, +26. Жарко. Цветы и розы. <...> Море как зеркало. Вот тебе и зима. <...>

Дача будет готова к маю. В саду на даче предполагается фонтан и бассейн с золотыми рыбами».

Письма Чехова отражают овладевшее им на какое-то время желание: построить собственную Утопию на своем участке на окраине Ялты... Перенести на каменистый и неудобный косогор кусочек Города Солнца — с розами, фонтаном и золотыми рыбами... Из всех этих замыслов осуществился только один: было высажено 100 кустов роз, притом, как сообщалось с гордостью, «все самые благородные, самые культурные сорта». Позже розы еще не раз подсаживались. Одна из них, выходящая золотистая китайская роза Банка, еще при писателе начала оплетать южный фасад новой дачи, и сестра писателя радовалась: когда оплетет всю стену, можно будет не заботиться о побелке. На снимках, сделанных фотографом С. Линденом в саду у чеховского дома в апреле 1904 года, виден этот совсем еще молодой побег розы и выходящие молодые побеги глицинии. Потом, без хозяина, роза и глициния и в самом деле затянули всю южную стену дома, весной они превращаются в пышный золотисто-лиловый ковер.

Мария Павловна Чехова, рисовавшая план участка, впоследствии вспоминала: «Помню, мы наместили место, где должен будет стоять дом, дорожки в саду, фантазировали о гротах и фонтанах и так размечтались, что позабыли даже, что участок неудачен и что денег на осуществление наших мечтаний совершенно нет...»⁶ В самом деле, на чеховском участке не появились ни гроты, ни бассейн, ни фонтаны. Но думается, совсем не из-за нехватки денег. Чехов немало тратил на свой ялтинский сад, благоустраивал его, выписывал редкие растения. Одновременно широко благотворительствовал, ездил в Москву и отдыхал в Европе — нашлись бы средства и на фонтан. Причина заключалась в особенности личности Чехова. Ему было 23 года, когда он, обращаясь к годом младшему брату Ивану, наставлял его: «...памятуй, что мы не Поляковы и не Губонины...». Фонтаны, прекрасные на страницах литературных утопий, производили бы совсем другое впечатление на маленькой частной усадьбе. Как тот «крыжовник», о котором Чехов успел написать незадолго до переезда в Ялту: мечта о нем вынашивалась годами, а когда осуществилась, жизнь придала ей жесткий и кислый привкус.

В итоге намерение поставить бассейн с золотыми рыбами на ялтинском участке преобразилось в нечто невещественное: Чехов подал местным театральным любителям идею инсценировать «Сказку о золотой рыбке» к предстоящему 100-летию со дня рождения Пушкина. В 1899 году оно широко отмечалось повсюду, в том числе и в Ялте. В мае 1899 года сцены из «Золотой рыбки» в самом деле были поставлены, и спектакль со скандалом провалился. А вместо каменного фонтана через весь чеховский сад побежал узкий ручей. Берега его были выложены дерном, рядом посажены ива и бамбуковая роща. Не стесняясь такой парадности, тут же расположился и скромный огород. Летом 1901 года, когда Чехов с женой был в отъезде, сестра писала им из Ялты: после дождя ручей разлился, «и с страшным шумом шла вода через наш сад, унося с собой плети арбузов и дынь...»⁷. Уже в 1980-е годы ручью смастерили каменное русло, теперь рядом с ним цветут любимые Чеховым розы. Голос этого ручья, совсем как у знаменитого пушкинского фонтана, по-прежнему «немолчен» и «журчит свою бьль» о прошлом, настоящем и загадочном будущем. Как и 100 лет назад, сидя возле него с закрытыми глазами, легко вообразить себе «фонтаны необыкновенные», бьющие в чудесных садах посреди так никем и не построенного Города Будущего.

⁶ *Чеховы Мария и Михаил*. Дом-музей А.П.Чехова в Ялте. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина, 1963. С. 114.

⁷ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1: 1899–1927. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 74.

ЧАСТЬ 2 ТРИ УСАДЬБЫ ЧЕХОВА В КРЫМУ

«Маленький пуп земли»

Решение Чехова поселиться в Крыму во многом было вызвано печальными семейными обстоятельствами. В октябре 1898 года неожиданно скончался отец семейства Павел Егорович Чехов. Самому писателю, вследствие развивающегося туберкулеза легких, врачи рекомендовали проводить зимние месяцы не в Подмосковье, а на юге, будь то курорты Италии, Франции либо русский юг. После смерти отца стало ясно, что мать не захочет оставаться на старом месте, меліховскую усадьбу придется продать, а затем «устраивать новое гнездо». Таковы были внешние, немаловажные поводы для перемены места. Наряду с ними, вероятно, сыграли свою роль и другие — внутренние, субъективные. Очевидно, Чехов был уже внутренне подготовлен к предстоящему переселению именно на крымское побережье: осенью 1898 года Ялта всячески заманивала его, окружала особенным вниманием знакомых, очаровывала неувыдающей природой и не по сезону мягкой погодой.

Краеведческие справочники того времени живописали общую картину города, открывающуюся всем приезжим: «Местоположение Ялты очень красиво. Город раскинулся полукруглым амфитеатром по горным склонам, спускающимся к морю, которое образует широко открытую бухту, ограниченную с юго-запада Ай-Тодорским мысом, с востока — Никитским. В самом городе, у портовой территории, вдается в море маленький мыс св. Иоанна, защищающий набережную с восточной стороны. С северо-запада над Ялтой высится Яйла, имеющая здесь около 600 сажен над уровнем моря. Горный хребет перерезан с запада и востока двумя ущельями, по которым протекают две речки Учан-Су и Гува.

Таким образом, Ялта одной стороной обращена к морю и с трех сторон окружена высокими горами, густо покрытыми сосновым, дубовым и грабовым лесом.

Территория Ялты состоит из двух долин: Аутинской и Дерекоевской, которые сливаются в общую ялтинскую долину»¹.

В перечне этих названий упомянут район, который Чехов выберет для своего места жительства — Аутка. Только это будет не низинная

¹ *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. М., 1903. С. 208–209.

А. П. Чехов в Ялте. Фото Ф. Орлова. 1899

часть с протекающей речкой, берущей начало из водопада Учан-Су, а предгорная местность, само наименование которой говорит о ее приподнятости над городом — Верхняя Аутка. Район был отнюдь не престижным, не чета городскому центру, расположенному в прибрежной полосе. Даже нейтральная справочная информация отражала не самые привлекательные особенности места: «Улицы Верхней Аутки

Ялта с северо-восточной стороны. Открытка нач. XX в.

узкие, извилистые, местами покрыты горами камней и выбоинами. Население — греки и татары, занимающиеся табаководством, мелким виноградарством и пр.»² А в справочнике «Ялта и ее ближайшие окрестности», составленном Н. Р. Лупандиной, Верхняя Аутка с чисто женской эмоциональностью вообще была названа грязной замарашкой, приютившейся на краю города.

Главным консультантом Чехова при выборе собственного участка был местный житель, владелец книжного магазина на набережной И. А. Синани. «Несравненный Синани», как называл его Чехов в своей переписке, всегда был в курсе всех городских новостей и имел достоверную информацию о продающихся здесь участках или окрестных имениях. Кроме участка в Аутке, он присмотрел для Чехова и небольшое имение в отдалении от Ялты у татарской деревни Кучук-Кой.

Окончательное решение Чехов принимал с помощью двух советчиков, коллег-врачей, И. Н. Альтшуллера и И. И. Орлова. Альтшуллер, участник этого знаменательного события, вспоминал: «Однажды А<нтон> П<авлович> таинственно повез нас с доктором Орловым в Верхнюю Аутку, которая тогда еще не была присоединена к городу Ялте, а считалась деревней, остановился в конце ее, загадочно предложил нам перелезть через низкий забор, и когда мы очутились на довольно неприглядном участке, под самым пыльным шоссе, с запущенным виноградником, с двумя-тремя тощими деревьями и старым татарским кладбищем с многочисленными характерными надгробными мусульманскими памятниками по передней его границе, он торжественно заявил, что этот самый участок он собирается купить,

² Там же. С. 249.

Вид на сад Чехова от шоссе. Фото М. Сосенковой. 2005

причем при оценке его рекомендовал обратить особенное внимание на два его достоинства: во-первых, на имеющийся “библейский” колодец и, во-вторых, на чудесный далекий вид на долину речки Учан-Су и кусочек моря. Так как владелец продавал участок из уважения к Чехову необыкновенно дешево, за четыре тысячи, да еще так, что три тысячи можно было платить когда угодно и без процентов, то тут же на общем совещании решено было, что покупать стоит»³.

26 октября 1898 года Чехов совершил покупку, а 27-го в Ялту приехала сестра Мария Павловна. Впоследствии она писала: «Первой фразой, которой встретил меня Антон Павлович на пристани в Ялте, была:

— Знаешь, я купил участок, завтра пойдем смотреть. Вид изумительный!»

На другой день вдвоем они пошли смотреть свое новое владение.

«Шли мы очень долго, — вспоминала М. П. Чехова. — Мне было обидно и досадно, что он выбрал участок так далеко от моря. Когда же мы подошли к самому участку, то моим глазам представилось нечто невероятное: старый корявый виноградник, обнесенный плетнем, ни дерева, ни кустика, никакой постройки. В довершение всего рядом, за плетнем, — татарское кладбище. <...> Я не сумела скрыть своего первого неприятного впечатления. Брат заметил это, огорчился. Правда, открывавшийся с участка вид был очень красив: вся Ялта, как на ладони, широкий морской горизонт»⁴.

³ *Альтишлер И. Н.* О Чехове. Из воспоминаний // *А. П. Чехов в воспоминаниях современников.* М.: ГИХЛ, 1960. С. 586–587.

⁴ *Чехова М. П.* Из воспоминаний о прошлом // *Чеховы Мария и Михаил.* Дом-музей А. П. Чехова в Ялте: Мемуарный каталог-путеводитель. Изд. 7-е. М., 1963. С. 112–113.

Сад Чехова зимой. Фото М. Сосенковой. 2006

Чеховский участок размером в 37 соток (старая мера — 800 кв. сажен) находился не просто далеко от моря, но за пределами городской черты. Позже Чехов не раз будет подчеркивать в письмах, что он поселился не в городе, а в уезде, и его точный адрес в самом деле значился так: деревня Верхняя Аутка Ялтинского уезда. В 1902 году один литератор пришлет ему в дар свою книгу с короткой, но выразительной надписью: «Первейшему гражданину Ялты». Чехов ответит ему: «Увы, я не первейший, не первый и даже не последний гражданин г. Ялты, так как живу не в Ялте, а в Ялтинском уезде». В этом ответе нашли отражение и скромность Чехова, и обычная его шутивая манера, и реальное расположение его нового владения.

Одновременно с Чеховым на другом холме, но в пределах Ялты, в районе Дарсана, строил себе дом врач и писатель Елпатьевский. По-приятельски подтрунивая, Чехов называл дом Елпатьевского, поставленный на вершине, откуда открывался также великолепный вид на море и на горы, — «Вологодской губернией». Елпатьевский же в отместку называл его место — «дыра». «Мне не нравилось выбранное место в дальней части неопрятно содержавшейся Аутки, в ложбине у пыльного шоссе...»⁵ — писал он, оценивая участок Чехова не только с хозяйственной, но и с врачебной точки зрения. С позиций врача неудачность места отметил и Вересаев, побывавший здесь в 1903 году: «Неуютная дача на пыльной Аутской улице. Очень покатый двор»⁶. И Куприн, оставивший подробное описание чеховской дачи, в первую

⁵ *Елпатьевский С. Я.* Антон Павлович Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Указ. изд. С. 578.

⁶ *Вересаев В. В.* А. П. Чехов // Там же. С. 673.

Кедр атласский и магнолия в саду Чехова. Фото М. Сосенковой. 2006

очередь вспоминал о проходящей рядом «белой и пыльной аутской дороге»⁷. Даже в стихотворении Бунина «Художник» «пыль» упомянута как деталь, особенно тревожная ввиду болезни легких хозяина: «В груди першит. С шоссе несется пыль, / Горячая, особенно сухая». Кажется, в мемуарной литературе не было ни одного отзыва об изначальном виде чеховского участка в Верхней Аутке, где бы не упоминались эта летящая с дороги пыль и «в полном смысле слова пустырь»⁸.

Много позже кто-то из мемуаристов объяснял этот выбор обычной житейской непрактичностью Чехова. Те из знакомых, кто слышали восторги по поводу «видов», находили причину в пристрастии писателя к живописным пейзажам. Родственники, хотя и не сразу, выдвинули свое объяснение — наиболее благовидное для советского времени: будто бы в центре селились одни богачи, а Чехов не имел с ними ничего общего. В самом последнем варианте воспоминаний М. П. Чеховой говорится: «Я была раздосадована, что брат выбрал участок так далеко от моря, но, как потом мне стало ясно, это было вызвано материальными соображениями. Дело в том, что участки в центре города стоили дорого и доходили до двадцати пяти рублей за квадратную сажень. Владельцами их обычно были или великосветские аристократы, или коммерсанты-предприниматели. А этот участок за чертой города был куплен всего лишь по пяти рублей за квадратную сажень, да еще на льготных условиях расчета. Эта финансовая сторона имела немаловажное значение для Антон Павловича, ибо денег у него было очень мало...»⁹

⁷ *Куприн А. И.* Памяти Чехова // Там же. С. 540.

⁸ *Книппер-Чехова О. Л.* О А. П. Чехове // Там же. С. 692.

⁹ *Чехова М. П.* Из далекого прошлого. М.: ГИХЛ, 1960. С. 190.

Сад Чехова весной. Фото автора. 2008

Должно быть, на решение Чехова в конечном счете повлияли все обстоятельства в их совокупности. Но наряду с явными обстоятельствами было еще одно, затаенное, распознать какое можно лишь в общем контексте чеховской жизни. Покупка такого участка, каким он предстал в Аутке, открывала возможность осуществления давней мечты писателя. Приблизиться к разгадке отчасти помогают письма Чехова мелиховского периода. Тогда, став владельцем подмосковного имения и прожив в деревне полгода, Антон Павлович писал брату Александру: «...как это ни странно, скуки совсем нет. Во-первых, просторно, во-вторых, езда на санях, в-третьих, никто не лезет с рукописями и с разговорами, и, в-четвертых, сколько мечтаний насчет весны! Я посадил 60 вишен и 80 яблонь. Выкопали новый пруд, который к весне наполнится водой на целую сажень. В головах кишат планы. Да, атавизм великая штука. Коли деды и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе. В сущности, какое несчастье, что мы с детства не имели своего угла». Ключевые слова в этих строках: простор, мечты о будущем, планы переустройства, стремление иметь свой собственный угол.

Но мелиховское владение было купленным имением — с домом, выстроенным прежними хозяевами, и хозяйством, заведенным предшественниками. После чеховская семья вложила много своего труда в это имение, сделав его более зеленым, уютным и благоустроенным. Что же касается ауткинского участка, то заброшенный косогор изначально

скрывал в себе возможности не для благоустройства, а для сотворения нового мира. Творческому воображению он представлял чистым листом бумаги, на котором проступали тайные знаки, невидимые постороннему взгляду. Как на бумаге перо писателя выводило слова и строки, создавая свой мир, населенный небывалыми прежде людьми и их отношениями, городами, пейзажами, — так и на глинистой, твердой, как камень, крымской земле в воображении Чехова проступали очертания будущего мира, сотворенного его волей и его руками. Это чувство творца удалось понять Куприну, наблюдавшему за хлопотами Чехова на участке в Аутке. «Но не чувство собственника сказывалось в этой хлопотливой любви, — утверждал Куприн, — а другое, более мощное и мудрое сознание. Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами:

— Послушайте, при мне же здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого. Но и это не важно. Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место»¹⁰.

Чувство творца выдавала и первая же пришедшая к Чехову ассоциация, вызванная этим местом: «библейский» колодец. Характерной была и другая ассоциация, восходящая также к достаточной древности — к миру античности. Еще только обсуждая в переписке с сестрой возможность переезда семьи в Крым, Чехов

¹⁰ Куприн А. И. Памяти Чехова. Указ. изд. С. 541.

Береза и пальма в саду Чехова
Фото автора. 2008

Дорожка к горьковской скамье
Фото автора. 2008

Карликовая груша, посаженная Чеховым. Фото автора. 2008

прибегнул к такому сравнению: «...я уже подглядел землю; маленький пуп земли с превосходным видом на море и горы...».

Что могло породить этот образ — «маленький пуп земли»? Топографическая ли метафора, анатомическая ли подробность, легко приходящая на ум автору с медицинским образованием, или переносный смысл выражения, ставшего фразеологизмом русского языка? Остроумие чеховских писем известно, его мышлению было свойственно соединять, казалось бы, несоединимые стороны вещей и явлений. Но думается, меньше всего такой образ, как «пуп земли», тяготел к топографии или анатомии. Если даже прочитывать его как образ многосоставный, то в основе вполне различим мифологический культурный код.

Выражение «пуп земли» восходит к мифологии древних греков, представлявших Землю в виде плоского диска, имеющего края и, соответственно, некое центральное место. Один из мифов рассказывает, что верховный бог Зевс захотел узнать, где же находится центр Земли, и для этого отправил в полет двух орлов, повелев им вылететь навстречу друг другу одновременно с запада и востока. Встреча орлов произошла над святилищем бога Аполлона в Дельфах. В знак того, что центр мироздания находится именно здесь, жрецы Дельфийского храма водрузили камень, который стали называть Пупом Земли. Как святыню, его облачали в пышные одежды, умащивали благовониями. Остроконечный кусок белого мрамора был поднесен в дар жрецам

Древовидный пион, привезенный из Мелихова, в ялтинском саду. Фото автора. 2013

самим Зевсом. Другая легенда рассказывает, что этим камнем мать Зевса Рея подменила своего новорожденного младенца, избавив тем самым будущего царя богов от участи быть проглоченным своим отцом Кроном. Таким образом, камень оказался «спасителем богов и людей. Не будь его — не было бы ни самого Зевса, ни всего человечества»¹¹. Два различных значения, донесенные мифами Древней Греции: географическая веха и почитаемое место — в русском языке слились в одно общее понятие во фразеологизме «пуп земли», смысл которого — «центр, средоточие самого главного, самого важного»¹².

В чеховском словоупотреблении выражение «пуп земли» допускает оба отдельных значения. Писатель Ю. С. Турчик, водивший экскурсии в Доме-музее А. П. Чехова в Ялте в 1970-е годы, подметил такую особенность чеховского участка в Верхней Аутке: «Место, которое выбрал Чехов, вовсе не казалось ему удаленным от моря и гор, наоборот, море и горы смотрелись с этой точки как равно близкие. Этому способствовала не столько оптическая особенность прозрачного крымского воздуха, сколько — эта равновеликая насыщенность пейзажа, не исключавшая непременно для Чехова “простора”, но придававшая ему какое-то новое качество, новое измерение...»¹³ В таком случае чеховский участок в самом деле

¹¹ Арский Ф. В стране мифов. М.: Мол. гвардия, 1965. С. 8.

¹² Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. М.: Русский язык, 1978. С. 369.

¹³ Турчик Ю. С. Белая дача: начало // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 11. Белая дача: первое столетие: Сб. науч. тр. Симферополь: Доля, 2007. С. 209.

Каталог роз из личной библиотеки Чехова

Новинка чеховского сада — роза «Антон Чехов». Сорт выведен французской фирмой «Мейян», высажен в ялтинском саду в 2008-м. Фото автора. 2009

оказывался не чем иным, как «пупом земли», срединным местом между двумя «краями» — морским горизонтом и кромкой гор. Но для чеховской ситуации безусловно оправданно и второе значение — «средоточие главного», поскольку на этом месте теперь сосредотачивались помыслы и труды Чехова.

За год до поселения в Ялте Чехов опубликовал рассказ «Крыжовник», в котором позволил себе полемику с Львом Толстым. Толстой был автором притчи «Много ли человеку земли нужно», где осуждал жадность и утверждал, что человеку всего-то и нужно, что три аршина земли, которые пойдут ему на могилу. Один из героев «Крыжовника», не называя прямо субъекта своей полемики, размышлял: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. <...> Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа». За словами героя чувствуется позиция самого автора, потому что скоро Чехов начнет воплощать идею «всего земного шара, всей природы» на своем небольшом участке в Крыму.

В этом смысле возможности Крыма были поистине уникальны. Знаток мировой культуры М. А. Волошин имел основания утверждать: «Ни в одной стране Европы не встретишь такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю и так тесно сосредоточенных на

малом пространстве земли, как в Крыму. Даже в Греции не найдешь такой сжатости»¹⁴.

Волошин имел в виду пейзажи, естественно созданные природой, — Чехов начал то, что стал создавать пейзажрукотворный, совмещающий формы и краски юга и севера, запада и востока. Преображение каменного пустыря началось с создания сада, отразившего широту замыслов и вкусов хозяина. Так на этой земле появились американские клены и японская айва, китайская магнолия и вавилонская ива, сахалинская гречиха и индийская сирень, средиземноморские кипарисы и гималайские кедры, самшит кавказский и кизил сибирский, пихта греческая и тополь канадский, сосна колхидская и катальпа западная, бамбуковая рощица и аллея пирамидальных акаций, мыльное дерево и ель обыкновенная, роза сирийская и спирея вифлеемская, тюльпанное

Бамбуковая роща у ручья
Фото М. Сосенковой. 2006

Весеннее цветение кизила
Фото М. Сосенковой. 2006

дерево и хурма, орешник и гранат — всего около двухсот наименований видов. Это были растения декоративные и плодовые, вечнозеленые и сезонные, хвойные и листопадные, пестролистные, лапчатые, веерные, игольчатые, колючие, гибко вьющиеся по опорам или стоящие стройной живой оградой вдоль нового каменного ограждения участка. Как символ среднерусской природы, которую Чехов особенно любил, была высажена и молодая березка. Ее соседство разделяли привычные для юга пальма, крымская сосна. Очень много было высажено роз и

¹⁴ Волошин Максимилиан. Культура, искусство, памятники Крыма // КРЫМ. Путеводитель / Под общ. ред. д-ра И.М.Саркизова-Серазини. М., Л.: Изд-во «Земля и Фабрика», 1925 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0120.shtml

Аллея пирамидальных акаций и кипарисы
Фото М. Сосенковой. 2006

Керамический сосуд у дома Чехова
Фото Т. Молотовой. 2006

других цветов; в первые годы, когда деревья были еще небольшими, цветники в разных частях сада составляли его самое заметное украшение.

Климат Южного берега Крыма позволил начать посадки в ту пору, когда в подмосковном Мелихове обычно еще стояла зима. В середине марта 1899 года Чехов писал сестре в Москву: «Третьего дня подул горячий ветер, вдруг наступило лето, и теперь не могу сказать, как чудесно кругом. Вчера и сегодня я сажал на участке деревья и буквально блаженствовал, так хорошо, так тепло и поэтично. Просто один восторг. Я посадил 12 черешен, 4 пирамидальных шелковицы, два миндаля и еще кое-что. Деревья хорошие, скоро дадут плоды». А полгода спустя в письме к Вл. И. Немировичу-Данченко уже мог дать оценку своей работе: «Сад будет необыкновенный. Сажаю я сам, собственноручно. Одних роз посадил сто — и все самые благородные, самые культурные сорта, 50 пирамидальных акаций, много камелий, лилий, тубероз и проч. и проч.» Из подмосковного имения были перевезены несколько древовидных пионов, посаженных там еще отцом, и они также прекрасно прижились на новой почве.

Чехов заботился о том, чтобы посадки не выглядели хаотичным набором, а составляли живописные группы. При этом каждому растению были обеспечены благоприятные условия для его развития. И «сад необыкновенный» успел одарить своего создателя маленькими чудесами. В феврале 1900 года писатель сообщил

в письме к М. О. Меньшикову: «Произошло чудо: у меня в саду в грунту расцвела камелия — явление в Ялте, кажется, небывалое. Она перезимовала, пережила 8-гр<адусные> морозы. Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником». Должно быть, не меньшим чудом было и сохранение в довольно засушливом климате такого влаголюбивого дерева, как эвкалипт, но при Чехове дерево росло и крепло, и только после смерти хозяина оно засохло, хотя уход за ним продолжался.

В чеховских замыслах была продумана и общая планировка участка, и детали — двор, дорожки, скамейки, ограда. Для покрытия двора и дорожек была заказана плоская мелкая галька, завезенная с берега, предохраняющая от раскисания после дождя. В разных частях сада были поставлены скамейки: не парадные с чугунными ногами, как особо подчеркивал Чехов, а простые деревянные, выкрашенные зеленой краской. Со стороны шоссе возводилась каменная стена с ажурной металлической решеткой, и Чехов писал об этом сестре: «Забор делаем каменный; вообще всё делаем так, чтобы потом сто лет не пондобилось ремонта». То, что представляло собой мысленный эскиз и постепенно реализовалось в практическом воплощении, получило внятное словесное выражение не сразу и по довольно случайному поводу. Осенью 1901 года Мария Павловна, живя в Москве, предложила посадить в ялтинском саду каштан. Антон Павлович ответил ей: «Ты пишешь, чтобы я посадил каштан. Но ведь каштан широкоразвесист, он займет половину сада, а сад и так мал. Погоди, через 2–3 года ты увидишь, что я посадил именно то, что нужно. Думаю, что это так, ибо я прежде, чем сажать, размышлял очень долго». Со временем станет ясен и еще один итог его размышлений: принцип «вечной весны», легший в основу подбора растений. Одно из чудес чеховского сада заключалось в том, что цветение здесь не прекращалось круглый год: отцветали одни деревья, кустарники и цветы, а следом распускались другие, и так беспрерывно, даже в ненастную осеннюю пору и в холодные зимние дни.

Как человек, ценивший научные достижения, Чехов по возможности пользовался советами профессионального садоводства. Он заказывал и получал по почте каталоги питомников из Одессы и Сухуми, обращался за консультациями к специалистам Никитского ботанического сада. В самом начале своих трудов он получил в подарок очень полезную книгу П. П. Золотарёва «Флора садоводства». Ее прислал редактор-издатель журнала «Русская мысль» В. М. Лавров, сопроводив следующей надписью на титуле: «Дорогому другу Антону Павловичу Чехову в поощрение его садоводческих стремлений от В. Лаврова. 21/ II. 1899». На многих страницах этой книги остались отметки цветными карандашами у названий тех растений, которые Чехов предназначал для выращивания у себя в саду.

Стремясь приблизиться к пониманию чеховских замыслов по обустройству в Верхней Аутке, нельзя сбросить со счетов и другой

источник, который мог послужить ему мысленным ориентиром. Источник этот — великая русская литература, знакомая с детства и во множестве вариаций повествующая о различных имениях и усадьбах. Литературность была коренным свойством сознания Чехова, книжность мышления объясняет многое как в специфике личности, так и в творчестве этого писателя. Образы книжных имений и усадеб с ранних лет сохранялись в его воображении, подобно тому, как, например, сохранялся образ «дорогого, многоуважаемого шкафа», служившего чеховской семье в таганрогские годы и вдруг оказавшегося «героем» последней ялтинской пьесы «Вишневый сад». Сами эти слова — «име-

Белая дача А. П. Чехова. Северный фасад. Фото Т. Молотовой. 2006

ние», «усадьба» — вмещали для Чехова многие смыслы. «Ужасно я люблю всё то, что в России называется имением. Это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка», — писал он Н. А. Лейкину в 1885 году. Предшествующий опыт жизни чеховской семьи практически не давал оснований для такого восприятия — оно было сформировано в первую очередь классической русской литературой. Не случайно и в чеховских текстах частотность слова «имение» велика: примерно 120 случаев словоупотребления в письмах и не менее 100 в сочинениях. Еще выше частотность слова «усадьба»: около 110 в письмах и 135 в сочинениях.

Типичную русскую усадьбу XIX века характеризовали такие особенности, как большая территория, помещичий дом и хозяйственные службы — кухня, баня, конюшня, птичник, гумно, сеновал, флигели для гостей; сад и парк, огород, искусственный пруд и естественный водоем — река или озеро; по соседству находились лес, луга и поля. Усадьба стояла в окружении деревень с избами и мужицким

бытом. Типичный ландшафт составляли равнина, небольшие холмы. Характерной приметой помещичьего дома был балкон, а сада — аллеи, фонтаны, различные беседки, горки, сюрпризы. Анализируя особенности усадебного дома XIX века, реального и литературного, Ю. М. Лотман отмечал: «Барский дом был виден издалека, из окон и с балкона его также открывались далекие виды. Дома провинциальных помещиков ставили крепостные архитекторы и безымянные артели плотников. Они глубоко усвоили одну из главных особенностей древнерусской архитектуры — умение поставить строение так, чтобы оно гармонично вписалось в пейзаж. Это делало такие постройки,

Флигель во дворе. Фото В. Евдокимова. 2009

наряду с церковными строениями и колокольнями, организующими точками русского пейзажа <...> Дом ставился обычно не на ровном месте, но и не на вершине холма, открытой ветрам. Его строили, как правило, на склоне, так, что с одной стороны он казался стоящим на ровном месте (отсюда бывал обычно подъезд, и к дому вела липовая аллея), а с другой — открывался вид на скат холма, спуск к реке или озеру, на далекие горизонты»¹⁵.

Чеховский участок обустроивался как уменьшенная проекция старой русской усадьбы. Здесь также не было недостатка в красивых видах — на море, на горы и на живописную долину реки Учан-Су. Как уменьшенная проекция реки, через сад протекал ручей — естественный источник, питаемый горными родниками. Аналогию искусственному водоему — пруду — составили четыре цементных круглых резервуара,

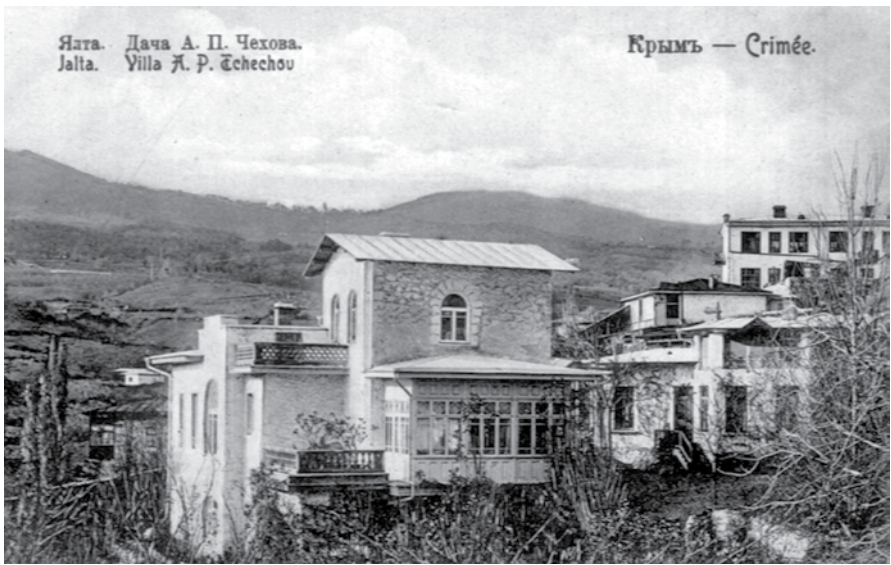
¹⁵ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 515–516.

Сад Чехова в марте. Фото И. Урденко. 2008

врытых в землю в разных частях сада, и большие керамические кувшины, расставленные под водосточными трубами по углам дома. По южной границе сада протянулась аллея из упомянутых в чеховских письмах пятидесяти пирамидальных акаций, а вдоль восточной границы была высажена аллея из вечнозеленых кипарисов. Как вспоминала М. П. Чехова, поначалу в саду задумывались и фонтаны, и таинственные гроты; в процессе посадок от них отказались, но после гастролей Московского Художественного театра в апреле 1900 года в саду появилось оригинальное декоративное украшение — качели из декораций к спектаклю по «Дяде Ване».

Строившийся для Чехова жилой дом был вписан не только в пейзаж, но и в ландшафт. С учетом уклона местности, он возводился таким образом, что с северной стороны казался одноэтажным, увенчанным башней мезонина, но на самом деле был двухэтажным с мезонином — эта особенность открывалась с трех других сторон при подходе к дому. Как в типичной усадьбе, подъезд к нему был с ровной, северной стороны, только не по аллее, а по шоссе вдоль ажурной ограды. С ауткинского шоссе и с чеховского двора второй этаж выглядел как первый, к нему вело небольшое каменное крыльцо и здесь находился главный вход в дом с медной табличкой «А. П. Чехов» на двери. С южной же и с восточной сторон настоящий первый этаж был снабжен небольшими террасами, от которых покато вниз уходил косогор, превращенный в сад, и открывались дальние горизонты. Эта структура в особенности близка к той, что описана Лотманом и известна по произведениям Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого.

Дача А. П. Чехова. Открытка нач. XX в.

Усадебные дома XIX века обычно были деревянными, камень — особенность городских построек. Дом для Чехова возводился каменный, но при этом был снабжен деревянными верандами — как переход от неживого к живому, от камня дома к деревьям сада. Рядом с домом, как частичное воспроизведение усадебного быта, были предусмотрены и появились хозяйственные постройки — флигель, сарай для дров, небольшая оранжерея. Во флигеле была оборудована кухня с настоящей русской печью, с водопроводом, с подвалом внизу и сушильной для белья наверху; там же располагалось и несколько комнат для прислуги — кухарки и дворника. Дворник выполнял обязанности и сторожа, и помогал в уходе за садом. Вместе с родными Чехова из Мелихова приехала кухарка Марьюшка — М. Д. Беленовская, поселившаяся в комнате рядом с кухней. Но в Ялте она жила на покое, готовить еду занимали приходящих кухарок. Элемент «натурального» усадебного хозяйства отражает одно из чеховских писем к Л. С. Мизиновой, написанное в конце сентября 1899 года: «старуха Марьюшка приятно удивлена, что у нас во дворе собственный лавровый лист». Собственный выезд был легко заменен экипажем соседа: «Возле нашей дачи живет извозчик, который будет возить по утрам очень дешево». В качестве живности во дворе поселились ручной журавль и собаки Тузик, Каштан и Шарик, после описанные в воспоминаниях Бунина, Куприна и воспетые четверостишием Гиляровского: «Край, друзья, у вас премилый, / Наслаждайся и гуляй: / Шарик, Тузик косорылый / И какой-то Бабакай» (в шутовском экспромте Гиляровского заодно был упомянут и подрядчик, производивший строительные работы, Бабакай Осипович Кальфа)¹⁶.

¹⁶ Чехова М. П. Из далекого прошлого. Указ. изд. С. 244.

Осваивая предыдущий опыт усадебной жизни, только что став хозяином мелиховского имения, Чехов писал Суворину в апреле 1892 года: «Мелихово Вам не понравится, по крайней мере в первое время. Тут всё в миниатюре: маленькая липовая аллея, пруд величиною с аквариум, маленькие сад и парк, маленькие деревья, но пройдешься раз-другой, взглядишься — и впечатление маленького исчезает. Очень просторно, несмотря даже на близкое соседство деревни». С еще большим основанием Чехов мог бы сказать о своем ялтинском участке: «Тут всё в миниатюре». Общей площадью чуть более трети гектара, он, конечно, был несравним по размерам даже с мелиховским имением, не то что с обширными помещичьими угодьями. И всё же он был обустроен не по принципу местных курортных дач, а по принципу русской усадьбы. Смысловая равнозначность дома и сада в глазах хозяина — с чего начинался замысел — выделяли это чеховское создание среди других ялтинских домовладений, где главной заботой было — жилище, а часто и просто квартира. Характерные для усадебного мира признаки окультуривания местности отличали всю территорию Чехова в целом: сад стал собранием редких растений, а дом — собранием культурных коллекций: книг, картин и других произведений искусства, наконец — целой плеяды замечательных людей того времени.

Конечно, место и время не могли не сказаться на особенностях начинавшейся здесь новой жизни писателя и его семьи. Своеобразным было деревенское окружение — не привычные русские мужики, а греки и татары. Но Чехов дружил с соседями и пользовался их уважением. Живший в Ялте в те годы С. Н. Щукин вспоминал, что Чехов встречался с Таврическим епископом Николаем Зиоровым «по делу о греках»¹⁷, защищая интересы греческого населения деревни Верхняя Аутка. В ялтинском доме А. П. Чехова сохранились некоторые предметы старинной крымскотатарской медночеканной утвари — высокое качество чеканки говорит о том, что, скорее всего, они были поднесены Чехову как ценный подарок в знак благодарности и большого уважения. Известны и некоторые документальные свидетельства взаимных уважительных отношений Чехова с крымскими татарами¹⁸. Время — самый конец XIX столетия — наложило свой отпечаток на благоустройство дома. Вместо бани — отдельного строения в усадьбе старого типа — прямо в доме была оборудована ванная комната, а над нею на чердаке установлен специально заказанный вместительный бак для горячей воды. В доме были проведены водопровод и канализация, по прошению Чехова подключенные к городской сети. Еще до вселения в дом, 29 августа 1899 года Чехов писал сестре в Москву: «На сих днях поставлю телефон». Телефон позволял держать связь со знакомыми в Ялте и с городскими гостиницами, где останавливались

¹⁷ *Щукин С. Н.* Из воспоминаний об А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Указ. изд. С. 467.

¹⁸ *Сардыко С. А.* А. П. Чехов и крымские татары // Культура Крыма на рубеже веков (XIX–XX вв.): Мат-лы респ. науч. конф. Симферополь, 1993. С. 63–65.

приятели; связывал и с более отдаленными местами побережья, например, с Гаспррой, где в 1901–1902 годах отдыхал Лев Толстой, передававший Чехову по телефону приглашение навестить его на даче графини С. В. Паниной. Телефон сокращал расстояние между Ялтой и Москвой, где в Художественном театре шли чеховские спектакли. Об одной из ночей, заполненной телефонными звонками после премьеры «Дяди Вани», Чехов рассказывал О. Л. Книппер в письме от 30 октября 1899 года: «Телеграммы стали приходить 27-го вечером, когда я был уже в постели. Их мне передают по телефону. Я просыпался всякий раз и бегал к телефону в потемках, босиком, озяб очень; потом едва засыпал, как опять и опять звонок. Первый случай, когда мне не давала спать моя собственная слава». В сущности, Чехов превратил свой участок в Аутке в образец усадьбы рубежа XIX и XX веков, пригодной для совмещения быта и творчества, — не случайно главной комнатой дома стал его рабочий кабинет на втором этаже, а для отдыха приезжающих гостей отводились комнаты первого этажа, выходившие непосредственно в сад.

В отзывах чеховских мемуаристов его дом часто назван «дачей» — по обычаю местных жителей, привыкших к наездам курортной публики. Часто бывавший здесь Куприн писал: «Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом <...> Не знаю, кто ее строил, но она была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Вся белая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная вне какого-нибудь определенного архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой вверху, с разбросанными то широкими, то узкими окнами, — она походила бы на здания в стиле *moderne*, если бы в ее плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус»¹⁹.

Дом был построен по проекту архитектора московской школы Л. Н. Шаповалова. В своих воспоминаниях, написанных более полувека спустя, Шаповалов рассказывал: «Я был тогда очень молод и до крайности застенчив. Чехов же в то время был уже знаменитым писателем, и неожиданное знакомство с великим человеком меня буквально ошеломило. <...> Антон Павлович поручил мне составить проект и изложил свои требования: дом должен быть очень скромным, простым, уютным и удобным. <...> После смерти А. П. Чехова я много лет жил в Крыму и построил там более пятидесяти зданий. Среди них — дачи, санатории, дома отдыха, больницы, школы»²⁰. Но оригинальность чеховского дома осталась поистине уникальной.

В письмах к родным, доживавшим последние месяцы в Мелихове и ожидавшим вестей из Ялты, Чехов как никогда был щедр на восторженные оценки. В июле 1899 года он писал Марии Павловне:

¹⁹ Куприн А. И. Памяти Чехова. Указ. изд. С. 540.

²⁰ Шаповалов Л. Н. Как был построен дом Чехова в Ялте // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Указ. изд. С. 469–472.

Уголок кабинета Чехова: телефон и дверь в спальню. Фото Т. Молотовой. 2006

Телефон в кабинете Чехова, фирма «Эрикссон». Фото Т. Молотовой. 2006

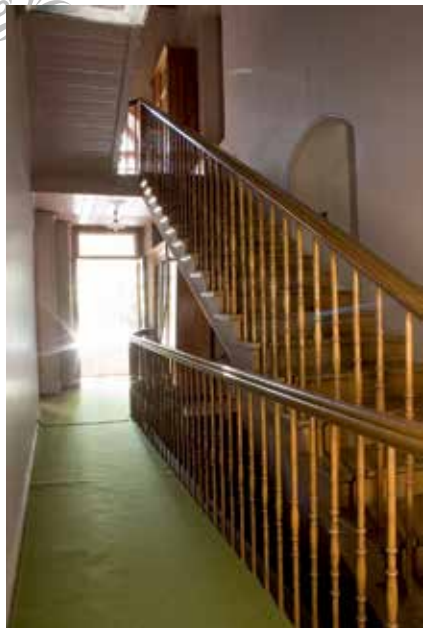
«Ялтинский дом очень хорош. Лучше и не надо. Комнаты малы, но это не бросается резко в глаза. Виды со всех сторон замечательные, а из твоей комнаты такие виды, что остается пожалеть, что этого дома у нас не было раньше. Флигель готов совершенно. Уютно и мило. Все деревья, которые я посадил, принялись. <...> Комната для мамы тоже очень хорошая. Одним словом, не дом, а волшебство».

Здесь нелишне ненадолго отвлечься на предыдущие обстоятельства семьи бывшего крепостного Павла Егоровича Чехова, в которой рос будущий писатель. Обстоятельства эти известны: стесненность жилища в детские годы Антона, разорение домашнего очага в пору его юности, многолетние скитания «родственного клобка» по чужим углам в годы его студенчества и быстро проходившей молодости, — вплоть до покупки Мелихова, ставшего первой успешной попыткой Чеховых свить свое гнездо на своей земле, по своим семейным потребностям. Антон Чехов появился на свет в Таганроге в маленьком домике на Полицейской улице, сложенном из самана — земляного кирпича, одноэтажном, всего в три комнатки, не считая тесной кухни. Площадь комнат с низкими потолками составляла 26 квадратных метров: на ней размещались родители, старшие дети Александр и Николай, новорожденный третий ребенок и взятая в няньки к Антону старушка Агафья Кумская. Почти век спустя, когда родной город Чехова готовился к своему юбилею и вспоминал имена прославивших его земляков,

руководство Таганрогского литературного музея имени А. П. Чехова обратилось к сестре писателя с просьбой — «помочь восстановить обстановку домика, где родился и провел первые годы Чехов — сделать подарок городу к 250-летию Таганрога»²¹. Ответ М. П. Чеховой, посланный из Ялты 2 декабря 1947 года, был весьма показателен: «...я совершенно не помню ни дома, ни обстановку того периода. Когда я в 1934 году была в Таганроге и зашла в этот домик, я даже представить себе не могла, как могли размещаться на этой маленькой площади все члены довольно многочисленной тогда чеховской семьи»²². Сестра Чехова и не могла помнить что-либо, относящееся к тому домику: она родилась на следующей съемной квартире, и ее детские воспоминания относились уже к другим адресам. По мере роста семейства Чеховы в Таганроге меняли одно жилье за другим, пока Павел Егорович не предпринял попытку выстроить собственный дом на земле, купленной еще его отцом, Егором Михайловичем. Неудачно поведенное дело привело к банкротству главы семьи и положило конец таганрогской жизни Чеховых. Их дом был выставлен на торги и приобретен приказчиком отца Гавриилом Парфентьевичем Селивановым. Через десять лет после потери дома Чехову довелось побывать в Таганроге и взглянуть на то место, с которым когда-то было связано столько семейных надежд. Свое впечатление он передал

Мезонин Белой дачи. Фото автора. 2013

Лестница в мезонин
Фото Т. Молотовой. 2006

²¹ Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Чеховиана за 1947 г. Л. 31.

²² Там же. Л. 30.

в письме к родным в нескольких строках: «Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?!»

Память об этом прошлом, вероятно, подспудно жила во всех детях Павла Егоровича даже в пору их взрослого, относительно стабильного благополучия. Лишь изредка скрытое прорывалось в таких проговорах, как в письме Чехова к старшему брату из Мелихова: «В сущности, какое несчастье, что мы с детства не имели своего угла», — или в письме из Ялты к сестре с сожалением, «что этого дома у нас не было раньше».

А. П. Чехов на балконе Белой дачи с матерью Евгенией Яковлевной, сестрой Марией Павловной и женой Ольгой Леонардовной. Фото Л. Средина. 1902

Шаповалов признал готовым дом Чехова к сентябрю 1899 года, но отделочные работы внутри продолжались практически до декабря. Первый из написанных в этом доме рассказов — знаменитая «Дама с собачкой» — сочинялся под стук молотков плотников, навешивающих двери в комнатах. Чехов въехал сюда вместе с матерью и сестрой 9 сентября 1899 года и прожил, иногда уезжая и возвращаясь, до 1 мая 1904 года. В соответствии с планом вышло девять жилых комнат: по четыре на каждом этаже и еще одна в мезонине, сразу предназначенная для Марии Павловны. Благодаря густой побелке по плотному серому известняку и стройной конструкции дом хорошо был заметен из центра, в городе дали ему название — Белая

дача; позже, когда он стал местом массовых посещений экскурсантов, народная память закрепила более ласковое его наименование — «домик Чехова». При жизни хозяина здесь находили себе приют не только его родные, но и друзья — И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. Горький, В. А. Гиляровский, И. И. Левитан; заходили в гости В. Г. Короленко, Л. Н. Андреев, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, П. Н. Орленев и А. Назимова, Ф. И. Шаляпин и С. В. Рахманинов, К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, артисты Московского Художественного театра; бывало немало других знаменитых и незнаменитых людей, от местных гимназистов до почтенных академиков, от давних друзей до путешествовавших по Крыму иностранных туристов. В одном из чеховских писем в декабре 1901 года есть такое шутивное сообщение: «Сейчас по телефону получил известие, что ко мне едет на извозчике турист-венгерец, посещающий всех писателей. Того не знает, что я уже не писатель, а садовник».

Но, конечно же, для всех окружающих он в первую очередь был и оставался писателем. Несмотря на постоянную заботу о саде, требовавшей заботы, как живой развивающийся организм... Несмотря на активную деятельность в благотворительном «Попечительстве о приехавших больных», где пригодились и его профессиональные медицинские познания, и необыкновенная человеческая отзывчивость... Несмотря на неумение отказать бесчисленным посетителям, злоупотреблявшим его временем и деликатностью... Наконец, несмотря на отбирающую силы болезнь, с постоянно повышенной

Друзья и гости Чехова: витрина-веер в кабинете ялтинского дома

температурой, мучительным кашлем, сердечными перебоями... Тайны творчества сокровенны: может быть, то, что затем создавалось за письменным столом, питалось и этими отвлекающими моментами текущей жизни? Хотя некоторые из причинно-следственных связей здесь даже более чем очевидны. Писатель сначала посадил на своем участке вишневые деревья, а потом написал пьесу «Вишневый сад». самого себя сравнивал с деревом, пересаженным с северной на южную почву: «...я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть?». И передал свое ощущение персонажу «Трех сестер» барону Тузенбаху, размышлявшему за час до гибели на дуэли: «Вот дерево засохло, но всё же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если и я умру, то всё же буду участвовать в жизни так или иначе».

По мемуарным источникам и письмам Чехова известно, как много внимания уделял он Ялтинской женской гимназии, где был одним из попечителей. Тесная дружба связывала его и его семью с

Крыльцо Белой дачи
Фото автора. 2013

Вензель Чехова на стене у входа
Фото автора. 2013

начальницей гимназии В.К.Харкеевич. Ялтинские учителя были частыми гостями на Белой даче, где всегда был накрыт гостеприимный стол с горячим самоваром и угощением. Исследователи связывают эти факты реальной биографии с пьесой «Три сестры»: там тоже ведутся разговоры о гимназическом обучении, о преподавателях и учениках. Из широкого круга общения писатель черпал характерные черточки и детали, претворявшиеся впоследствии в художественных образах. Купленная у местного фотографа фотокарточка епископа Таврического и Симферопольского М.М.Грибановского с матерью дала творческий импульс замыслу рассказа «Архиерей». Гуляющая толпа на набережной, городские и природные ландшафты нашли отражение в «Даме с собачкой», недаром среди местных дам сразу же объявилось несколько претенденток на роль прототипа главного женского образа, милой Анны Сергеевны. Посещение ванного заведения на набережной дало детали для изображения водолечебницы в рассказе «На святках». Даже такая странная фамилия персонажа «Трех сестер», как Солёный, оказывается, принадлежала одному из знакомых соседей Чехова. Такие примеры ялтинского контекста творчества Чехова можно множить и далее.

Последние годы дали Чехову чувство родного очага, сотворенного собственными усилиями. Нелегко и не сразу, на протяжении всех пяти крымских лет, образ «маленького пупа земли» понемногу превращался в другой, также известный по культурной мифологии, — образ пенатов, символ домашнего крова. И в конце концов этим пенатам было дано предпочтение перед навсегда полюбившейся Москвой — в январе 1904

Южный фасад Белой дачи. Фото Т. Молотовой. 2006

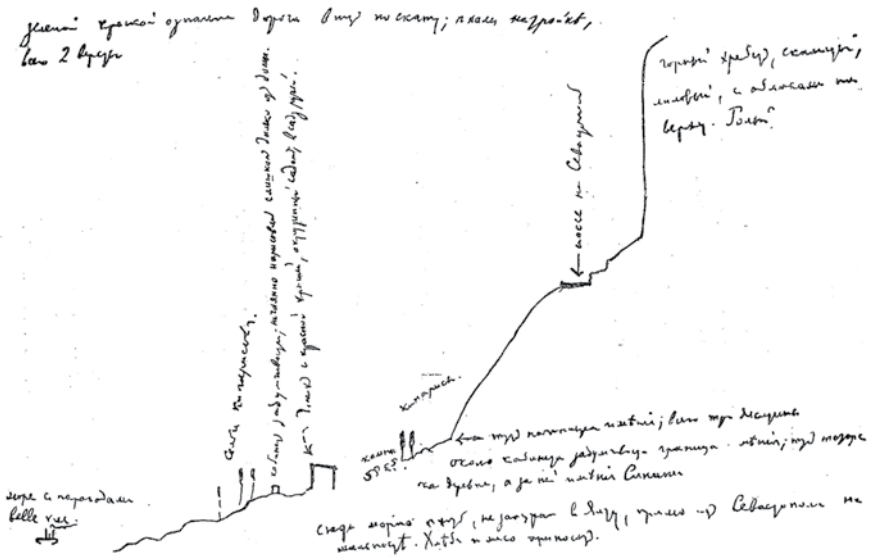
года, когда шел второй месяц пребывания на временной московской квартире, Чехов писал Л.В.Средину, доверяя ему свое настроение: «Москва очень хороший город <...> Но здесь страшная толкотня, ни одной свободной минуты, всё время приходится встречать и провожать и подолгу говорить, так что в редкие свободные минуты я уже начинаю мечтать о своем возвращении к ялтинским пенатам, и мечтаю, надо сознаться, не без удовольствия».

«Кучукойский майонез»

Приехав в Ялту в середине сентября 1898 года и поселившись на частной даче, Чехов уже через неделю начал подумывать о приобретении собственного владения на Южном берегу Крыма. Известный ялтинец Исаак Абрамович Синани, владевший участком в районе татарской деревушки Кучук-Кой¹, сообщил ему о продажном соседнем имении: в 27 верстах от Ялты, по дороге на Севастополь, между Алупкой и Форосом, в 15–20 минутах ходьбы от моря. 26 сентября вместе с

Дорога в Кучук-Кой. Рисунок А. П. Чехова в письме к М. П. Чеховой. 27 сент. 1898

Синани Чехов ездил смотреть это имение и в письме к сестре дал его подробное описание. На участке площадью в 3 десятины располагались дом и хозяйственные постройки, виноградник, табачная плантация, а также громадные камни — следы горного обвала, в конце XVIII века обрушившего в море большую часть прежнего греческого селения. Из скалы возле дома дугообразной струей бил родник с холодной водой.

¹ Автор придерживается современных норм написания топонимов: Кучук-Кой, Кикенез и т. д. В цитатах из опубликованных и рукописных источников сохраняются оригинальные особенности написания.

Домик был симпатичным: под красной крышей среди зелени сада, в два этажа, наверху две комнаты и внизу тоже две; с балкона открывался чудесный вид на море. Кроме того, имелись: флигель — «сакля в татарском вкусе», кухня с русской печью и плитой, сарай для коровы и новый табачный сарай из нескольких отделений. Жилой дом был частично обставлен: новому владельцу оставались буфет, гардероб, два стола, дюжина венских стульев, диван и железная печь. Дом выглядел чистым, новым, а деревья — старыми. На участке росли тополя, кипарисы, гранатовое дерево, инжир, маслины и грецкие орехи. Писателя поразил развесистый грецкий орех, в несколько раз больше самой большой из яблонь в его подмосковном саду; понравился чудесный, густой запах кипарисов и весь воздух этого места — «чистый, как на небе».

«Всё трогательно, уютно, оригинально, художественно; но... страшная дорога!!» В том же письме к сестре Чехов рассказал не только о кучук-койских постройках и посадках, но и нарисовал план местности в боковом разрезе. План оказался возможен именно в профильном изображении — благодаря особенностям рельефа. На чеховском чертеже отмечен пункт на Севастопольском шоссе — станция Кекенеис; по правую сторону вертикальной линией обозначен уходящий резко вверх «горный хребет, скалистый, лиловый, с облаками наверху»; по левую сторону — провальный спуск под углом в 60° к продающемуся имению. «Спуск очень крут, ехать было мне так страшно, что потом всю ночь мне мерещилась круча», — откровенно признавался Чехов в своем впечатлении.

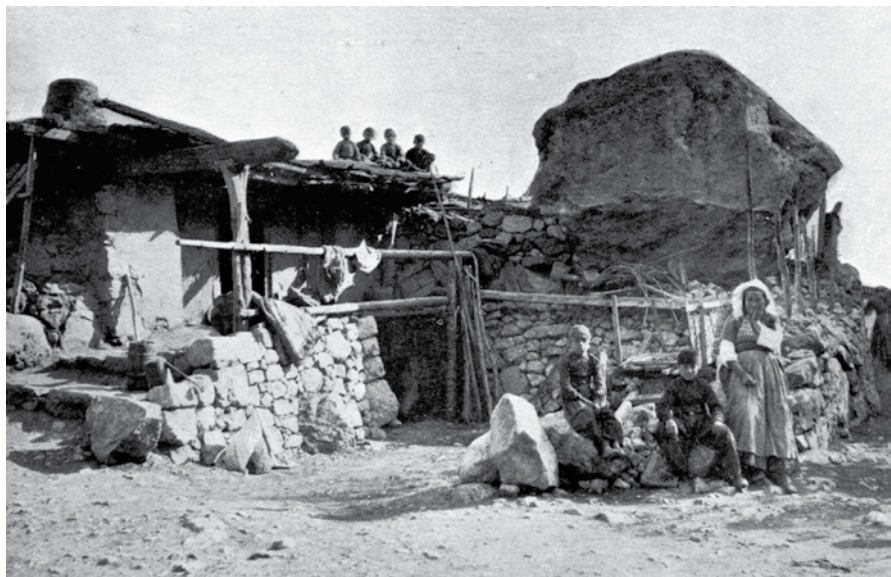
Обратившись к известному «Путеводителю по Крыму» А. Безинского, изданному в начале 1900-х годов, можно узнать, что особенность этой части побережья обусловили «следы страшных геологических переворотов: размытые долины, обрушившиеся утесы, пропасти. Тут, — пояснял Безинский, — в весьма живописном местоположении находится маленькая деревня *Кучук-Кой* (Кучук-Кой по татарски — маленькая деревня). Горы надвинулись над Кучук-Коем и, кажется, вот-вот упадут на него. Когда едешь в Кучук-Кой с почтового шоссе по очень длинной, узкой, извилистой дороге, то внизу

Шоссе близ Байдарских ворот
Фото В. Н. Сокоорнова. 1900-е

расстилается поэтический вид: лужайки, виноградники, рощицы, сакли, дачи»².

В чеховских письмах отмечены те же контрасты: «Свалиться нельзя, но все-таки страшно. Кроме этой дороги, есть еще тропинка, идущая от шоссе к имению — тут идти даже приятно; говорят, что есть еще какая-то боковая дорога на Алупку и что скоро, через 1¹/₂—2

Сакля крымских татар. Открытка нач. XX в.

года, пройдет железная дорога у самого имения, между ним и морем. Насколько страшно спускаться, настолько приятно, мирно и спокойно внизу».

Имение продавалось за 2 тысячи рублей. «Это до дикости дешево, — писал Чехов сестре. — Спуск страшный, но красивый, и ты, быть может, прельстишься как художница». Окончательное решение о покупке Чехов оставлял за Марией Павловной. Но на время этот вопрос был отложен: в конце октября писатель приобрел участок в Верхней Аутке. М. П. Чехова приезжала из Москвы, чтобы принять участие в его обустройстве, и заботы о новом семейном гнезде — будущей Белой даче — вышли на первый план.

Однако чем больше хлопот оказывалось у Чехова в связи с постройкой в Аутке, тем привлекательнее казалось ему уединенное и достоящееся в готовом виде, не требующее ни на копейку ремонта имение. В течение двух месяцев после первых смотрин Чехов не раз будет заводить о нем разговор: брату Ивану напишет, что имение очень удобно для тихой, идиллической жизни; брату Михаилу сообщит, что

² *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. М., 1903. С. 326.

оно годится в качестве очень милой дачи. В новом письме к сестре он поделится размышлениями, перечисляя достоинства и недостатки подобного варианта: «Имение находится рядом с деревушкой Кучукой и называется поэтому Кучукой. Дорога туда очень хорошая; грязи никогда не бывает, свалиться нельзя, но 1) от Ялты почти 30 верст и 2) когда спускаешься с шоссе к Кучукою, то так высоко, что страшно

Типы крымских татар. Открытка нач. XX в.

смотреть вниз, так страшно, что, например, мать не согласилась бы проехать по ней, т. е. дороге, за миллион. Имение маленькое, всего 3 десятины; ни о каком хозяйстве конечно не может быть речи, так как мы не татары и в Кучукое весь год не сидели бы; виноградник отнимает времени меньше, чем розы. И если покупать это имение, то лишь для забавы, для летнего и осеннего времяпрепровождения, так сказать, для пейзажа». Постепенно у Чехова оформляется замысел: дом в Аутке предназначен для постоянного жительства, Кучук-Кой подходит для летнего отдыха семьи, главным образом — сестры и семейных братьев.

Всё же для Марии Павловны некоторой неожиданностью явилось письмо Чехова, отправленное из Ялты в Москву 8 декабря 1898 года: «Ну-с, начну с новости. Новость приятная, неожиданная. Не думай, что я хочу жениться и сделал предложение. Я не удержался, размахнулся и купил Кучукой. Купил ровно за две тысячи и уже совершил купчую, и на сих днях поеду туда уже как хозяин и повезу матрас и простыни». Имение было куплено за наличные, долгов на нем не было. Нотариус в Симферополе утвердил купчую, после чего она была прислана М. П. Чеховой.

Фото М. Горького с дарственной надписью в день рождения А. П. Чехова. 17 янв. 1904

Ни одна покупка Чехова за всю его жизнь не доставила ему столько радости, как приобретение Кучук-Коя. Деликатному и всегда считавшемуся с семейными интересами Антону Павловичу эта радость причиняла даже некоторую неловкость, и он поспешил как будто оправдаться перед сестрой: «Если тебе не нравится, что я купил Кучукой, то не особенно волнуйся. Это не пропащие деньги; всегда можно продать, и притом с большим барышом, особенно когда пройдет железная дорога». На самом же деле Чехов немного лукавил: к этому времени не было никакой уверенности, что проект железной дороги в этом районе будет утвержден. Ему очень хотелось выглядеть чрезвычайно практичным человеком, сделавшим выгодное экономическое приобретение. Потом

он даже рассчитает, что можно сдавать в аренду табачный сарай и иметь 5–6% дохода. В действительности главным было другое: то, что он стал владельцем «одного из самых красивых и курьезных имений в Крыму». В декабрьском письме к сестре он отметил *belle vue* — «прекрасный вид», в январе 1899 года в письме к брату Александру писал: «*Belle vue*, такое *belle vue*, что хоть отбавляй».

Кучук-Кой пробуждал воображение Чехова. В октябре 1898 года он описывал эти места Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко: «поэтично, уютно, но дико; это не Крым, а Сирия». В декабре уже после покупки написал Марии Павловне: «Овраги, каменные глыбы, старые деревья, вода, необычайный простор и дикость, как в Африке, и глядя на всё это, я думал: как было бы глупо, если бы я не купил этого имения!» Позже сообщал о новом владении двоюродному брату Георгию: «Это изумительное место по красоте, нечто невиданное...» Вскоре после покупки Чехов съездил туда вместе с Львом Николаевичем Шаповаловым, архитектором Белой дачи, и Шаповалов, оглядевшись, всплеснул руками и сказал: «Чего тут только можно понаделать!» В переписке писателя проскальзывает намерение построить еще один небольшой дом, европейского типа, не без иронии именуемый «зámком». В первых числах апреля 1899 года Чехов посетил Кучук-Кой вместе с Максимом Горьким. Показывая свое имение, он рассказывал, что хотел бы устроить здесь санаторий для больных сельских учителей — выстроить новое светлое здание, с большими

окнами и с высокими потолками, с прекрасной библиотекой и разными музыкальными инструментами. Рядом Чехову виделись пчельник, огород, фруктовый сад. Горький запомнил детали этой поездки: клочок земли и белый двухэтажный домик, жаркий солнечный день, доносящийся с моря шум волн и ласково-грустный чеховский взгляд. В тот же день Чехов писал родным: «Только что вернулся из Кучукоя. Там изумительно хорошо, просто рай... Деревья уже распустились, трава, всюду водопадами бежит вода, шум. В Кучукое очень уютно.

А. П. Чехов с П. А. Сергеевко на балконе
Белой дачи. Фото А. П. Сергеевко. 1900

Если там иметь одну лошадь и одну корову, то можно жить припеваючи. Мне предлагают за сие имение 5 тыс., но я не продам».

10 апреля 1899 года Чехов уехал из Ялты в Москву и в течение нескольких месяцев оставался в своем подмосковном имении Мелихово. В письмах он приглашал погостить в Кучук-Кое родных и знакомых — брата Ивана, двоюродного брата Владимира, актрису О. Л. Книппер, писателей М. Горького и П. А. Сергеевко. Гость фактически оказался один — старый приятель Пётр Сергеевко. О своих впечатлениях он рассказал в очерке «О Чехове», посвященном памяти писателя:

«...страдая, как работник, за свое бестолково разрываемое на клочки время постоянными набегами всевозможных “антоновцев” и “антоновок”, Чехов в конце 90-х годов приобрел себе в горах, недалеко от Симеиза, у татарской деревушки *Кучук-Кой*, несколько десятин земли с небольшим домом. Антон Павлович рассчитывал там построить для себя дом и скрываться туда для отдыха — работы. Место, приобретенное Чеховым, очень красиво. Оттуда открывается волшебный вид на море и на горы. Один из приятелей Чехова, посетивши *Кучук-Кой*, писал Чехову:

И, восходя крутой тропой,
Вздыхал я, думая: на кой
Антону нужен *Кучук-Кой*?
Но лишь взглянув на *Кучук-Кой*,
Мне стало ясно вдруг: какой
Прилив и мира, и покоя
Найдет здесь житель *Кучук-Коя*.

Но мечты Чехова не осуществились. Занявшись постройкой виллы в Аутке, он не мог ничего сделать для *Кучук-Коя*. Затем женитьба... Художественный театр... поездки в Москву... И небольшой белый

Вид имения А. П. Чехова в Кучук-Кое. ИРЛИ (Пушкинский Дом)

домик в *Кучук-Кое* до сих пор стоит одинокий — под сенью огромного волошского ореха с благоухающей листвою... У крылечка выросла трава, а на самом видном месте обвалилась штукатурка»³.

Отметим характерно курсивное выделение, сделанное Сергеенко: если Аутка воспринималась им как привычное название, то *Кучук-Кой* звучал странно для приезжего человека. Наверняка сам мемуарист был и сочинителем стихотворных строк, приведенных от имени «одного из приятелей».

Покупка *Кучук-Коя* дала Чехову повод поставить в одном из писем к брату Александру шутивную подпись: «Богатый родственник, землевладелец». Свое новое владение он то называл пренебрежительно «кучукойским именишкой», то величал торжественно «майоратом», а как-то услышав от московского издателя Н. И. Пастухова, что тот именует «майорат» — «майонезом», не замедлил с определением — «мой кучукойский майонез». В результате нескольких посещений хозяина в доме завелись самовар, посуда, постельные принадлежности. Но чем далее, тем яснее писатель сознавал: *Кучук-Кой* очарователен, но почти недоступен. Соблазнительно близко находилось чудесное море, был песчаный берег и удобные камни, с которых ловилась крупная рыба, — но когда в один из приездов Чехов спустился к морю, то на обратном пути подъем оказался ему не по силам. То ли в шутку, то ли всерьез после этого он сказал, что «для купанья и рыбной ловли придется прибегать к услугам лошади или ослов».

³ *Сергеенко П.* О Чехове // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1904 г. за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1904. С. 267.

Берег в районе чеховского Кучук-Коя. Фото А. Фатерыги. 2014

Следы горного оползня в районе чеховского Кучук-Коя. Фото А. Фатерыги. 2014

И. А. Бунин. Фото с дарственной надписью А. П. Чехову

Осенью 1899 года, когда семья уже поселилась на Белой даче, Чехов решил свозить сестру и мать в это имение. На следующий день, 18 октября, он писал брату Ивану: «Когда спускались по страшной дороге, мать была в ужасе, молилась, но Кучукой ей очень понравился. Маше тоже понравился. Летом будем там жить — так решили...» Однако поездка матери и сестры оказалась единственной. В конце октября Мария Павловна вернулась в Москву, где снимала квартиру, и уже 1 ноября Антон Павлович написал ей из Ялты: «Думаю продать Кучукой и купить где-нибудь поближе, с куском берега, чтобы иметь свое купанье. Такое одно именье продается около Гурзуфа...» Не пройдет и трех месяцев, как Чехов действительно купит участок в Гурзуфе, и семья

получит другую дачу на морском берегу. В марте 1900 года в письме к Сергеенко, вспоминавшему Кучук-Кой с восторгом, Чехов напишет с немалой иронией: «В Кучукое ты умер бы с голоду, там нельзя жить, не организовавши предварительно правильного хозяйства. Но радуйся, с голоду ты не умрешь, так как я продаю Кучукой. Уже есть покупатель».

В январе — феврале 1901 года у Чеховых в Аутке жил Иван Бунин, и в его заметках сохранилась запись того времени с упоминанием Кучук-Коя: «Крым, зима 1901 года на даче Чехова.

Чайки как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки возле клонящейся лодки. Пена как шампанское.

Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-ук-Су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся»⁴.

Такая запись подтверждает, что Бунин побывал в живописном чеховском имении. Самого Антона Павловича в тот период не было в Ялте, Бунин сопровождал Марию Павловну, постоянную спутницу в поездках на водопад Учан-Су, в Гурзуф и соседний с Гурзуфом курорт Суук-Су, — места, упомянутые рядом в одной дневниковой записи. 3 января 1901 года М. П. Чехова сообщила в письме к О. Л. Книппер, что Кучук-Кой переходит в другие руки: «Купчую на Кучукой наконец вчера совершил Коновицер. Завтра еду туда приводить всё в порядок, хотя

⁴ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1967. С. 193–194.

адски не хочется, холодно, мороз. Еду с Синани и Буниным, о Бунине расскажу по приезде. Он остановился у нас и состоит моим кавалером»⁵.

Крымские впечатления этой поры надолго сохранятся в творческой памяти Бунина. Позже детали, внесенные им в прозаическую заметку, повторяются в его стихотворении «Всё море — как жемчужное зеркало...» (1905), где и образ «серо-лилового, зеркального моря», и сравнение белых чаек с поплавками получают свое поэтическое развитие:

Всё море — как жемчужное зеркало,
Сирень с отливом млечно-золотым.
В дожде закатном радуга сияла.
Теперь душист над саклей тонкий дым.

Вон чайка села в бухточке скалистой, —
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струю серебристой
Сбегает с лапок розовых вода.

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд,
А там, вдали, — и жемчуг и опалы
По золотистым яхонтам текут.

Хлопотами М. П. Чеховой кучук-койское имение было продано через комиссионную контору А. Н. Виноградова в Москве, купчую по доверенности оформил хороший знакомый семьи Чеховых адвокат Е. З. Коновицер. Покупательницей была госпожа Перфильева из города Кологрива, но сделка совершилась заглазно, по рекламному объявлению. Новая владелица увидела реальную картину только поздней осенью и была настолько разочарована, что послала прежним владельцам «ругательное письмо» с требованием вернуть деньги. Чехов немедленно распорядился в Москву, чтобы деньги Перфильевой были высланы в Кологрив без объяснений и разговоров. «Никогда не буду больше ничего продавать, — писала брату Мария Павловна после этого инцидента. — Единственное утешение — опять орехи будем получать из Кучукоя. Снова возня с купчей и т. п. неприятности. Винават тут, конечно, Виноградов со своими глупыми рекламами»⁶. А в письме к матери, посланном из Москвы 9 декабря 1901 года, сообщала: «Передайте Антоше, что Кучук-Кой теперь опять наш и на покупку его я истратила всего 1 р. 50 коп. (полтора рубля). На праздниках придется мне туда ехать. Когда пройдет железная дорога, то мы продадим его гораздо дороже, а пока покушаем орешки и винограду»⁷.

При жизни А. П. Чехова имение так и не было продано, хотя вопрос об этом возникал еще несколько раз. В декабре 1902 года Чехов писал

⁵ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1: 1899–1927. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 52.

⁶ Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову. М.: ГИХЛ, 1954. С. 191.

⁷ ОР РГБ. Ф. 331. К. 79. Ед. хр. 30. Л. 21–22.

Домик А. П. Чехова в Кучук-Кое
Фото И. П. Чехова. 1900-е. РГАЛИ

жене из Ялты в Москву: «Сегодня приходили покупать Кучукой. Я сказал, что это не мое дело, что скоро приедет Маша, к которой пусть и обращаются». В мае 1903 года в письме к сестре он заметил как бы между прочим: «Гурзуф и Кучукой надо бы продать». Мария Павловна отвечала: «Я постараюсь продать Кучукой и Гурзуф, но это так трудно! Разве только с убытком и за дешевую цену спустить»⁸. А 22 июня сообщила брату, уехавшему в Подмоскovie: «Я ищу усиленно покупателей, и кое-кто находится. На днях придется ехать с Синани в Кучукой»⁹. В их переписке это последнее письмо с упоминанием о Кучук-Кое. Кучук-койская тема сделала круг и вернулась к своим истокам: впервые возникнув в письме Чехова к сестре после поездки с Синани в сентябре 1898 года, она завершилась сообщением Чехову от сестры о поездке туда же с тем же Синани в июне 1903 года.

Последние всплески кучук-койской темы донесут до Чехова письма двоюродного брата Георгия Митрофановича, уроженца Таганрога, служившего в Ялтинском отделении Агентства Русского общества пароходства и торговли. Письма Георгия Митрофановича адресованы Чехову, находившемуся в отъезде, и наполнены ялтинскими новостями, среди которых нашлось место и упоминаниям о кучук-койском имении. В письме от 27 июня 1903 года впервые в семейной переписке встречается и его название: «В будущий четверг я, Маша едем в Кучукой посмотреть и прибить дощечку с надписью “Тихий приют”»¹⁰.

Сдержанный по натуре, Чехов не открывал в полной мере даже близким, что значит Кучук-Кой в его жизни. Приоткрыть мог только случайно, при совпадении повода и настроения, как случилось однажды в беседе с писателем и журналистом Алексеем Николаевичем

⁸ Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову. С. 216.

⁹ Там же. С. 220.

¹⁰ ОР ГРБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 5 н-у. Л. 47 об.

Мошиным, побывавшим в чеховском доме в Аутке 25 августа 1901 года. Разговор начался с чисто внешних впечатлений посетителя от увиденных в кабинете картин Левитана, а под конец вдруг коснулся и неочевидной темы:

«Заговорили о Кучук-Кое, куда я собирался ехать.

— Я люблю Кучук-Кой, — сказал Чехов. — Тихий уголок... Жаль, редко приходится там бывать...»¹¹

Эти слова, сохраненные мемуаристом, объясняют и закрепившееся официально название первого крымского имения Чехова — «Тихий приют».

2 июля 1904 года по принятому в России юлианскому календарю (старому стилю), или 15 июля по действовавшему в Европе григорианскому календарю (новому стилю), А. П. Чехов умер в

Германии, в курортном городке Баденвейлере. Семья писателя узнала его посмертную волю две недели спустя, когда после похорон в Москве собралась в ялтинском доме.

В завещательном письме на имя сестры Чехов распоряжался имевшимися на его счету денежными суммами и недвижимым имуществом, к которому он отнес только дом в Аутке и дачу в Гурзуфе. О кучук-койском имении в этом распоряжении не было упомянуто ни слова.

По истечении положенного срока в шесть месяцев, пройдя необходимые юридические процедуры, родные Чехова вступили в права наследования. После этого 4 апреля 1905 года в конторе московского нотариуса В. Д. Плевако они заключили акт о миролюбивом разделе общего наследства, где каждому из наследников досталась своя часть недвижимости. В составе недвижимого имущества значилось также имение Таврической губернии, Ялтинского уезда «при дер<евне> Кучук-Кой, именуемое “Тихий Приют”, заключающееся в участке пахотной земли, со всеми на нем строениями, нигде от огня не застрахованными, со всеми насаждениями, обзаведениями и угожьями пространством около трех десятин, в границах: с одной стороны общественная дорога дер<евни> Кучук-Кой, земли Гания Усеин оглу, Умера Сулеймана оглу

И. П. Чехов. 1910-е

¹¹ Мошин А. Н. Новое о великих писателях: Мелкие штрихи для больших портретов. СПб., 1908.

и Мустафы Асан оглу, с другой та же дорога и с третьей стороны — владение общества поселян дер<евни> Кучук-Кой». Цена этого имения была определена в 8000 рублей. По согласному решению всех наследников, оно поступило «в исключительную собственность Ивана Павловича Чехова»¹².

Из всех родных Чехова его брат Иван, служивший в Москве учителем, в наибольшей степени разделял убеждение, что «лучше и красивее Кучукоя нет места в Крыму!»¹³. В первые годы Иван Павлович с удовольствием приезжал туда, как только обстоятельства позволяли вырваться в Крым. В середине апреля 1905 года он писал из Ялты жене Софье Владимировне: «18-го думаю ехать в Кучукой. Синани рассказал мне очень много благоприятного о Кучукое. Если можно будет устроить его для жилья, я приложу все старания. Природа там дивная, а какое чудесное море!»¹⁴ В глазах нового владельца очарования кучуко-койских пейзажей не могли затмить даже признанные европейские красоты. Летом 1911 года, отправившись со знакомыми в поездку по Италии, И. П. Чехов напишет жене с Капри: «Море такое же, как и в Кучукое. Растительность в Крыму богаче»¹⁵. А прибыв в Геную, сделает окончательный вывод: «Ривьере и Капри далеко до нашего Крыма»¹⁶.

Но близкие Ивана Павловича предпочитали для отдыха более благоустроенные дачные места. Софья Владимировна в душе была северянка, а подрастающему сыну Володе хотелось проводить время в интересной компании сверстников, а не в кучуко-койском затворничестве. Осенью 1909 года И. П. Чехов купил 3 десятины земли в деревне Гришино, в районе станции «Подсолнечная» по Николаевской железной дороге, и сразу же заказал «построить за 1000 руб. дачку в 4 комнаты, с кухней, сараем и погребом»¹⁷. В ноябре 1909 года он извещал сестру в открытом письме: «На “Подсолнечной” дача уже строится по нашему плану: сарай и погреб совсем готовы, а дом дошел до крыши»¹⁸. Начиная с 1913 года в его переписке с сестрой и женой стала замечаться готовность расстаться с «Тихим приютом». Покупатели в конце концов нашлись, хотя и не скоро. Об этом говорит запись в карманной записной книжке И. П. Чехова, сделанная его рукой на листке с датой 31 января 1917: «Продал Кучукой инженерам: Дмитрию Трофим<овичу> Калину и Ивану Владимировичу Петрову, Болшево, фабр<ика> Рабнек»¹⁹. Накануне, 30 января, на его сберкнижку в Московской государственной сберегательной кассе была положена сумма в 10 тысяч рублей в процентных бумагах 2-го Военного 5,5% займа 1916 года. Но в надвигающихся катаклизмах революционных

¹² ОР РГБ. Ф. 331. К. 109. Ед. хр. 106. Л. 1 об. — 2.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 22 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 22.

¹⁶ Там же. Л. 23 об.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 331. К. 82. Ед. хр. 35. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 22.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 331. К. 82. Ед. хр. 29. Л. 18.

событий и Гражданской войны эти деньги не были сняты со счета и не смогли облегчить жизнь Ивана Павловича и его семьи²⁰.

В семейной памяти Чеховых судьба кучук-койского имения выглядит противоречиво.

Племянник писателя Сергей Михайлович Чехов, сделавшись биографом семьи, записал по юношеским воспоминаниям: «Насколько припоминаю, Иван Павлович продал свое кучукойское имение в 1910 году перед тем, как купить себе маленькую усадобку Гришино под Москвой»²¹. Это предположение ошибочно: участок в Гришино был приобретен в 1909 году, а владение Кучук-Коем прослеживается по документам до 1917 года.

Сестра писателя оставила другую версию: «После смерти Антона Павловича, зная его расположение к брату Ивану Павловичу и заботы о нем, Кучукой отдали ему. Но Иван Павлович там тоже не жил. После революции этим имением никто из нас не интересовался»²². В машинописном оригинале, постранично завизированном самой Марией Павловной, последние строки о судьбе кучукойского имения были несколько иными: «После революции этим имением никто из нас не интересовался, и оно, видимо, было зачислено в коммунальный фонд, как усадьба без хозяев»²³. При издании из авторизованного текста было удалено и окончание фразы о продаже имения Перфильевой: «Больше мы не пытались продавать его, и он до конца оставался нашим»²⁴.

Для почитателей Чехова, имевших возможность ознакомиться с его опубликованными письмами, это место фактически оставалось белым пятном. У кого-то из корреспондентов М. П. Чеховой возникали по этому поводу вопросы, ставившие ее в затруднительное положение. По современной ситуации говорить о нем было нечего, а по давно прошедшей — времени жизни Антона Павловича — кучук-койскому эпизоду не придавалось особого значения. В книге «Из далекого прошлого» всё, что было связано с этой темой, свелось к пересказу или цитированию отрывков из чеховских писем 1898–1903 годов. И достаточно откровенно проявилось стремление близких принизить значимость этого места в скромных оценках: «дача», «на крохотном кусочке земли», «домик», «флигелек», и не имение, а «именьице»²⁵.

С течением времени Кучук-Кой превращался в миф, растворялся в крымском пространстве. Не случайно редким упоминаниям о нем в трудах заинтересованных и профессиональных исследователей

²⁰ Подробной истории кучук-койского имения и судьбам его владельцев посвящено отдельное издание: Головачёва А. Г. Чеховский Кучук-Кой. История одного имения. М.: Гелиос АРВ, 2019. 224 с.

²¹ Цит. по: Сосенкова Марина. «Курьезное имение» Чехова (История кучукойской дачи писателя) // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев. № 4. Симферополь, 1997. С. 75.

²² Чехова М. П. Из далекого прошлого. М.: ГИХЛ, 1960. С. 258.

²³ ОР РГБ. Ф. 331. К. 80. Ед. хр. 33. Л. 260.

²⁴ Там же.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 331. К. 80. Ед. хр. 33. Л. 211.

С. В. Чехова и Володя у дома в Кучук-Кое
Фото И. П. Чехова. 1900-е. РГАЛИ

свойственна путаница с его местонахождением. Зарубежный потомок основателей южнобережного курорта «Суук-Су» Г.Н. Соловьёв в своей статье об истории «Суук-Су» уделил внимание и крымской чеховиане, но Кучук-Кой у него охарактеризован как место «над Ялтой»²⁶. В книге британского слависта Д. Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» Кучук-Кой упомянут как имение, расположенное по соседству с поместьем «Суук-Су»²⁷. Между тем, как уже не раз говорилось, Кучук-Кой находился в 27 верстах от Ялты при

движении в сторону Севастополя, т. е. в юго-западном направлении, тогда как «Суук-Су» — в противоположной стороне от Ялты, близ Гурзуфа, на расстоянии 16 верст в северо-восточном направлении по побережью.

В 1967 году Сергей Михайлович Чехов, художник, работавший в течение нескольких лет над серией рисунков «Чеховские места», решил зарисовать чеховский домик в Кучук-Кое. Его сопровождал врач Николай Алексеевич Лещ, когда-то знавший Марию Павловну, житель Алупки. С. М. Чехов так передал впечатления об их поездке:

«Доктор Н. А. Лещ был так любезен, что согласился отвезти меня в Кучукой в своей машине. Подъехав к цели, я достал из кармана старинную фотографию кучукойского домика Антона Павловича, захваченную из Москвы, и мы с Николаем Алексеевичем стали обходить все домики деревушки. Мы тщательно осмотрели все строения и не нашли ни одного мало-мальски похожего на то, которое было изображено на фотографии. Тогда я стал опрашивать местных жителей. Большинство из них были послевоенными пришельцами на место крымских татар, высланных в Сибирь по приказу Сталина. Только одна старожилка отвела меня на край деревни и указала на пустырь: “Вот тут была усадьба Антона Павловича Чехова, а вот здесь стоял его дом. Эту дорогу как раз проложили по тому месту, где стоял дом”. Итак, дома, купленного когда-то Антоном Павловичем,

²⁶ Соловьёв Г.Н. Суук-Су // Наше наследие. № 47. М., 1998. С. 89.

²⁷ Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Независимая газета, 2005. С. 620.

видавшего его радости и мечты, не существует. Время и люди стерли его с лица земли»²⁸.

В 1983 году была предпринята еще одна попытка отыскать кучук-койский след Чехова. В Доме-музее писателя в Ялте снимался фильм «Письма из Ялты» — последняя часть 5-серийного документального проекта «Путешествие к Чехову» по сценарию Владимира Яковлевича Лакшина. Съёмочной группе хотелось запечатлеть и связанные с Чеховым окрестности. Но поездка в те края практически ничего не дала. В послесловии к фильму Лакшин рассказывал: «Целое утро потеряли мы, ища то место, где стояла первая крымская дача Чехова в Кучук-Кое. Показания местных жителей были сбивчивы. Мы сняли почти наугад старые кипарисы. Родник, бивший у дороги и описанный Чеховым, захламлен и не отмечен хоть каким-нибудь памятным камнем»²⁹.

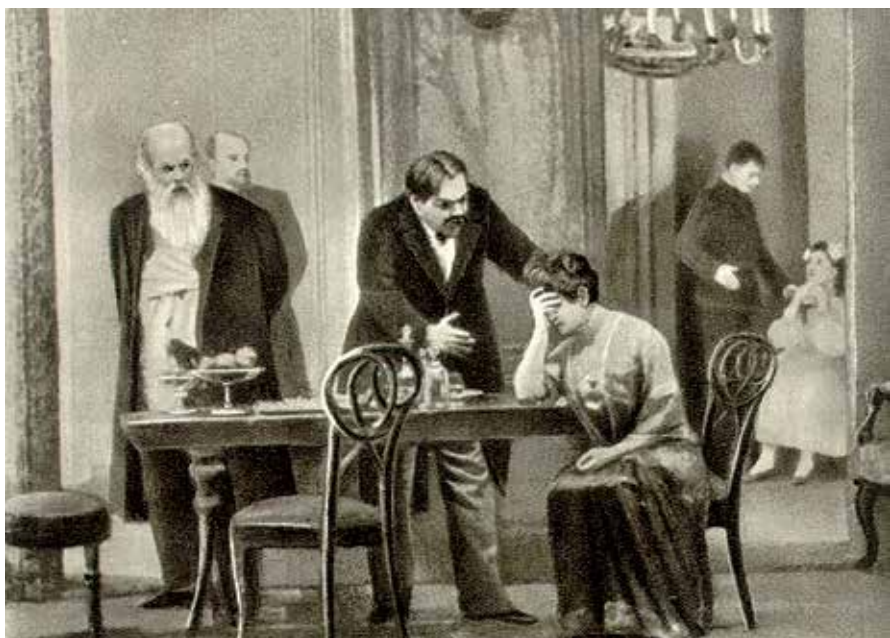
Однако, утратив материальные следы чеховского Кучук-Коя, мы всё же можем обнаружить память о нем в сфере отнюдь не материальной — в творчестве А. П. Чехова. Разве могло так случиться, что впечатления, эмоции, реалии и мечты, прочувствованные Чеховым в связи с его необычным имением, не оставили бы следа в сознании художника и не легли бы на его литературные страницы? Упоение Кучук-Коем, опьянение Кучук-Коем, отрезвление от Кучук-Коя — всё это нашло отражение в итоговом произведении Чехова, в его «Вишневом саде».

Здесь в центре внимания окажется прекрасное имение, история его владения и продажи. В сюжетное сплетение войдет неожиданное для всех, в том числе и для самого нового хозяина, приобретение имения; войдет мотив железной дороги и ощущение текущего времени, в котором контрастируют давно сложившиеся местные устои жизни и планы переустройства, намечаемые новым владельцем. В «Вишневом саде» прозвучит и самоирония по отношению к себе как к новому владельцу, и радость обладания редкостным имением, и обостренное восприятие его красоты. Думается, именно тот период, когда писатель чувствовал себя владельцем «одного из самых красивых имений в Крыму» и в то же время радовался собственным орехам или пятипроцентной аренде за табачный сарай, обогатил его новым творческим опытом. Этот опыт в «Вишневом саде» выразится в своеобразном сплетении и поединке захватывающей красоты — и хозяйственного практицизма, позволит писателю создать сложный психологический образ такого героя, как Ермолай Лопахин, который с гордостью и некоторым недоумением объявит: я «купил имение, прекрасней которого нет ничего на свете», — и в то же время с легкостью поднимет руку на полную его переделку.

В «Вишневом саде» отразились и объективные крымские впечатления Чехова, относящиеся к кучук-койскому периоду. О некоторых из них может дать представление уже упоминавшийся

²⁸ Цит. по: *Сосенкова Марина*. «Курьезное имение» Чехова (История кучук-койской дачи писателя). С. 75–76.

²⁹ *Лакшин В.* Судьбы: от Пушкина до Блока. Телевизионные опыты. М.: Искусство, 1990. С. 275.

«Вишневый сад», сцена из 3-го действия:
Любовь Андреевна. Кто купил?
Лопухин. Я купил.

«Путеводитель по Крыму» Безчинского. Обратим внимание на то, что в «Вишневом саде» одна из важных и первых заявленных тем — это тема железной дороги. С разговоров о поезде начинается действие. Поезд, станция и железная дорога упоминаются во всех четырех актах пьесы. Железная дорога связывает место действия — имение Раневской — с ближним городом, с губернским центром и далее с Европой, с Парижем, откуда приехала и куда вернется Раневская. «Вот железную дорогу построили, и стало удобно. Съездили в город и позавтракали», — говорит один из героев. В разговор о железной дороге органично вплетается тема продажи имения, ставшего недоходным. Практично мыслящий Лопухин предлагает выход: «Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода». Он же строит такие планы: «дачник лет через двадцать размножится до необычайности», «и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...».

Все эти темы: железная дорога, дачи, дачники и будущее экономическое возрождение — обычно расценивают как отражение в чеховской пьесе процессов, происходивших на рубеже XIX и XX веков в капитализирующейся центральной России. Но это были и крымские темы, отразившие новые реалии южнобережной жизни. В 1903

году путеводитель Безчинского отмечал современную тенденцию: «Несомненно, что Ялта приспособляется к новым требованиям <...> Приспособляются и демократизируются ее окрестности, — логика жизни приводит к тому, что крупные имения раздробляются на мелкие участки и распродают кусками, доступными для человека с средним достатком»³⁰. В этих процессах особая роль отводилась железной дороге: «Какое-то проклятие ряд лет висело над Южным берегом Крыма. В эту единственную русскую климатическую станцию нет железной дороги. За 80 верст, отделяющие Севастополь от Ялты, часто приходится платить дорожке, нежели от Москвы до Севастополя. Но <...> в скором времени к Ялте будет проведена железная дорога, которая прорежет большую часть Южного берега. Тогда начнется золотое будущее Южного берега Крыма...»³¹

«Нет никакого сомнения, — утверждал Безчинский, — достаточно одной железной дороги, чтобы пустующие на этом пространстве земли покрылись дачами и маленькими курортами, чтобы то, что сейчас занято виноградниками и табачными плантациями, и колючими кустарниками и скрюченными дубами, пошло под людские поселения для нуждающихся в юге людей. Нет никакого сомнения, что этот маленький кусочек земли <...> обратится в непрерывный ряд городков и дачных местностей, где людям можно будет жить круглый год по своим вкусам и склонностям...»³²

Как отголоски этого текста, звучат в «Вишневом саде» реплики Лопухина: «Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...»

Литературный сюжет и жизненная ситуация разворачивались параллельно. В 1903 году в Крыму проводил инженерные изыскания для постройки южнобережной дороги Н. Г. Гарин-Михайловский, вместе с ним работал брат жены А. П. Чехова — Константин Леонардович Книппер. Вместе они бывали в доме Чехова, где Гарин познакомился с писателем и его семьей³³. Чехову было о чем порасспросить инженеров-путейцев, а им — порассказать о своих работах и планах. Очередной железнодорожный прогноз вызвал дачно-земельный ажиотаж, который затронул даже самых непрактичных ялтинских обывателей. Одна из местных поклонниц Чехова, С. П. Бонье, признавалась в письме к нему, посланном 1 мая 1903 года: «У нас горячка покупки земель по побережью, к Севастополю, все хотят больших гешефтов по проведении дороги к Ялте. Я чуть не вздумала покупать, с такою же корыстно-алчной целью, землю в Кикениизе. Но после одумалась»³⁴.

Своеобразным предчувствием «Вишневого сада» можно назвать одно из писем Чехова к земляку-гаганрожцу Ивану Яковлевичу

³⁰ *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. С. 248.

³¹ Там же. С. 248–249.

³² Там же. С. 249.

³³ См.: *Гарин Н.* Памяти Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1960. С. 658–660.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 331. К. 37. Ед. хр. 23-б. Л. 8 об.

Павловскому от 22 мая 1899 года. Оно было послано из Мелихова, но, безусловно, выражает полученный опыт крымской жизни, в первую очередь — связанный с приобретением участка в татарском Кучук-Кое:

«Бросьте мысль поселиться в Малороссии, бросьте совсем. Устраивайтесь или в Таганроге, где теперь делают водопровод, канализацию, электричество и где вообще хорошо, или же давайте я устрою Вас в Крыму. В Таганроге в первое время можно будет жить в наемном помещении и, мало-помалу привыкнув, приглядеть кусочек земли где-нибудь на Новостройке, на берегу моря. В Крыму же можно купить участок и выстроиться при помощи земельного банка или же взять участок в долгосрочную (на 65 лет) аренду и выстроиться на свой счет. В аренду можно взять на самом берегу, с пляжем. <...>

Весь июнь я буду дома, в июле поеду в Ялту. Если что-нибудь надумаете насчет Таганрога или Ялты, то сообщите, какими средствами в настоящее время Вы располагаете, найдется ли у Вас 3 тыс<ячи>, если Вы пожелаете купить землю и строиться на ней, сколько Вам нужно комнат и проч. и проч. — и поручите мне действовать. Я стану искать подходящее и буду уведомлять Вас. Я кладу 3 тыс<ячи>: 1 тыс<ячу> на покупку земли и 2 тыс<ячи> на расходы по покупке и постройке. Если же найду в Ялте, в прилегающих к ней татарских деревнях, участок с готовым домиком, тогда можно обойтись и меньшей суммой. Земельная собственность в Крыму дорожает с каждым годом — стало быть, покупка не может ввести Вас в убытки ни в каком случае. Жизнь с каждым годом всё улучшается — стало быть, если теперь купите какую-нибудь развалюшку, окруженную пустыней или развалюшками, то не надо смущаться, надо крепко уповать, что через 5–7 лет на месте, которое Вы купили, будет цвести иная, молодая жизнь».

Развалюшка, окруженная пустыней или другими развалюшками, — это и был реальный чеховский Кучук-Кой. Упование же на то, что совсем в скором времени здесь будет цвести иная, молодая жизнь, — это предвестие будущих речей Лопухина в последней чеховской пьесе. Правда, в пору создания «Вишневого сада» в 1903 году восприятие этих речей будет окрашено изрядной долей скептицизма не только со стороны слушающих его других персонажей, но, похоже, уже и со стороны самого автора.

Поразительно, что Мария Павловна Чехова, не почувствовав этой иронии, несколько лет спустя сама окажется будто в роли чеховского персонажа. В «Вишневом саду», наряду с железной дорогой и разбивкой участка на дачи, спасение призваны обеспечить некие англичане, нашедшие на соседнем участке «какую-то белую глину» и затевающие там свое производство. В 1907 году Мария Павловна, желая помочь Ивану Павловичу в его делах, напишет ему буквально следующее: «хотела даже придти тебе на помощь в Кучукое. Электрическая дорога пройдет обязательно, и в очень скором времени. Будет строить иностранная компания. <...> Кучукой надо разбить на участки и построиться»³⁵.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 24 — 24 об.

«Вишневый сад». Художник А. Хотяинцева. 1904

Антон Павлович мог бы прозвать ее за это «мадам Лопухина», как в его пьесе дразнят хозяйственную Варю, — жизнь продолжала чеховские сюжеты после того, как писатель поставил точку.

После неудачной попытки продать Кучук-Кой в поведении самого Чехова появляется нечто «лопахинское», свойственное его будущему персонажу. Лопухин пускает на сруб прекрасный вишневый сад и вместе с ним обрубает свое прошлое, Чехов как будто с корнем вырывает из своей видимой жизни недавний кучук-койский сюжет. Или, точнее сказать, житейский сюжет переплавлен в его душе в новый творческий вариант, вытеснивший изначальную материальную подоплеку. Словно в жизни автора наконец-то случилось то, о чем раньше сказал один из героев его пьесы «Чайка»: «...если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и всё, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту».

Реальная *послечеховская* история этого места углубляет скрытую ассоциативность с пьесой о вишневом саде. Как и усадьбу Раневской, чеховский Кучук-Кой сотрут с лица земли время и люди. Но созданный творческим воображением писателя образ прекрасного сада останется неподвластным времени, непобедимо цветущим:

«Л ю б о в ь А н д р е в н а (*глядит в окно на сад.* <...> *Смеется от радости*). Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...»

Не случись в жизни Чехова чуда кучук-койской весны 1899 года, «Вишневый сад» оказался бы другой пьесой, чем та, какой она вышла из-под его пера, какой мы ее знаем и любим.

«Милая мазанка среди камней в Гурзуфе»

Как и многие другие представления Чехова о Крыме, первоначальные его представления о Гурзуфе складывались заочно — с одной стороны, по рассказам приятелей, уже удостоившихся путешествия на юг, с другой — по известным лирическим произведениям, воспевающим живописную природу Тавриды. Первое место здесь, конечно, занимала лирика Пушкина, поэтически обессмертившего сияющие горы, лазурное море, таинственных дев на скалах, темнеющие стройные кипарисы, миртовые и лавровые рощи, вьющиеся розы и янтарные виноградные гроздья благословенного «Юрзуфа». Возможно, именно потому первые личные впечатления Чехова от встречи с Южным берегом Крыма граничили с разочарованием. В июле 1888 года, на морском пути из Севастополя в Феодосию, он прохладно заметил в письме к сестре: «Берег красивым не представляется. Красота его преувеличена». За этим скептицизмом легко прочитывается полемика с литературной традицией, в первую очередь с пушкинской. В августе 1820 года, двигаясь на корабле по пути к Гурзуфу, Пушкин не мог уснуть от переполнявших его чувств: «Ночью на корабле написал я элегию», — сообщал он брату, посылая ему свои новые стихи:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман,
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я...

И много позже крымские впечатления Пушкина не угасали и не тускнели: хрестоматийно известны строки, написанные для «Путешествия Онегина» уже по воспоминаниям:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я,
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,

Гурзуф. Открытка нач. XX в.

Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною...

Окидывая взглядом с борта парохода фактически те же места, Чехов занял позицию этакого фрондирующего путешественника, перечеркивающего традиции и опровергающего сложившиеся мнения. С немалой долей озорства, рассказывая в письмах к родственникам о проплывающих мимо берегах, он перемешал местные названия (Гурзуф, Массандра) с растительной экзотикой (кедры) и сделал собственный вывод: «Все эти гурзуфы, массандры и кедры, воспетые гастрономами по части поэзии, кажутся с парохода тощими кустиками, крапивой, а потому о красоте можно только догадываться».

Приехав на крымское побережье во второй раз, летом 1889 года, Чехов мог разглядеть его поближе и поподробнее. Отдыхая в Ялте, он был участником частых поездок по окрестностям (в Алупку, Ореанду, Симеиз, Мисхор, Учан-Су, лесничество), в том числе и в Гурзуф. В феврале 1894 года, почувствовав ухудшение здоровья, он собирался встретить приближающуюся весну именно в этих местах. В то время многие его корреспонденты получили разосланный заранее временный адрес: «Гурзуф, А. П. Чехову» и были посвящены в планы, подобные следующему: «...поеду в Гурзуф и буду там дышать <...> ничего не делать и гулять...». Правда, планы осуществились несколько иначе: весной 1894 года чеховский путь в Крым пролег не далее Ялты. Приехав в Ялту 5 марта, писатель остался там на весь срок, снимая номер в лучшей ялтинской гостинице «Россия». Переезд в Гурзуф не то чтобы отменялся, но постоянно откладывался из-за холодной дождливой погоды. Чехов редко выходил из гостиничного номера,

Вид на Ялту с моря. Открытка нач. XX в.

но неожиданно хорошо поработал: написал более десятка писем и рассказ «Вечером» («Студент»), который будет считать своим самым любимым произведением. В начале апреля, так и не дождавшись солнца, он, по собственному признанию, «махнул рукой и бежал восвояси», в свое подмосковное имение. Накануне отъезда в письме к сестре он отметил: «Холодноватисто. Только 6° тепла».

Через пять лет, уже сделавшись ялтинским жителем и владельцем дома в Аутке, Чехов вновь заговорил о Гурзуфе. В ноябре 1899 года он поделился с сестрой планами купить на берегу Гурзуфа небольшую дачку. Марии Павловне идея пришла по душе, и спустя два месяца, в январе 1900 года, покупка состоялась. 15 января Чехов написал родным: «Я купил кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый черепицей, четыре комнаты, большие сени. Одно большое дерево — шелковица».

Чехову продал участок старик татарин, рыбак-яличник, когда-то выстроивший обычную саклю среди прибрежных скал. Покупка обошлась в 3 тысячи рублей. Чехов получил одноэтажный домик с комнатами площадью 17,2, 14,3, 17,5 и 12,9 кв. м. В первой комнате был очаг с ямкой для огня в земляном полу и широкой вытяжной трубой. Полагая использовать ее как кухню, Чехов вскоре начнет извещать родных, что в «домишке» не четыре, а три комнаты. То, что было названо им на среднерусский манер — «большие сени», было открытой верандой площадью в 27,8 кв. м. Многоскатная кровля была покрыта татарской вогнутой черепицей. Внизу имелся прохладный подвал,

Гурзуф. Общий вид. Открытка нач. XX в.

который при надобности можно было использовать как кладовую. Дворик площадью 100 кв. м был совсем голым; со стороны моря его ограждал естественный скальный уступ, а далее шла самодельная ограда из дикого камня, с маленькой деревянной калиткой, выкрашенной ультрамарином. Единственное дерево, упоминаемое Чеховым, стояло за домом, где был участок, позволяющий делать новые посадки.

Гурзуфское приобретение в большей мере, чем другие крымские владения Чехова, соответствовало тогдашним представлениям о *даче*, то есть месте летнего отдыха для семьи. Дом в Аутке находился далеко

Причал и паровой катер. Открытка нач. XX в.

Восточный край гурзуфской бухты
Фото Е. Павловой. 2006

от моря и к тому же притягивал слишком много посетителей, чье внимание часто оказывалось назойливым. Кучук-койское именице было неудобно из-за сложности подъезда к нему и отсутствия снабжения. В сравнении с ними гурзуфский домик имел неоспоримые преимущества. Добираться до него было легко: дважды в день между Ялтой и Гурзуфом (16 верст) курсировал мальпост, также можно было нанять частный экипаж, а в тихую погоду доплыть паровым катером — он приходил три раза в день, стоимость билета составляла 50 копеек. В маленькой бухте можно было купаться и предаваться любимому увлечению мужской части чеховской семьи — рыбной ловле. По соседству, в губонинском имении, можно было пообедать в ресторане, купить продукты и необходимые мелочи в лавках, обратиться в аптеку, а в случае необходимости получить помощь постоянного врача. Гурзуф был соединен с Ялтой телефоном, с 1889 года здесь работала почтово-телеграфная контора. И в то же время купленный Чеховым каменистый мысок оставался достаточно уединенным местом, манившим писателя возможностью творческого затворничества. Даже отсутствие деревьев на участке превращалось в достоинство, поскольку давало возможность проявить свойственные чеховской семье садоводческие наклонности и умения.

В письмах к родным, еще не видевшим новой дачи, Чехов перечислял главным образом материальные приметы нового имения. Известив о покупке в первую очередь сестру, через три недели он сообщил и младшему брату, жившему отдельно своей семьей: «Милый Иван, писал ли я тебе, что купил в Гурзуфе кусочек берега? Мне принадлежит маленькая бухта с прекрасным видом, собственными скалами, купаньем, рыбной ловлей и проч. и проч. Пристань и парк очень близко, 3 минуты ходьбы. Домишко есть, но жалкий, в 3 комнаты; одно дерево. Полагаю, что мы, т. е. я, мать, Маша и все наши крепостные, будем лето проводить в Гурзуфе. Если пожелаешь, то я для тебя найму рядом у татарина комнату или две, только напиши заранее. Купи на Трубе (рыночная площадь в Москве. — А. Г.) лесок и плетушку для рыбы в виде бочонка ведерного, а также грузил и всякой рыболовной чепухи. На новой даче только одно дерево, шелковица, но посадить можно сотню, что

Гурзуфское Лукоморье
Фото Е. Павловой. 2006

Гурзуф. Парк. Дом Пушкина. Открытка нач. XX в.

я и сделаю». Но характерно, что в таком своеобразном инвентарном реестре первым делом все-таки обозначено то, что было важнее всех материальных достоинств: «прекрасный вид».

Виды с чеховской дачи действительно открывались изумительные. Справа лежала живописная бухта, ограниченная Никитским мысом с виноградниками удельного имения Ай-Даниль. Береговую линию окаймлял роскошный парк с богатейшими цветниками и видневшейся издали белокаменной православной церковью. Каскадами к морю спускались татарские сакли, посреди которых возвышалась мусульманская мечеть. Слева выступали из моря сизые скалы-близнецы Адалары и высился горбатый зеленый Аю-Даг. Над головой, высоко на скале, находились развалины крепости времени византийского императора Юстиниана (VI в.). В наши дни эту крепость, как и скалу, иногда называют генуэзской — по следам укрепления, подновлявшегося генуэзцами в XIV столетии. Но для Чехова эта скала имела одно название — «Пушкинская».

Почти сто лет спустя Мария Николаевна Томашевская, внучка известных филологов Бориса Викторовича и Ирины Николаевны Томашевских, обратит внимание на это название — «Пушкинская скала» — в чеховских письмах и прокомментирует: «Чехов очень точно назвал именно скалу, увенчанную крепостью, — пушкинской. Именно сюда ходил Пушкин во время пребывания в Гурзуфе. Башни крепости и греческое кладбище на северном склоне скалы и описал он, с большой точностью, в черновых строфах стихотворения “Кто знает край, где роскошью природы...” Позднее, видимо, с целью отвратить тех, кто хотел посетить это прекрасное место, ставшее чьей-то собственностью

Платань Пушкина

Гурзуфь

Платан Пушкина. Открытка нач. XX в.

(ныне владение “Артека”), имя Пушкина было присвоено другой скале и гроту, о которых у Пушкина упоминаний нет»¹.

В различных справочных изданиях чеховской поры, как правило, присутствовали сведения о пушкинских местах в Гурзуфе. Так, в справочнике Н. Р. Лупандиной, изданном в Ялте в 1897 году, было особо отмечено «достопримечательное место в Гурзуфе»: «Перед балконом дачи владельца имения стоит огромный платан, под которым любил отдыхать покойный поэт А. С. Пушкин, когда в 1820 г. он гостил здесь в семействе известного генерала Раевского»². В «Путеводителе по Крыму» А. Безчинского приводилось даже описание этого платана и упоминалось еще одно «пушкинское» дерево: «Несколько в стороне от гостиниц находится старинный владельческий дом, подле которого показывают “Пушкинский платан”; под сенью этого ветвистого дерева, со стволом в 55 вершков в окружности, говорят, любил отдыхать поэт. С другой стороны дома находится кипарис, посаженный Пушкиным»³. В краткой статье о Гурзуфе, помещенной в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, центральное место в описании губонинского имения отведено пушкинской тематике: «В обширном парке много редких растений. Показывают *платан* и *кипарис Пушкина*, под которыми поэт любил отдыхать, когда гостил здесь, в семействе генерала Раевского, в 1820 г. Тут были написаны им несколько

¹ *Медведева-Томашевская Ирина*. Синяя калитка: Воспоминания / Публ. и примеч. Марии Томашевской // Крымский альбом. Феодосия; М.: Издат. дом «Жоктебель», 1997. Вып. 2. С. 103.

² Ялта и ее ближайшие окрестности (справочная книжка). Ялта: Изд. Н. Р. Лупандиной, 1897. С. 95–96.

³ *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. М., 1903. С. 334.

известнейших стихотворений, как “Нереида”, “Редает облаков летучая гряда” и др.»⁴

Всё это добавляло особую привлекательность новому чеховскому владению. Близость Пушкинской скалы пробуждала вдохновение, благодаря ей гурзуфская бухта начинала казаться сказочным Лукоморьем, с детских лет знакомым по поэтическим строкам: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...» Очень скоро Чехов начнет писать здесь пьесу «Три сестры», в текст которой включит эту пушкинскую цитату. Еще один пушкинский мотив, вспоминая Чехову в этих местах, известен по воспоминаниям художника Константина Коровина: как-то Чехов предложил ему в дар свой участок у моря и при этом добавил:

Кипарис Пушкина. Открытка нач. XX в.

«Хотите?.. Только там очень море шумит, “вечно”...»⁵ Это была цитата из пушкинского стихотворения «Талисман»: «Там, где море вечно плещет на пустынные скалы...» Пушкин ассоциативно связывался с Россией, и эта глубинная связь именно здесь, в Гурзуфе, около Пушкинской скалы, позволила Чехову ощутить, что Крым не так отдален от России, как ему до тех пор казалось. Вскоре после покупки дачи, 19 января 1900 года, он писал В. М. Соболевскому: «Из всех русских теплых мест самое лучшее пока — южный берег Крыма, это несомненно, что бы там ни говорили про кавказскую природу. Я недавно был в Гурзуфе около Пушкинской скалы и залюбовался видом, несмотря на то, что виды мне давно надоели. В Крыму уютней и ближе к России».

Для гурзуфского домика были заказаны венские стулья, столы, высокие табуреты. Лампы Чехов рассчитывал выбрать в Москве во время ближайшей поездки. В переписке с сестрой он обсуждает, какие починки произвести, что сажать и сеять в саду, где разбивать клумбы. В середине апреля в Гурзуф приезжал брат Иван, а в мае Антон Павлович встретился в Москве с братом Михаилом и пригласил его с женой и дочерью погостить у моря во время отпуска. К лету дача

⁴ Энциклопедический словарь. Т. IX-А. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. С. 911.

⁵ Константин Коровин вспоминает... / Сост. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М.: Изобразит. искусство, 1990. С. 147.

А. П. Чехов с семьей на даче в Гурзуфе. Фото нач. 1900-х

была совсем обжита. Мария Павловна Чехова позже вспоминала, что новая гурзуфская дачка ей сразу очень понравилась, а особенно привлекательным показался собственный пляж. «Небольшой домик был самой обыкновенной деревенской хатой с низким потолком, — писала она о своем первом впечатлении, — но там было удивительно уютно и спокойно»⁶.

«Мои — в Гурзуфе, я живу в Ялте один», — говорится в одном из чеховских писем в начале июля. Но и сам писатель время от времени наведывался сюда из Ялты. «Если меня не будет в городе, то я, значит, в Гурзуфе», — писал он в конце июня М. О. Меньшикову, собиравшемуся приехать в Ялту; ему же в середине июля: «иногда я уезжаю в Гурзуф...». В июле 1900 года здесь провела несколько счастливых и романтических дней актриса Московского Художественного театра Ольга Леонардовна Книппер. В мае 1901 года она станет женой Чехова, и Мария Павловна, получив об этом известие из Москвы, в первом же письме к Ольге Леонардовне напомнит ей: «Помнишь, в Гурзуфе и потом иногда в Москве мы с тобой мечтали жить вместе»⁷. В письме Чехова от 3 августа 1901 года к В. М. Лаврову говорится: «Маша и супруга моя в Гурзуфе; когда увижу, то передам им от тебя поклон». Позже станет известно: в тот день Антон Павлович составил завещательное письмо, распределив имущество между сестрой, братьями и женой, гурзуфская дача была завещана жене.

⁶ Чехова М. П. Из далекого прошлого. М.: ГИХЛ, 1960. С. 230.

⁷ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1: 1899–1927. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 72.

«Три сестры» А. П. Чехова в Московском
Художественном театре
Маша — О. Л. Книппер

В начале августа 1900 года Чехов встретился в Ялте с режиссером Московского Художественного театра Константином Сергеевичем Станиславским, и тот взял с писателя обязательство — к осени написать и дать театру новую пьесу. 9 августа Станиславский сообщал своему содиректору Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко: «Пишу под большим секретом. Вчера выжал от Чехова: он завтра уезжает в Гурзуф, писать, и через неделю собирается приехать в Алупку читать написанное. Он надеется к 1 сентября сдать пьесу». После этого Чехов уехал в Гурзуф, чтобы вдали от ялтинских посетителей обдумать сюжет и начать работу. У него был замысел «Трех сестер», пьесы, где одна из главных ролей — роль Маши — предназначалась О. Л. Книппер.

Но в гурзуфском уединении он провел только 11 и 12 августа. Уже 13 числа он писал ожидавшей вестей актрисе, что опять «сидит в Ялте, в своей тюрьме», а 18-го, в ответ на ее расспросы о том, как продвигается дело, рассказывал: «Я работаю не в Гурзуфе, а в Ялте, и мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу...» Чехов будет не раз стремиться скрыться от внешних помех в Гурзуфе, но в общем его работа над «Тремя сестрами» растянется на несколько месяцев.

Постепенно и гурзуфское уединение писателя стало нарушаться. А. А. Плещеев, сын поэта Алексея Николаевича Плещеева, старшего друга Чехова, в воспоминаниях «Чеховский день» записал: «Есть у Антона Павловича где-то в Крыму, неподалеку от Ялты, еще уголок, куда он ездит работать, но туда еще ни один гость, кажется, к нему не проникал. Чехов молчит об этом уголке, скрывает». Чехов все же откроет ему это убежище и даже подарит свою фотокарточку с надписью: «Александрю Алексеевичу Плещееву на память о нашей поездке в Гурзуф. 11 октября 1903 г.» Но еще раньше, в 1900 году, здесь побывала актриса Комиссаржевская, которой писатель также подарил свою фотографию с автографом: «Вере Фёдоровне Комиссаржевской 3-его августа, в бурный день, когда шумело море, от тихого Антона Чехова».

В июне 1902 года сюда вместе с М. П. Чеховой приезжала первая учительница мелиховской школы Мария Фёдоровна Терентьева,

Гурзуфская дача Чехова. 1910-е

хорошая знакомая всех Чеховых. Как свой человек в семье, она помогла Марии Павловне побелить каменные стены гурзуфского домика. Дачу готовили к июльскому отдыху Ивана Павловича, и хозяйственные заботы целиком лежали на плечах сестры. «Приезду Вани мы очень рады, — писала Мария Павловна. — В воскресенье поедem в Гурзуф на катере, приедет туда и Лика с мужем. Я останусь там на неделю, а Ваня будет ездить в Ялту и привозить мне почту»⁸. Судя по сообщению этого письма, на даче побывала и близкая подруга Марии Павловны Лика Мизинова, только что ставшая женой режиссера МХТ Александра Акимовича Санина. Иван Павлович с удовольствием останавливался здесь на следующее лето. 7 июля 1903 года он писал жене из Крыма: «Был я уже в Гурзуфе, в пустом домике. Как обидно, что никто там не живет. Какое здесь ласковое море. Вчера я купался 3 раза. Как хорошо. Отчего ты не любишь так Крыма, как мне досадно. <...> Вернее всего, я поселюсь в Гурзуфе, а пока живу на Аутке»⁹. Через несколько дней, 19 июля, он сообщил Софье Владимировне: «гурзуфский домик я занимаю только один. Но какое дивное купанье! <...> как хорошо в Крыму!»¹⁰

В 1901 и 1902 годах здесь гостил Иван Бунин. В его стихотворении «Отрывок» (1901) есть строки, скорее всего, навеянные именно скалистой чеховской бухтой:

⁸ Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову. М.: ГИХЛ, 1954. С. 209, 210.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 14–15.

¹⁰ Там же. Л. 18.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черном море непрерывно
Бушуют бури: тусклый блеск от солнца,
Скалистый берег, бешеный прибой...

В окружении Чеховых Бунин всегда себя чувствовал хорошо, будь это в Ялте или на гурзуфской даче. 2 августа 1902 года он послал Марии Павловне письмо из Севастополя: «Второй день, то есть с самого отъезда из Гурзуфа, до физической боли тоскую. <...> вчера я даже хотел снова приехать к вам в Гурзуф провести вечер, так как было страшно, одиноко <...> Мафочка, крепко целую ваши ручки, вспоминаю вашу милую мазанку среди камней в Гурзуфе и прошу вас немного пожалеть меня. Ваш И. Бунин»¹¹. М. П. Чехова ответила ему его же строками:

Скалистый берег, бешеный прибой
И в шуме волн сверкающая пена...
Ты помнишь этот берег, окаймленный
Ее широкой снежною грядой?¹²

Продолжение Мария Павловна не цитировала, но они оба помнили следующие строки:

Бывало, мы сбегим к воде с обрыва
И жадно ловим ветер. Вольно веет
Он бодростью и свежестью морской;
Срывая брызги с бурного прибоа,
Он влажной пылью воздух наполняет
И снежных чаек носит над волнами.
Мы в шуме волн кричим ему навстречу,
Он валит с ног и заглушает голос,
А нам легко и весело, как птицам...

Всё это сном мне кажется теперь.

Так в гурзуфском контексте на мгновение промелькнуло что-то личное, интимное, связавшее Бунина и сестру Чехова и получившее поэтический отклик. В последующей переписке Мария Павловна посылала Бунину новые приглашения посетить «мазанку среди камней» и шуточные приветы от «сколопендры из Гурзуфа»¹³.

И всё-таки гости на этой дачке были исключением. Чехов охотно откликался на просьбы знакомых и друзей помочь либо снять жильё в Гурзуфе, либо даже приобрести там участок. По этому поводу он вел переписку с журналистами С. В. Флёровым, Я. А. Фейгиным,

¹¹ Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма. Изд. 2-е. Симферополь: Изд-во «Крым», 1969. С. 129.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 130.

А. Б. Тараховским, переводчицей О. Р. Васильевой, священником С. А. Петровым, начальницей Ялтинской женской гимназии В. К. Харкеевич; делился практическими рекомендациями, помогал советом и делом, но собственный домик сохранял для себя и своей семьи. Когда весной 1901 года Ольга Родионовна Васильева (состоятельная барышня и к тому же хорошая знакомая не только Антона Павловича, но и его сестры и матери) предложила, чтобы Чехов сдал ей свою дачу за приличную сумму, он ответил: «... дачу мою в Гурзуфе нельзя сдавать за 3 тысячи, так как она сама стоит всего 3 тысячи. В ней всё лето будет жить сестра. Она (т. е. дача, а не сестра) стоит на самом берегу, у моря.

Вы остановитесь в гостинице, а потом, если пожелаете, можно будет отыскать для Вас недорогую дачу или комнату на даче».

Вместе с тем в другой ситуации, выручая оказавшегося в стесненных обстоятельствах человека, Чехов предоставил жилье на своей гурзуфской даче совершенно постороннему лицу. В 1902 году в записной книжке писателя появились имя и адрес: «Винокуров-Чигарин, Никита Алексеевич. Гурзуф (центр)». Винокуров-Чигарин был молодой учитель земской татарской школы и, насколько можно судить по немногим известным данным, вел учебное дело успешно и добросовестно. Чехов не просто сочувствовал ему в школьных заботах, но к началу учебного года дал приют в своем домике. Проживание там учителя было прервано чрезвычайным событием, о котором он написал со всеми подробностями 3 ноября 1902 года:

«Уважаемый Антон Павлович!

Простите, что беспокою Вас, но мне так хочется рассказать Вам о случившемся со мною весьма загадочном обстоятельстве.

13-го окт<ября> у меня был обыск и вот по какому поводу, — расскажу всё по порядку. Утром этого дня, когда я еще лежал в постели, прибегает отец прислуживающего мне мальчика и просит пойти на базар, чтобы вступить за его сынишку, арестованного за что-то урядником. Пока я одевался, тем временем прибежал мальчик и на мои вопросы отвечал крайне сбивчиво или же отмалчивался, — так я от него ничего и не добился. Вечером из аптеки меня вызвал урядник на улицу, и только я успел показаться, как из-под земли вырос предомной жандармский офицер, в сопровождении пристава 3-го стана и жандарма. Справившись о моей фамилии, жандарм сказал, что должен меня беспокоить, и уже не пустил обратно в аптеку, а послал урядника за моим пальто и фуражкой. На аптекаря и других там бывших это навело положительную панику и все порешили, что меня арестовали, увезли в Ялту и дальше отправят в крепость. Окруженный такой свитой, я был веден на квартиру и во всё время пути поддерживался вполне салонный разговор, вроде того, — как хорош Гурзуф при ночном освещении, как капризно-изменчива крымская погода и т. п. В квартире пригласили двоих понятых и началось вынюхивание и искание крамолы. Визит продолжался около четырех часов, но безрезультатно и кроме «Голуби

Кабинет гурзуфской дачи. Фото В. Костюченко. 2006

победители” — на отречение Л. Н. Толстого¹⁴, ничего не нашли. Мне очень неприятно, что отмыкали замки у Вашего письменного стола, не поверивши мне на честное слово, что ключей у меня нет; замки не попорчены и были заперты опять. Оказывается, что будто бы мальчик нашел у меня в кухне нелегальное стихотв<орение> (мне его показывали, — напечатано на машинке), пошел с ним на базар, стал там читать (день был праздничный); а у мальчика отнял какой-то господин, передал случившемуся тут же уряднику и сам уехал с катером в Ялту. При этом нужно отметить, что по утрам мальчик приходит ко мне и прислуживает, а тут вдруг побежал зачем-то на базар. Всё это настолько прозрачно, что даже татары, и те поняли по настоящему и при встрече говорят: “на тебя верно есть злой человек”. Старые и молодые, особенно последние, усиленно выражают свое сочувствие, наперерыв угощая меня кофе, когда заглянешь в их кофейню. Меня это очень радует, потому что, вероятно, не на такой конец рассчитывали те, кому мое присутствие неприятно в Гурзуфе. Я сильно подозреваю

¹⁴ Басня «Голуби-освободители», написанная в связи с отлучением от церкви Льва Толстого, была направлена против Обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, распространялась в списках без указания автора. Первый публикатор письма Н. А. Винокурова-Чигарина А. С. Мелкова предполагала, что автором был поэт из царской семьи К. Р. (К. К. Романов), см.: *Мелкова А. С. Крымские корреспонденты Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Чехов: взгляд из 1980-х: Сб. науч. тр. М., 1990. С. 156–160.* Позже было обосновано авторство писателя Н. Н. Вентцеля, псевдоним — Н. Юрьин, см.: *Шалогин Г. Тайна гурзуфской дачи Антона Чехова // Большая Ялта News. 2008, сент. № 35. С. 11.*

замешанным в это дело урядника, и по многим причинам. Теперь я успокоился, но горечь, которую они поселили в моей душе своим непрошенным вторжением в мою интимную жизнь, осталась и я никогда не забуду этого оскорбления. Пожалуйста, простите, Антон Павлович, что я, быть может, набросил тень на то место, которое дорого для Вас, — право, меня сильно мучает совесть, как будто я не мог отплатить ничем иным Вам за столь любезное гостеприимство. Желаю вам всего лучшего.

Н. Винокуров-Чигарин.

Прошу передать мое искренне почтение Ольге Леонардовне и Марии Павловне.

На будущей неделе я перебираюсь в деревню, снял комнату у одного татарина.

Очень и очень благодарен Вам за радушный прием»¹⁵.

Гурзуфский учитель сохранил добрые отношения с Чеховыми. В дальнейшем он не раз будет упомянут в письмах Антона Павловича как гость Белой дачи в Аутке. Бывая в Москве, он навещал Ольгу Леонардовну и привозил от нее в Ялту подарки для чеховской семьи. Узнав о смерти писателя, он послал Марии Павловне длинное письмо с выражением чувства большой личной и общественной утраты.

Весной 1904 года в Крым из Москвы приехал Константин Коровин. Навестив Чехова в Аутке, в разговоре с писателем и его сестрой художник упомянул, что хотел бы купить не в самой Ялте, а где-нибудь около, кусочек земли и построить себе мастерскую. По словам Коровина, Чехов отреагировал незамедлительно:

«Маша, — сказал он сестре, — знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе, у самых скал... Я там жил два года, у самого моря... Слушай, Маша, я подарю эту землю Константину Алексеичу... <...> И там есть маленький домик. Я буду рад, если вы возьмете его...»¹⁶

Коровин поблагодарил Чехова и отказался — ему казалось тяжело жить у самого моря, от шума волн начиналось сердцебиение. После он все-таки поселился в Гурзуфе и построил себе там мастерскую. В мемуарных очерках «Из моих встреч с Чеховым», написанных к 25-летней годовщине смерти писателя, он вспоминал «бедный домик» и его прежнего хозяина: «Из окна моего был виден домик у скалы, где когда-то жил Антон Павлович. Этот домик я часто воспроизводил в своих картинах... Розы... и на фоне моря интимно выделялся домик Антона Павловича. Он давал настроение далекого края, и море шумело около бедного домика, где жила душа великого писателя...»¹⁷

Последнее упоминание о Гурзуфе долетело до Чехова в Баденвейлере. Двоюродный брат Георгий, которого все в семье звали Жоржиком, написал ему 20 июня 1904 года: «На прошлой неделе я,

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 331. К. 39. Ед. хр. 6. Л. 3 — 3 об. — 4 — 4 об.

¹⁶ Константин Коровин вспоминает... Указ. изд. С. 147.

¹⁷ Там же.

К. Коровин. Гурзуф. 1915

Маша и Ваня ездили в Гурзуф. Там чудесное купание, но только татары загрязнили берег.

Вчера Маша и Ваня снова уехали туда, а я сегодня на целый день. Будем купаться. Днем жарко, а по вечерам так прохладно, что я надеваю пальто и хожу слушать в саду симфонический преображенский оркестр».

В том же письме говорилось: «Милый и дорогой Антоша! Вчера Маша сообщила мне о твоём выздоровлении. Радости моей поэтому несть конца, ибо в последнее время было тяжело слушать о твоих страданиях. <...> Поправляйся, голубчик, поживи дольше за границей и повеселись, отдохни от нашей домашней будничной жизни»¹⁸.

Этот гурзуфский привет успел дойти до Чехова, о чем он сообщил сестре 26 июня: «Получил сегодня от Жоржа письмо, был тронут». Но жить ему останется менее недели.

Согласно воле Чехова, после его кончины хозяйкой гурзуфской дачи стала его вдова О. Л. Книппер-Чехова. В нотариальном акте о разделе имущества между наследниками от 4 апреля 1905 года говорилось: «...в исключительную собственность Ольги Леонардовны Чеховой поступают два имения, находящиеся при дер. Гурзуф, означенные в сем акте под литерами б и г, со всеми в них угодьями и постройками». Громким определением «два имения» были названы 2 участка: «двор с постройками, в коем земли мерою приблизительно двести кв. сажень»,

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 5 н-у. Лл. 55 — 55 об. — 56.

и пустовавший за домом «участок земли мерою приблизительно двести пятьдесят кв. сажень». Стоимость первого была определена в 3000 руб. (равная покупной цене 1900 года), второго — в 110 руб.¹⁹ Через месяц с небольшим, 18 мая 1905 года, Ольга Леонардовна оформила у московского нотариуса Валериана Плевако на имя «домашней учительницы Марии Павловны Чеховой» полную доверенность на распоряжение этими именьями — вплоть до оформления закладных и продажи по своему усмотрению²⁰. В ноябре 1906 эта доверенность была еще раз подтверждена с добавлением права передоверия Исааку Абрамовичу Синани²¹. В 1900-е и 1910-е годы находились покупатели, иногда предлагавшие баснословную цену за гурзуфскую дачу. Но с годами она приобретала для близких всё большую значимость как семейное достояние и одно из мест памяти А. П. Чехова. И дальнейшая более чем полувековая история этого места тесно связана с семьями Книпперов и Чеховых, их друзьями и знакомыми, коллегами Ольги Леонардовны по Московскому Художественному театру.

Здесь гостили любимый племянник Ольги Леонардовны Лев Константинович Книппер с семьей (со временем он станет владельцем соседней дачи), его сёстры Ольга и Ада. Сюда по-прежнему любила приезжать Мария Павловна Чехова и ее братья с семьями. В тяжелые исторические периоды — годы Первой мировой войны, Гражданской войны — воспоминания о гурзуфской жизни наполнялись для всех особым идиллическим светом. В апреле 1918 года О. Л. Книппер писала М. П. Чеховой из Москвы: «Из Гурзуфа в письме получила фиалочки — трогательное впечатление в этой разрухе, запустении, потерянности и грязи, в кот<орой> мы живем»²².

Во время Гражданской войны судьба неожиданно привела О. Л. Книппер на ее гурзуфскую дачу. Весной 1919 года часть артистов Художественного театра отправилась из Москвы на гастроли на юг в поисках более спокойных и сытных мест. В составе этой труппы под руководством Василия Ивановича Качалова находилась и Ольга Леонардовна. Добравшись до Харькова, артисты оказались за линией фронта и двинулись дальше, в Крым, в Евпаторию. Там к ним неожиданно присоединился сын Качалова Вадим Шверубович, которому благодаря этой встрече удалось покинуть белогвардейский полк. Расставшись с военной формой и не имея гражданской одежды, он долго ходил в сценическом костюме и пальто Гаева — персонажа «Вишневого сада» Чехова. Из Евпатории труппа перебралась в Гурзуф, где в общей сложности прожила с 6 сентября по 17 октября 1919 года. Оттуда артисты ездили в Севастополь и Ялту, давали концерты и играли спектакль «Дядя Ваня». Размещались на даче Ольги Леонардовны и другой по соседству, жили коммунально, питались вместе и даже сообща

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 331. К. 109. Ед. хр. 106. Лл. 1 — 1 об. — 2.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 331. К. 109. Ед. хр. 107. Лл. 1 — 1 об.

²¹ Там же. Лл. 3 — 3 об.

²² О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1. С. 570.

О. Л. Книппер-Чехова и М. П. Чехова на гурзуфской даче. Конец 1940-х

покупали вино бочонками. «Почти каждый вечер собирались все вместе, — вспоминал В. Шверубович, — читали, пили, пели, плакали и опять пили...»²³ Все понимали, что выступления в белом тылу, к тому же восторженно принимавшиеся высшим белым обществом, скомпрометировали труппу, и возвращение в Москву представлялось безнадежным. Продолжая дальнейший путь, уводивший качаловскую труппу из России, в сентябре 1920 года Ольга Леонардовна писала Марии Павловне из Тифлиса в Ялту: «Страшно. Помолись за нас и за меня. Никогда я не увижу Москвы! Не увижу Ялты, Гурзуфа! <...> Цел ли Гурзуф! Господи, что это на старости лет пришлось мотаться!»²⁴ На долю артистов выпадут трехлетние скитания, и Гурзуф окажется в них относительно тихой пристанью.

В мирные 1920-е — 1930-е годы гурзуфская дача опять оживала и давала приют законной хозяйке и ее гостям. В их отсутствие с декабря 1927 года за домиком и участком присматривали верные люди — сторож Роман Корнеевич Трегубов, бывший рыбак, и его жена Капитолина. Их труды и заботы не прекращались и в годы Великой Отечественной войны, и дачка уцелела. Сразу после освобождения Ялты от фашистской оккупации, 20 апреля 1944 года, М. П. Чехова сообщила О. Л. Книппер в Москву: «Твой домик стоит. Роман и Капитолина по-прежнему там»²⁵.

²³ Шверубович В. О старом Художественном театре. М.: Искусство, 1990. С. 236.

²⁴ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1: 1899–1927. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 622.

²⁵ О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 2: 1928–1956. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 408.

О. Л. Книппер-Чехова на гурзуфской даче. Фото А. Рябцова. 1949

С 1944 по 1953 год Ольга Леонардовна каждое лето и начало осени (кроме 1948, когда врачи запретили ей по болезни уезжать на юг) проводила в Гурзуфе. Близкие люди называли ее ветшающую хибарку у моря «герцогством», а саму хозяйку — «гурзуфской герцогиней». Здесь ее гостями были писатели Александр Фадеев, Борис Лавренёв, музыканты Святослав Рихтер и Нина Дорлиак, певец Иван Семёнович Козловский, художник из группы Кукрыниксы Николай Соколов, актеры МХАТа. У самого молодого из них — Олега Ефремова — именно на берегу чеховской бухты родилась идея создать новаторский театр «Современник», — об этом он будет вспоминать на ялтинских гастролях МХАТа уже в 1980-е годы.

Именно при О. Л. Книппер-Чеховой гурзуфская дача постепенно стала приобретать вид усадьбы. В память о Чехове здесь сознательно ничего не менялось и не перестраивалось. Даже калитка всегда оставалась синего цвета, как при Антоне Павловиче. Но время шло, и хотя деревьев вокруг было немного, они разрастались, давали больше тени, пышно цвели цветочные клумбы; по опорам беседки вился виноград. Историк Художественного театра Виталий Виленкин, бывавший здесь много раз, писал в мемуарном очерке об Ольге Леонардовне: «Я так и вижу ее в этом ее маленьком гурзуфском раю за “синей калиткой” (в яркий синий цвет, даже издали выделявший ее на белой ограде, эту калитку ежегодно заново красили к приезду Ольги Леонардовны) — хлопнется за тобой “синяя калитка”, и ты как будто отрезан от мира морским ветерком, долетающим сюда сквозь нагретую солнцем сладкую одурь олеандров и роз. Так и вижу ее в

В. Я. Виленкин и О. Л. Книппер-Чехова на спуске к гурзуфской даче. Нач. 1950-х

кресле за столом на балконе крытого черепицей одноэтажного домика, или у нее в комнате с окном прямо в море, или в саду на остроугольном мыске, похожем на какую-то странную театральную ложу над бухтой. В легком белом платье с широкими «балахонными» рукавами или еще в чем-то белом, просторном и кружевном, с веером в руке или где-нибудь рядом на скамейке, и сама такая легкая, оживленная и подвижная»²⁶.

Домик по соседству, на самом мысу, в 1947–1951 годы арендовала на лето семья Томашевских. И. Н. Медведева-Томашевская вспоминала свое впечатление от чеховской дачи: «Синяя калитка и розовая черепица, выглядывавшая из-за каменной ограды, придавали сакле яличника вид усадьбы»²⁷. Внутри протекала своя удивительная, заманчивая жизнь: «Из-за ограды звучали хорошо поставленные голоса, иногда было шумно, хохотливо, и только один голос, мастерски приглушенный, всегда звучал соло. На фоне почтительных пауз. Меж лезвий агав, стоявших на каменной ограде (прихотливый занавес, отделявший соседний мирок от нашего), мелькало что-то великолепно желтое и алое...»²⁸

После 1953 года, понимая, что вскоре не сможет приезжать в Крым, О. Л. Книппер-Чехова начала предлагать свой домик у моря в дар то МХАТу, то чеховскому музею в Ялте. Но администрация этих учреждений не приняла такого дара. В 1958 году, за год до своей смерти, Ольга Леонардовна продала гурзуфскую дачу художнику Василию Васильевичу Мешкову, избранному в том же году действительным

²⁶ Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М.: Искусство, 1991. С. 242–243.

²⁷ Медведева-Томашевская Ирина. Синяя калитка. Указ. изд. С. 102.

²⁸ Там же. С. 91.

Во дворе гурзуфской дачи. Фото В. Костюченко. 2006

членом Академии художеств СССР. В 1960 году, в честь столетия со дня рождения А. П. Чехова, на выходящей в переулок стене домика была установлена памятная доска, сообщавшая, что здесь писатель начал работать над пьесой «Три сестры». Весной 1963 года В. В. Мешков умер, а в августе его наследники продали весь усадебный участок Дому творчества им. К. А. Коровина. С этого времени здесь работали и отдыхали члены Союза художников СССР, среди которых были А. М. Герасимов, П. П. Соколов-Скаля, Л. Е. Кербель, Д. С. Бисти, скульптор М. К. Аникушин, а также зарубежные гости — Херлуф Бидструп, Рокуэлл Кент. В 1974 году домик подвергся капитальному ремонту, помещения перестроили под спальный корпус Дома творчества художников, для чего изменили внутреннюю планировку и пристроили сантехнические удобства. Сохранившаяся еще с чеховской поры черепица на крыше была заменена на кровельное железо. В 1987 году, в результате выступлений в прессе видных деятелей культуры (М. Дудина, О. Ефремова и др.), гурзуфская дача перешла в ведение Дома-музея А. П. Чехова в Ялте и стала одним из его отделов. После этого была проведена работа по исторической реконструкции домика, и к 1995 году ему был возвращен первоначальный вид. С той поры ежегодно с апреля по ноябрь здесь открыта музейная экспозиция, посвященная А. П. Чехову, О. Л. Книппер и истории пьесы «Три сестры».

Мемуарная литература сохранила свидетельство о том, что Ольга Леонардовна любила гурзуфскую дачу гораздо сильнее, чем ялтинский чеховский дом. Однажды она объяснила: в Ялте Антон Павлович много думал о смерти, крепился, а в Гурзуфе он чувствовал себя счастливым,

Чеховская бухта. Фото И. Н. Сухих. 2017

думал не о смерти, о жизни²⁹. Третье чеховское приобретение в Крыму — домик среди камней у моря — не слишком соответствовало традиционным представлениям об имении или усадьбе. Но именно оно в большей мере, чем другие чеховские владения, дало писателю те ощущения, какие Пушкин получил от родового Михайловского, Тургенев — от Спасского-Лутовинова, Лев Толстой — от Ясной Поляны: ощущение того, что здесь желанный для всякого творца «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Так потом казалось и всем гостям, побывавшим здесь уже после Чехова. Ощущают это и по сей день гости чеховской дачи в Гурзуфе.

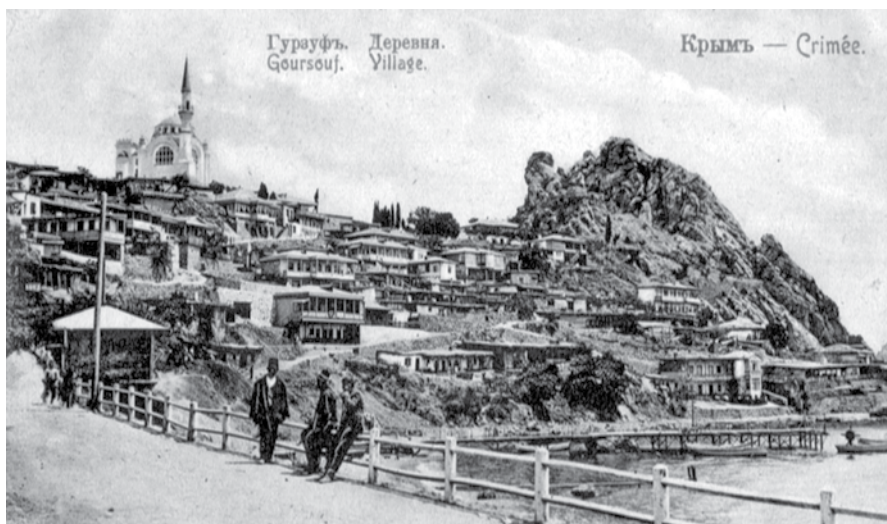
²⁹ Там же. С. 101.

Часть III КУРОРТНЫЙ КРЫМ ЧЕХОВСКОЙ ПОРЫ

«Буду ходить по саду Петра Ионыча...» «Гурзуф», имение П. И. Губонина

Усадебная история Южного берега Крыма началась с освоения гурзуфских земель. Самые ранние письменные источники сообщают, что в VI веке в этих местах побережья на высокой скале над морем находилась греческая крепость; в XIV веке она перешла к генуэзцам, а в конце XV века была разрушена турками, завоевавшими все крымские колонии генуэзцев. В 1472 году на обратном пути в Россию из Индии здесь побывал Афанасий Никитин, отметивший в путевых записках «Хождение за три моря» пятдневную остановку в этом месте черноморского побережья. После присоединения Крыма к России в 1783 году Гурзуф принадлежал первоначально генерал-фельдмаршалу Григорию Александровичу Потёмкину (1739–1791), а с 1808 по 1822 год — французскому герцогу Арману Эммануэлю дю Плесси Ришелье (1766–1822), генерал-губернатору Новороссии, в состав которой тогда входил Крым. В 1811 году в Гурзуфе был построен летний дом из четырех комнат с мансардой — первая европейская дача на Южном

Деревня Гурзуф. Открытка нач. XX в.

П. И. Губонин. Гравюра М. Рундальцева с фото А. Рейнбота

европейского типа и первыми промышленными виноградниками. В 1834 году Воронцов продал его своему чиновнику по особым поручениям Ивану Ивановичу Фундуклею (1804–1880). Новый владелец продолжил благоустройство имения: расширил виноградники, построил винподвал, реконструировал дом и разбил вокруг дома парк с цветниками и фонтанами. В результате к началу 1880-х годов, когда Фундуклей умер, а его наследницы, госпожи Врангель и Краснокутская, выставили имение на продажу, оно имело репутацию одного из лучших на побережье¹. Путеводитель по Крыму так писал в это время: «Оно представляет бесспорно одно из прелестнейших мест на всем Южном берегу Крыма. При живописном местоположении и богатой южной растительности, собранной здесь со всех концов мира, на этой прекрасной даче соединены всевозможные принадлежности и затеи всякого богатого барского имения; и потому парки и сады Гурзуфа отличаются как искусством своего расположения, так равно и необыкновенным богатством и разнообразием собранных в них растений; роскошные цветники, беседки и оранжереи — всё это заслуживает здесь полного внимания и осмотра путешественника, любящего изящное в природе и в искусстве. Виноградники Гурзуфа и добываемое из них вино также считаются лучшими на всем Южном берегу, и гурзуфские вина могут смело соперничать с винами иностранными»².

¹ Подробная история имения «Гурзуф» от первых владельцев до 1920-х годов изложена в издании: Макарухина Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга первая. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 296 с.; Книга вторая. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. 256 с.

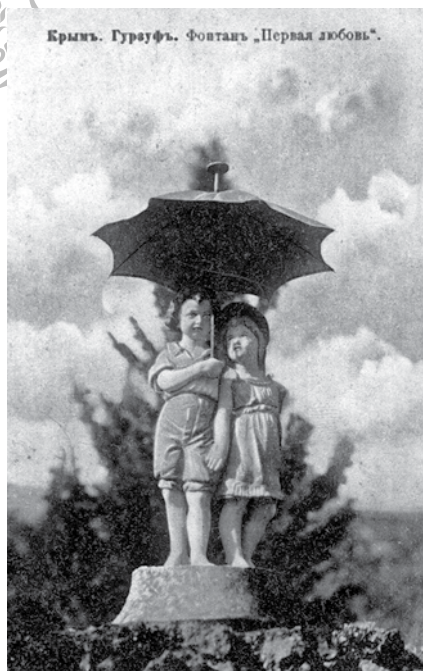
² Караулов Г., Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. Изд. 4-е. Одесса, 1883. С. 104–105.

Курорт Губонина. Вид с Венецианской лестницы. Открытка нач. XX в.

Японская беседка в губонинском парке
Открытка нач. XX в.

Фонтан «Первая любовь»
Открытка нач. XX в.

Вид на курорт Губонина с моря. Открытка нач. XX в.

Прекрасный уголок Тавриды недолго дожидался следующего владельца — им стал московский промышленник Пётр Иванович Губонин (1825–1894). Судьба этого человека неординарна: выходец из семьи крепостных крестьян, он начинал свой трудовой путь на небольшом предприятии по обтеске камней, успешно занимался подрядами по каменотесным работам и к концу 1860-х годов стал владельцем каменоломен в Московской губернии. Крупные подряды по строительству железных дорог, каменных железнодорожных мостов, банковских и промышленных предприятий принесли ему многомиллионное состояние. За активное участие в общественной жизни, щедрую благотворительность на учебные заведения, приюты, храмы он был удостоен в 1868 году звания потомственного почетного гражданина Москвы, а в 1872 году возведен в потомственное дворянство. В Высочайшем указе по этому поводу было отмечено его «стремление своими трудами и достоянием содействовать общественной пользе», девизом нового дворянского рода стали слова: «Не себе, а Родине!», начертанные на гербе Губонина собственноручно императором Александром II³.

В 1880-е годы Губонин направил свою неумную энергию на развитие отечественного курортного дела. В 1881 году он приобрел за 250 тысяч рублей имение сенатора Фундуклея, а в 1882-м расширил его за счет владения, купленного у князя Барятинского. Позднее

³ См.: *Корнев Л.И.* Содействовать общественной пользе (П.И.Губонин) // *Корнев Л.И.* Железнодорожные короли России. СПб., 1999. С. 30–33; *Козлов В.Ф.* Гурзуфская усыпальница московского промышленника П.И.Губонина // Альманах «Москва–Крым», 2000. № 2. С. 195–207.

Пушкинский кипарис
Фото автора. 2014

он еще прикупал земли у татар, разводя виноградники и укрепляя гурзуфское винодельческое хозяйство. Губонин поселился в перестроенном доме Ришелье, а на бывших землях Бяратинского начал строить гостиницы и православный храм, добиваясь превращения Гурзуфа в оживленное дачное место. Курортные строения размещались на территории старого парка, занимавшего пространство в 15 десятин по склону горы и берегу моря. За несколько лет здесь появились три огромные каменные гостиницы, ресторан, торговые лавки, площадка для музыки, купальни, было проведено электрическое освещение. С 1 июля 1889 года начала работать почтово-телеграфная контора: почта приходила ежедневно из Ялты, а телефон был соединен с телефонной сетью всего Ялтинского уезда. К концу

1880-х годов гостиниц уже стало пять, всего же их будет построено семь общей вместимостью до 250 комнат. При гостиницах работали молочная ферма, паровая прачечная, а в корпусах 1-й, 2-й и 6-й гостиниц можно было принимать теплые морские и пресные ванны.

Особое внимание уделялось парку, где преобладали роскошные цветники и экзотические растения, выписываемые порой издалека. Как и здания, парк освещался электричеством, в период курортного сезона играл оркестр. Прекрасным украшением парка стали фонтаны с замечательной скульптурой, месторасположение которых было тщательно продумано. Для фонтана «Ночь» была выбрана открытая приподнятая площадка перед самым высоким зданием гостиницы и по соседству с рестораном, так что этот грандиозный фонтан неизменно был на виду у публики. Более камерные сооружения размещались на укромных площадках, с продуманным составом декоративного растительного обрамления. Отдельные уголки были оформлены таким образом, чтобы производить разное впечатление — величественное, интимное, задушевное, экзотическое. Ежегодно в день официального открытия сезона, 1 августа, в парке бывало особенно большое стечение народа из Ялты и окрестностей, по случаю праздничного гулянья устраивался фейерверк.

Особую привлекательность губонинскому имению придавал старинный владельческий дом, оваянный именем Пушкина. Возле

«Пушкинский» платан
Фото автора. 2014

«Пушкинский» дуб
Фото автора. 2014

дома гостям курорта на протяжении многих десятилетий показывали два «пушкинских» дерева: пирамидальный кипарис и развесистый платан, под сенью которого, как говорили, любил отдыхать поэт. Об одном из этих деревьев Пушкин упоминал четыре года спустя в «Отрывке из письма к Д.»: «В Юрзуфе жил я *сиднем*, купался в море и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею <...> В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я посещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество». В 1870-х годах Некрасов даст новую жизнь этим пушкинским воспоминаниям в поэтических строках поэмы «Русские женщины», написанных от лица княгини Марии Николаевны Волконской, дочери генерала Раевского:

Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился. <...>
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт назвал его другом.
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...

И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей, — повествует народ, —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним, и на память с него
Душистые ветки срывают...

Что касается второго живого памятника, «пушкинского» платана, то в действительности (как выяснят много позднее работники созданного здесь в 1989 году Дома-музея А. С. Пушкина) он был высажен возле дома тогдашним владельцем имения И. И. Фундуклеем в феврале 1838 года — в первую годовщину трагической гибели поэта. Но легенды не допускают информационных лакун: освободившееся место заполняется новым преданием. С развенчанием мифа о «пушкинском» платане, упомянутом даже в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, теперь в Гурзуфе можно услышать о «пушкинском» дубе, возраст которого составляет не менее двухсот лет. Дуб стоит на пригорке недалеко от береговой полосы, образующей в этом месте излучину, — чем не «у лукоморья дуб зеленый»? Выглядит он по сказочному дремучим и вызывает почтение как один из старожиллов гурзуфского побережья.

В нижней части парка, в прибрежной полосе, с 1887 по 1891 год по замыслу Губонина велось строительство православного храма в византийском стиле по проекту архитектора М. Н. Чичагова. Храм был освящен 24 августа 1891 года в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы. Новая церковь вызывала всеобщее восхищение богатством убранства и наружной красотой, отделкой из итальянского мрамора и прекрасной деревянной резьбой. Церковный крест ярко освещался электрическим светом, благодаря чему служил еще и маяком для мореплавателей. На звоннице находилось восемь колоколов, самый большой из которых весил 98 пудов. Для росписи Успенской церкви Губонин пригласил московского иконописца Сергея Ивановича Грибкова, образа были выполнены также известными мастерами, в том числе икона Святителя Николая Чудотворца была написана на холсте Константином Коровиным. При храме была открыта и успешно

Храм Успения Пресвятой Богородицы
Открытие нач. XX в.

работала церковноприходская школа⁴.

Целью Губонина было сделать Гурзуф летней резиденцией богатой Москвы, и ему это удалось. Современники признали Гурзуф самым удобным и модным курортом Южного берега Крыма, составившим конкуренцию итальянской Ривьере и французской Ницце. В середине 1890-х годов фешенебельная публика заселяла все гостиницы до последней комнаты, несмотря на высокие цены. В виноградный сезон проживание в комнате небольших размеров стоило от 60 до 100 рублей в месяц; были и номера, стоимость которых доходила до 10 рублей в сутки. Менее обеспеченным

приезжим предлагалась дешевая гостиница с номерами от 25 рублей в месяц. В зимний период, считавшийся с 1 ноября по 1 апреля, стоимость комфортабельных комнат в гостиницах понижалась на 30–50%, что составляло от 25 до 75 рублей в месяц. В эти месяцы постояльцы, заплатив еще 60 рублей, получали полный пансион: утренний и вечерний чай или кофе с булками и маслом, завтрак из двух блюд и обед из четырех блюд⁵.

О том, насколько губонинский курорт был популярен в достаточно широких кругах, свидетельствует следующий факт из биографии молодого А.П.Чехова. В 1884 году в Москве на квартире у писателя Владимира Гиляровского собралась приятельская компания, куда входили Антон Чехов, его брат-художник Николай, кое-кто еще из художников, в том числе Исаак Левитан. За чаепитием Левитан нашел у Гиляровского альбом с набросками и сделал в нем два карандашных рисунка — «Море при лунном свете» и «Малороссийский пейзаж». Всем присутствующим рисунки очень понравились, но Антон Чехов, рассматривая их, пустился в строгую критику: «Разве так рисуют? Что это такое? Никто ничего не поймет! Ну, море! А какое море? <...> Надо рисовать так, чтобы каждому было понятно, что хотел изобразить художник. Вот я вам покажу, как надо рисовать!» Чехов взял карандаш и через несколько минут с серьезным видом положил перед Левитаном свой рисунок. На листке альбома не слишком умелой рукой было изображено море с корабликом, на берегу

⁴ Козлов В. Ф. Гурзуфская усыпальница московского промышленника П.И. Губонина. Указ. изд. С. 200–201.

⁵ Ялта и ее ближайшие окрестности (справочная книжка). Ялта: Изд. Н.Р. Лупандиной, 1897. С. 96.

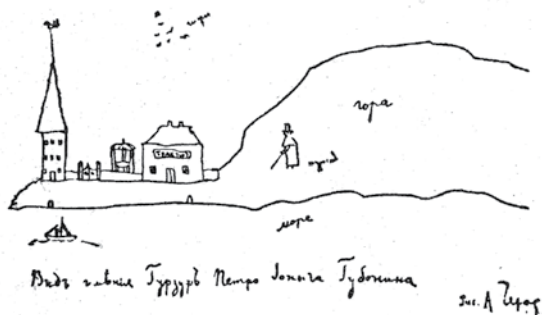

Рисунок А. П. Чехова
«Вид имени Гурзуф Петра Ионыча Губонина». 1884

сказал: «А ты, Гиляй, береги это единственное мое художественное произведение: никогда не рисовал и никогда больше рисовать не буду, чтобы не отбивать хлеб у Левитана»⁶.

Разумеется, все эти якобы гурзуфские приметы не имели ни малейшего сходства с реальностью: ни Чехов, ни Левитан к тому времени еще не бывали в Крыму и представляли его себе лишь понаслышке. Левитан впервые увидит Крым весной 1886 года и сделает множество замечательных этюдов побережья. Один из них летом того же года он подарит Саше Киселёвой, дочери владельцев имения «Бабкино» под Москвой, где снимали дачу Чехов с семьей и гостивший у них художник. С Сашей Киселёвой у Антона Павловича сложились дружески-шутливые отношения, они любили поддразнивать друг друга, причем Саша называла его Васей, а он ее — Василисой. На правах близкого приятеля Чехов приложил руку к левитановскому рисунку — над изображением кипарисовой аллеи у моря сделал надпись:

«Вид кипариса
Пред Вами, Василиса!»

Сам Чехов познакомится с губонинским курортом летом 1889 года, то есть через пять лет после вечера рисования у Гиляровского и через три года после любования крымскими этюдами Левитана. Еще через пять лет его неудержимо потянет в Гурзуф, когда он вдруг почувствует накопившуюся усталость и нездоровье. В январе 1894 года, ожидая встречи с Гурзуфом и вспоминая о своих зарубежных поездках по южным морям, Чехов в одном из писем поделится приятным предвкушением: «Буду ходить по саду Петра Ионыча и воображать, что я опять на Цейлоне».

Хорошую рекламу губонинскому курорту сделала статья журналиста Владимира Кигна (Дедлова) «Игрушечная Италия

⁶ Гиляровский В.А. Веселые дни А.П.Чехова // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1954. С. 95–96.

(Страничка о Южном берегу Крыма)». Она была напечатана в журнале «Книжки «Недели»» в январе 1894 года. В статье говорилось: «Гурзуф, бесспорно, самая удобная и здоровая из всех зимовок. Владелец, г-н Губонин, выстроил шесть огромных каменных гостиниц с двумястами комнат. Комнаты прекрасные, высокие, с отличной вентиляцией, с хорошими печами. Просторные коридоры, большие общие комнаты, мраморные лестницы, расторопная и приветливая прислуга... Из окон гостиницы вы видите то море с его далью, с дальними пароходами и кораблями, морскими птицами, бесконечной нитью пролетающими над самой водой, то горы, спускающиеся к

Рисунок И. И. Левитана с автографом А. П. Чехова. 1886

вашим окнам разноцветным, ярким, чистым, новым ковром: на самом верху — рябые камни хребта, затем курчавые леса зеленых дубов и лиловых осенью вязов, затем шершавые блекнущие разноцветные виноградники — золотые, бронзовые, темно-малиновые... Иногда эта картина живописно перевивается, точно газом, лентами и вуалями легких туманов»⁷.

Подобные публикации были важны для курорта тем, что привлекали публику в межсезонье. Чехов, знакомый с Кигном-Дедловым, сразу же написал ему: «Я прочитал Вашу “Игрушечную Италию” и соблазнился. В начале марта уезжаю в Крым и проживу там, вероятно в Гурзуфе, около месяца. Утомился, немножко кашляю, и хочется поскорее тепла и морского шума. Я был в Крыму, был и в Гурзуфе, но всё

⁷ Цит. по: *Сосенкова М.* «... Там было удивительно уютно и спокойно». Из истории гурзуфской дачи А. П. Чехова // Крымский альбом. Вып. 2. Феодосия; М.: Издат. дом «Коктебель», 1997. С. 78–79.

перезабыл. Не дадите ли Вы мне какой-нибудь совет или наставление? У Вас свежее впечатление. Я думаю жить в Гурзуфе в Губонинской гостинице...» Кигн ответил ему: «В марте в Крыму, должно быть, сущий рай и непременно поезжайте туда», — и даже сделал запрос в контору имения о возможности забронировать солнечную комнату. Ответ был послан на адрес Чехова 17 февраля 1894 года:

«Милостивый Государь Антон Павлович!

В ответ на запрос, сделанный В. Л. Кигном, контора гурзуфского имения П. И. Губонина имеет честь сообщить: 1) Комнату на солнце и на море можно в начале марта иметь наверное. 2) Комнаты без дверей в соседние имеются, но в незначительном количестве. 3) Комнату на

Ресторан в парке. Фото автора. 2014

солнце и на море в период с 1-го марта по 1 апреля можно иметь начиная от 30 руб., с 1 апреля по 1 августа изначальная цена увеличивается на 30%. 4) Комнаты до 1 апреля сдаются с бельем и самоварами, а с 1-го апреля за белье и самовары уплачивается отдельно: за полную перемену постельного белья 50 коп., за самовар 20 коп. 5) Цены на завтрак и обед следующие (необязательно):

Завтрак из 2-х блюд 75 коп.

Обед из 4-х блюд 1 р. 25 коп.

Ужины можно иметь только при карточке, при цене порции от 50 коп.

6) До 1 апреля будет открыта только одна гостиница, с 1-го же апреля откроется обязательно другая, а если будет надобность, то третья и т. д.

Гостиницы все одинаково удобно и комфортабельно устроены.

7) Телеграммы и почтовую корреспонденцию просьба адресовать в Гурзуф, контора имения.

В ожидании ответа просим принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Всегда готовый к услугам Вашим Управляющий имением Гурзуф А. Попов»⁸.

Так случится, что в марте 1894 года Чехов не доберется до Гурзуфа, но в дальнейшем он не раз будет рекомендовать его своим знакомым как подходящее место для отдыха, а в начале 1900 года даже купит себе дачу по соседству с губонинским имением. Правда, к этому времени Петра Ионовича уже не будет в живых и знаменитый курорт перейдет в руки его наследника.

Осенью 1894 года, находясь по делам в Петербурге и в Москве, Губонин перенес воспаление легких и от полученного осложнения внезапно скончался. Его смерть произошла 30 сентября, в тот самый

Корпус «Ривьера». Фото автора. 2014

день, когда он собирался выехать в свое любимое гурзуфское имение. Западный гроб с телом был доставлен поездом из Москвы в Крым и после заупокойных богослужений, проведенных на всем пути от Симферополя до Гурзуфа, помещен в склепе Успенской церкви. Там же впоследствии будет погребена и супруга Петра Ионовича — Марина Севастьяновна.

Имение унаследовал сын Губонина Сергей. В середине 1890-х годов имущество гурзуфского курорта оценивалось в 3,5 миллиона рублей. Значительный доход приносило собственное виноделие. Виноградники были засажены разными сортами — семильоном, педро, мускатом, каберне и др., ежегодно здесь получали до 15 тыс. ведер вина и, кроме того, скупали у местных татар до 10 тыс. ведер. На территории имения находилось 5 винных подвалов, которые позволяли вместить до 60 тыс. ведер вина. Гурзуф посещали тысячи

⁸ ОР РГБ. Ф. 331. К. 41. Ед. хр. 35. Лл. 1 — 1 об.

Венецианская лестница. Фото автора. 2014

Вид на фонтан «Ночь» с «львиной» лестницы. Фото автора. 2014

Аллея в губонинском парке. Фото автора. 2014

приезжих, воспринимавших его как «брильянт Крыма»⁹.

Однако после смерти Петра Ионовича начался заметный упадок курорта. В 1901 году имение было продано акционерному обществу (Голицын, Долгоруков и др.), три года спустя перешло к наследникам К. И. Волкова, а впоследствии к Петербургскому товариществу. Последний владелец имения, инженер путей сообщения Н. Х. Денисов, в 1916–1917 годах скупал берег в деревне и предлагал О. Л. Книппер-Чеховой продать ее гурзуфскую землю, но она ответила, что продавать не желает¹⁰.

После революции и Гражданской войны большая часть курорта Гурзуф была передана Главному военно-санитарному управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Хозяином почти всей территории стала Военно-курортная станция. По решению новой власти летом 1932 года в антирелигиозную кампанию Успенский храм был снесен под предлогом строительства специального лечебного корпуса («электросветолечебницы»), который тогда так и не был построен. Вместе с храмом был уничтожен и подцерковный склеп с захоронениями супругов Губониных. Со временем разрушились и три из пяти знаменитых парковых фонтанов.

В настоящее время территория старого гурзуфского имения поделена между санаториями «Гурзуфский» и «Пушкино».

⁹ Козлов В. Ф. Гурзуфская усыпальница московского промышленника П. И. Губонина. Указ. изд. С. 203–204.

¹⁰ См.: О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка. Т. 1. С. 486, 488.

В части парка, отошедшей к «Пушкино», в 1989 году был открыт и действует Дом-музей А.С.Пушкина, рядом с ним установлен памятный знак с профильным автопортретом поэта. В парке санатория «Гурзуфский» в 1962 году был установлен монументальный бюст Пушкина работы О.Д.Миньковой и К.Г.Кошкина, в 1987 году — памятник молодому Пушкину скульптора Б.С.Довганя. Вдоль одной из аллей установлены бюсты других знаменитостей, бывавших здесь в разное время, в их числе Адам Мицкевич, Фёдор Шаляпин, Антон Чехов, Леся Украинка, Максим Горький, Владимир Маяковский. Прежние каменные гостиницы используются как жилые корпуса, один из них теперь носит название «Чеховский». В разных частях парка до сих пор встречаются интересные старовозрастные растения. Кроме сохранившихся скульптурных композиций фонтанов «Ночь» и «Рахиль», появилось несколько новых фонтанов с современной скульптурой. В поселке Гурзуф 2 июля 2007 года была освящена вновь построенная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 2014 году силами местных энтузиастов на одном из санаторных (бывшем гостиничном) корпусов была установлена памятная доска в честь П.И.Губонина. Но в сущности, всё это место крымского побережья — прекрасный памятник человеку, сумевшему направить свою чрезвычайную энергию и выдающийся ум на развитие общественного блага, на пользу «не себе, а Родине».

Памятник молодому Пушкину
Фото автора. 2014

«Красавица Березина» «Суук-Су», имение В. И. Березина и О. М. Соловьёвой

История крымского имения «Суук-Су» связана с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Березина (1841–1900) и Ольги Михайловны Соловьёвой (1865–1935). В. И. Березин (до 1868 года — Березовский¹) был родом из дворянской просвещенной

В. И. Березин

семьи Полтавской губернии, в 1864 году с отличием окончил Николаевскую инженерную академию в Петербурге и быстро проявил выдающиеся способности инженера-мостостроителя. Он принимал участие в сооружении моста через Днепр у Киева на строительстве железной дороги Курск — Киев, но особое признание получил как один из проектировщиков самого большого в то время в Европе моста через Волгу у Сызрани. Строительство сызранского моста велось с 1875 по 1880 год, а общая протяженность составила 1440 м. За разработку новых технологий Березин был награжден лично императором

Александром II орденом Св. Владимира IV степени с девизом «Полеза, честь и слава» и получил звание инженера путей сообщения. С 1875 года он состоял на службе в Министерстве путей сообщения, а с 1886 года в чине действительного статского советника подал в отставку и начал новую карьеру как частный предприниматель. В течение десятилетия он оставался одним из главных мостостроителей на железнодорожных магистралях Полесья, Приуралья и Западной Сибири, заработал многомиллионное состояние и сделался одним из первых капиталистов России.

¹ *Корнев Л. И.* Мостостроение — его призвание // Инженеры путей сообщения: железнодорожный путь, мосты, строительство. М., 2003. С. 208; *Макарухина Н. М.* Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. С. 185.

Курорт «Суук-Су». Вид на «Казино» и Аю-Даг. Открытка нач. XX в.

В 1897 году Березин приобрел на Южном берегу Крыма имение «Суук-Су», граничащее с деревней Гурзуф и выходящее к берегу моря. Название «Суук-Су» в переводе с татарского означало «Холодная вода» — из-за протекающего здесь ручья. Земельный участок площадью около 21 десятины был куплен у двух владельцев — баронессы Марии Александровны Шеппинг и ее родственницы Софии Александровны Ермоловой — за 47 тысяч рублей серебром². Сделка состоялась в Москве, и хотя Березин был основным плательщиком, покупателями значились совместно он и О. М. Соловьёва. Владея профессиональными навыками и используя местные условия, Березин сам спроектировал и рассчитал постройку приморского курорта, который был бы не хуже заграничных. При нем в 1898–1900 годах были построены четыре дачи, разбит образцовый парк, проведены электричество, водопровод и канализация. Для постройки курзала «Казино» был приглашен Н. П. Краснов, в недавнем прошлом — главный архитектор Ялты, а в будущем — строитель знаменитого Белого царского дворца в Ливадии и дворцов великих князей в ее окрестностях.

В разгар работ, в августе 1900 года Березин неожиданно скончался в парижской лечебнице, где ему оперировали рак горла. Его тело перевезли в Крым и захоронили на территории имения в склепе, сооруженном по проекту Н. П. Краснова. По заказу О. М. Соловьёвой внутри усыпальница была украшена мозаичными изображениями Святого князя Владимира и Святой княгини Ольги — небесных покровителей владельцев «Суук-Су». Склеп предполагался для

² Макарухина Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. Указ. изд. С. 185.

Св. Ольга и Св. Владимир
Мозаика в усыпальнице Березина
Фото С. Тисовец, 2007

семейных захоронений, но больше по этому назначению не использовался.

Дальнейшее осуществление планов по развитию курорта «Суук-Су» продолжила Ольга Михайловна — с 1886 года гражданская жена В.И. Березина (в официальном браке он состоял с 1866 года с Натальей Петровной, урожденной Ивановой, не дававшей согласия на развод). В семейных преданиях сохранились разные версии их знакомства. Две из них — одну более, другую менее романтическую — впоследствии изложил внук В.И. Березина и О.М. Соловьёвой, сын их дочери Ксении, Георгий Наумович Соловьёв: «Березин познакомился с Ольгой Соловьёвой в одну из зим во время постройки железной дороги в Донецком бассейне. Из-за сильной снежной бури его поезд застрял на несколько недель.

Березин был вынужден укрыться в маленьком местном вокзале. Именно тогда он влюбился в одну из дочерей начальника станции, девушку исключительной красоты. Когда же, наконец, он смог ехать и продолжать работу, он просил перед отъездом отца девушки отпустить к нему на службу дочь, заплатив ему крупную сумму... Такова была, уже позже в Ялте, одна из версий их встречи. По другой — девушка была дочерью жиздринских купцов 2-ой гильдии»³.

Архивные документы склоняют к более прозаичной версии: в купчей крепости на имение «Суук-Су» О.М. Соловьёва значится «жиздринской купчихой» — «это значит, что происходит она из купечества Калужской губернии Жиздринского уезда»⁴, что никак не вяжется с «донецкой» историей. Кроме того, нельзя не отметить, что в обществе о заметной чете Березин — Соловьёва ходили разные толки, порой весьма фантастичные. Уже в 1955 году москвич А.В. Попов, прочитав книгу М.П. Чеховой «Письма к брату А.П. Чехову» и встретив на некоторых ее страницах упоминания об О.М. Соловьёвой, поделился с сестрой Чехова своими детскими воспоминаниями:

«Мой отец, доктор медицины, служил Старшим врачом на постройке Сибирской ж<елезной> д<ороги>, кот<орая> строилась этапами: Самара — Уфа, Уфа — Златоуст, Златоуст — Челябинск,

³ Соловьёв Г.Н. Суук-Су // Наше наследие. 1998. № 47. С. 87.

⁴ Макарухина Н.М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. Указ. изд. С. 188.

Усыпальница В. И. Березина. Открытка нач. XX в.

Челябинск — Омск. Сначала Управление находилось в Уфе, где жили и мы. И вот однажды за отцом прислали пару рысаков в роскошной коляске — приглашал отца к больному инженер Березин. Березин был “мостовик” — талантливейший строитель мостов. Он строил все мосты Сибирского великого пути, начиная с знаменитого моста через Волгу под Сызранью. Строительство мостов правительство тогда отдавало “с подряда”.

Тогда и Березин (если память мне не изменяет, его звали Владимир Ильич) нажил миллионы...

У него была семья в Москве и взрослые дети, но он влюбился в дочь известного в Уфе богатого купца чаеоторговца Соловьёва Ольгу Михайловну Соловьёву и у нее был от него сын, — кажется тоже Володя⁵, хотя я не уверен — это было так давно!..

Отец был хорошим врачом и быстро вылечил и с тех пор у него с Березиным установились дружеские отношения. Мы стали там бывать “всей семьей” (пять человек детей). Березин был веселый, жизнерадостный богатырь, и мальчик был такой же крепыш, весь в отца, который души не чаял в сыне. А Ольга Михайловна произвела на мое детское воображение неизгладимое впечатление своей изумительной “русской” красотой, в расцвете которой она тогда была. Но ее отношение к сыну было довольно прохладным, что мне бросилось тогда в глаза, несмотря на мой возраст (6–7 лет). Сыну их

⁵ В законном браке с Н.П.Березиной В.И.Березин имел двух сыновей — Петра (род. в 1867 г.) и Михаила (род. в 1868 г.). Сына В.И.Березина и О.М.Соловьёвой звали Михаил (род. в 1886 г.).

О. М. Соловьёва. Художник К. Коровин

было тогда лет 5. И что странно — Березины жили очень уединенно, никто из инженеров у них не бывал. Я не знаю, чем был вызван такой факт: Березины избегали “своей среды” или инженеры считали предосудительным гражданский брак при “живой законной” жене. Только отец тогда говорил, что кроме нашей семьи у них никого не бывает. Каждый год исключительно для нашей семьи они устраивали роскошную огромную елку, на кот<орой> кроме нас и Володи (Миши. — А. Г.) Березина не было никаких детей. И потом нам отдавали все игрушки и украшения. Устраивали елки и другие инженеры и на этих елках было очень много детей, — но никогда ни на одной из них я

не видел молодого Березина... Затем мы переехали в Челябинск, а Березины после нас поехали в Сибирь и проездом были у нас. Тогда Ольга Михайловна снялась с нами, детьми, и эта карточка до сих пор у меня хранится... После этого я Березиных больше уже не видал. Много лет спустя я слышал, что Березин подарил Ольге Михайловне Суук-Су и 3 миллиона денег. И вот меня интересует вопрос: что случилось с этим мальчиком, товарищем моего детства, — какова его судьба, и были у Ольги Михайловны еще дети от Березина или нет?»⁶

В ответном письме М. П. Чеховой говорилось:

«Ольгу Михайловну Соловьёву-Березину я хорошо помню, но о сыне ее ничего не знала и не знаю. Мне почему-то казалось, что у нее была дочь. Судя по подробностям Вашего письма, Вам об этом лучше знать. Кстати, Вы удивили меня еще одной подробностью. Я считала, да и в мемуарной литературе, кажется, тоже упоминается, что Ольга Михайловна была бедной девушкой и работала какой-то будочницей где-то на полустанке, пропускала с флажками поезда, и вот там ее встретил инженер Березин, влюбился и женился. По Вашему же сообщению Ольга Михайловна была дочерью богатого уфимского купца. Не откажите в любезности еще раз подтвердить мне, что Вы точно знаете этот факт. Мне это важно потому, что в своих воспоминаниях, над которыми я сейчас работаю, я буду упоминать о встрече в Ялте

⁶ Письмо А. В. Попова к М. П. Чеховой от 10 сентября 1955 г. из Москвы в Ялту // Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Чеховиана за 1955 г. Лл. 130–132.

с Соловьёвой-Березиной и этот экскурс в ее происхождение я хотела упомянуть»⁷.

А. В. Попов еще раз подтвердил свои воспоминания:

«По вопросу о Соловьёвой-Березиной я могу сообщить следующее.

1) Купец такой в Уфе был, я сам не раз покупал у него (я учился в Уфимской гимназии).

2) Я не раз слышал от разных лиц, что в Москве у Березина была “законная” семья — жена и взрослые дети.

3) Березины жили в Уфе уединенно, никто из “своей”, инженерной компании у них не бывал и они тоже.

4) Отец мой был хорошим врачом. Пользовался популярностью и имел очень большую практику. Думаю, что он лечил кого-н<ибудь> и у Соловьёвых и был в курсе дела. У нас в доме я не раз слышал о том, что Ольга Михайловна была дочерью купца Соловьёва.

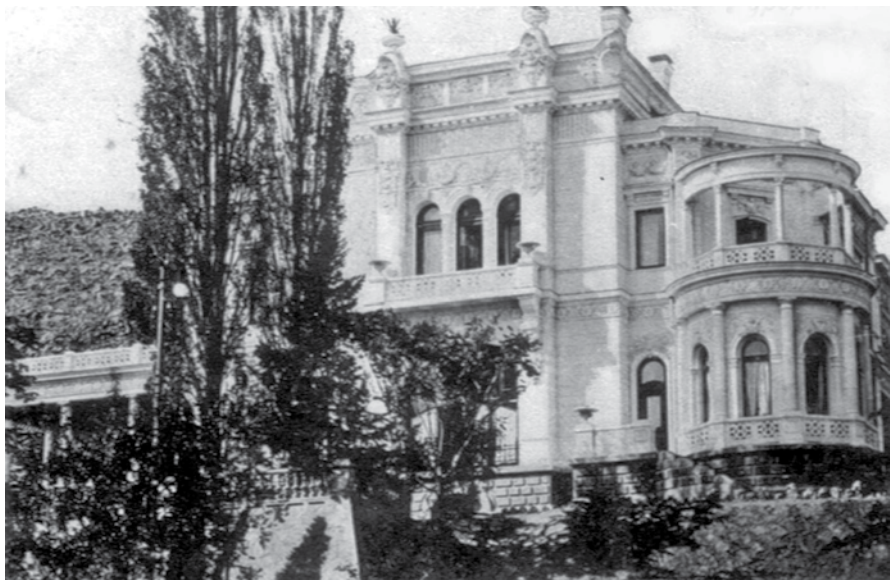
То, что написали Вы об Ольге Михайловне, явилось для меня полнейшей неожиданностью. Такой версии я никогда ни от кого ни разу не слышал. Может быть, сама Ольга Михайловна ее распространяла и отец мой был введен в заблуждение — этого я не знаю. Может быть, в ваших воспоминаниях лучше обойти этот вопрос, раз в нем нет достаточной ясности?...»⁸

Оригинальные штрихи и детали, сохраненные в памяти авторов этих писем, лишний раз свидетельствуют о незаурядности фигур В. И. Березина и О. М. Соловьёвой. Казалось бы, совершенно сторонние источники дают нам подтверждение, что впечатление, производимое Березиным и Соловьёвой на окружающих, было глубоким и не изглаживалось десятилетиями.

⁷ Письмо М. П. Чеховой к А. В. Попову от 18 октября 1955 г. // Там же. Л. 129. Михаил, сын в гражданском браке Владимира Ильича Березина и Ольги Михайловны Соловьёвой, был усыновлен своим дядей по отцу, полковником Петром Ильичом Березиным и его женой Александрой Петровной, от рождения носил фамилию Березин и отчество Петрович, в 10-х годах XX века отчество было изменено на Владимирович. Потомки по этой линии — дочь Галина Михайловна и ее сын, впоследствии проживающие в Белоруссии, — сохранили фамилию Березиных. В 1899 г. у В. И. Березина и О. М. Соловьёвой родилась дочь Ксения, получившая фамилию Соловьёва и передавшая ее своему сыну Георгию, родившемуся в 1921 г. в Берлине. В крымский период инженера Березина и Соловьёвой их сын Михаил жил у приемного отца в Петербурге. Дочь Ксения, родившаяся уже после приобретения «Суук-Су», была на виду у крымских знакомых и потому запомнилась М. П. Чеховой. О потомках основателей курорта «Суук-Су» см. также: *Макарухина Н. М.* Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. Указ. изд. С. 190.

⁸ Письмо А. В. Попова к М. П. Чеховой от 1 ноября 1955 г. из Москвы в Ялту // Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. Чеховиана за 1955 г. Лл. 127–128.

В отличие от книги «Письма к брату А. П. Чехову» (1954), где имя О. М. Соловьёвой встречается как в приведенных письмах, так и в комментариях, в изданных воспоминаниях М. П. Чеховой «Из далекого прошлого» (1960) о Соловьёвой — Березине не упомянуто ни слова. Не исключено, что делавший записи со слов Марии Павловны ее помощник Н. А. Сысоев («партиец», как она подчеркивала его особенный статус в музее) предостерег ее от афиширования связей с известными капиталистами, а потом еще и белоэмигрантами, какими в это время представляли в общественном сознании бывшие владельцы имения «Суук-Су».

Курзал «Казино». Открытка нач. XX в.

Дочь Шаляпина Лидия в своих воспоминаниях приводила еще одну легенду об Ольге Михайловне, родившуюся на крымской земле: «В молодости пришла работать к барину в этот самый курорт. Красива она была необычайно. Барин влюбился в нее без памяти, женился на ней, а умерев, оставил ей громадное состояние»⁹. Подобные слухи, конечно, не проясняли давней истории, а лишь добавляли загадочности к прошлому русской «Золушки», ставшей потом наследницей миллионного состояния.

Еще много лет спустя О. М. Соловьёва поражала окружающих своей незаурядной внешностью и неординарностью поведения. Ее внук писал по рассказам своей матери: «Высокого роста, с черными как смоль волосами, со свежим румяным лицом — Ольга Михайловна воплощала собой особую красоту русской женщины. Она любила дорогие меха и драгоценности. На одной ее жакетке сверкали бриллиантовые пуговицы. Она охотно показывалась в шикарных нарядах <...> После ванны она обдавала себя болгарским маслом из роз и любила много душиться. <...> Она стремилась окружать себя не только красивыми вещами, но и людьми с красивой наружностью. <...> Помимо купания в море, она ловко стреляла и любила танцевать»¹⁰. В январе — феврале 1901 года И. А. Бунин в своих крымских заметках высказался о ней двумя исчерпывающими словами с восклицательным знаком: «Красавица Березина!»¹¹

⁹ Цит. по: *Соловьёв Г. Н.* Суук-Су. Указ. изд. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1967. С. 194.

Парк курорта «Суук-Су». Открытка нач. XX в.

В течение 15 лет совместной жизни Березин и Соловьёва немало поездили по Европе. Они побывали в Германии, Италии, Франции, Англии, на Лазурном побережье; в семейном кругу осталось предание, как на Пасху 1886 года в Севилье Ольга Михайловна получила первый приз за красоту и после корриды бросила кучу золотых монет тореадору. Во время этих поездок и родилась идея основать собственный курорт, который мог бы соперничать с известными европейскими, а также с курортом «Гурзуф» П. И. Губонина. Приобретя свой участок по соседству с губонинским, владельцы «Суук-Су» планировали привлечение публики по-своему — роскошью и возможностью азартных развлечений. Центральной постройкой нового курорт-имения должно было стать казино: Ольга Михайловна была склонна к азартным играм, особенно к рулетке, и хотела устроить у себя рулетку по образцу Монте-Карло. Правда, власти в этом ей отказали, но в соответствии с первоначальным замыслом выстроенный курзал сохранил название «Казино». Внешне он выглядел как прекрасный дворец в мавританском стиле, интерьеры первого и второго этажей поражали изысканной роскошью.

Зная природную сметку, предприимчивость и практические способности Соловьёвой, Березин сделал ее своей главной наследницей. Их общей дочери Ксении, родившейся за год до его смерти, он определил приданое в 250 тысяч рублей. Часть капитала в ценных бумагах была завещана Министерству путей сообщения на выплату стипендий отлично успевающим малоимущим студентам, которые именовались «стипендиатами инженера В. И. Березина». Ольге Михайловне перешла основная часть состояния — около

десяти миллионов золотых рублей.

С 1900 года курорт уже принимал гостей — посетителей и постояльцев. По воспоминаниям Бунина, в апреле 1901 года он, А. П. Чехов и М. П. Чехова ездили в «Суук-Су», «где очень весело завтракали». После завтрака Чехов не позволил Бунину платить, сказав, что они рассчитаются дома, и по возвращении в Ялту сочинил и подал шуточный счет:

Курорт «Суук-Су». Площадка перед рестораном. Открытка нач. XX в.

«Счет господину Букишону (французскому депутату и маркизу).
Израсходовано на вас:

1 переднее место у извозчика	5 р.
5 бычков а-ла фам о натюрель	1 р. 50 к.
1 бутылка вина экстра сек	2 р. 75 к.
4 рюмки водки	1 р. 20 к.
1 филей	2 р.
2 шашлыка из барашка	2 р.
2 барашка	2 р.
Салат тирбушон	1 р.
Кофей	2 р.
Прочее	11 р.
Итого	27 р. 75 к.

С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы»¹².

Имя О. М. Соловьёвой не раз встречается на страницах переписки между Чеховым, его сестрой и женой, а также в переписке Чехова с его деловыми корреспондентами. С владелицей «Суук-Су» писателя познакомила одна из его ялтинских поклонниц, Софья Павловна Бонье, состоявшая, как и Чехов, в Ялтинском благотворительном обществе Попечительства о нуждающихся приезжих больных. Как только Чехов приобрел дачу в Гурзуфе, он сразу же был приглашен Соловьёвой навестить ее по-соседски. «Вчера я был в Гурзуфе, обедал у той очень красивой (такой красивой, что даже страшно) дамы, с которой познакомила нас М-ме Бонье», — писал он сестре 15 января 1900 года, в том самом письме, где сообщал о покупке кусочка берега с купаньем и Пушкинской скалой.

Постоянно общаясь с Бонье и время от времени с Чеховым, Соловьёва жертвовала на благотворительные цели то небольшие, то

¹² Там же. С. 199–200. Бунин поясняет происхождение прозвища, данного ему Чеховым: «Букишоном он стал называть меня потому, что в какой-то газете он увидел портрет какого-то маркиза, который был на меня похож».

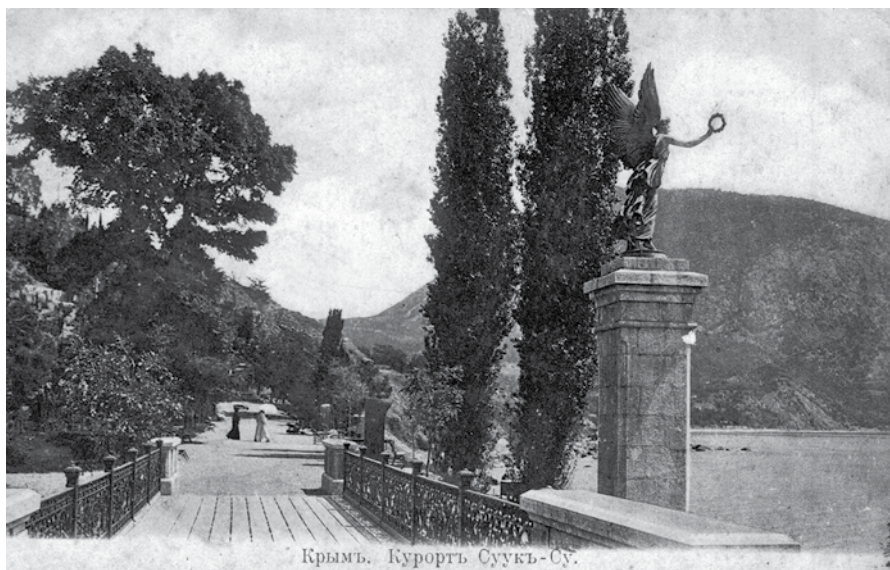
Курорт «Суук-Су». Общий вид. Открытка нач. XX в.

весьма солидные суммы. В отчете, составленном Чеховым в декабре 1898 года, она значится в списке жертвователей в пользу детей крестьян Самарской губернии, пострадавших от неурожая (ее вклад — 3 рубля)¹³. Но на постройку здания пансионата «Яузлар» для нуждающихся туберкулезных больных передала благотворительному обществу в 1902 году практически половину требуемой суммы — 5 000 рублей¹⁴. Создание этого специального санатория для бедняков было большим общественным делом. Главными его инициаторами были Чехов и поселившийся в Ялте врач и писатель С. Я. Елпатьевский. В ноябре 1899 года Чехов написал «Воззвание» Ялтинского благотворительного общества о помощи неимущим туберкулезным больным. «Воззвание» было распространено среди жителей Ялты и отправлено М. Горькому в Нижний Новгород, где было опубликовано в газете «Нижегородский листок» и затем для пропаганды разослано по знакомым в Петербург, Москву, Самару, Смоленск. В мае 1903 года Чехов был избран в комитет по строительству «Яузлара», при нем был открыт пансионат, рассчитанный сначала на 20 коек.

Зимой 1902 года проездом из Крыма на Кавказ О. М. Соловьёва останавливалась в Таганроге, где познакомилась с двоюродным братом Чехова — Георгием Митрофановичем. После этого Георгий написал Антону Павловичу 8 февраля: «Спасибо тебе большое, большое за поклон, переданный Ольгой Михайловной. Я был в восторге, когда она сердечно исполнила миссию, и мне казалось, что она давно уже со мной знакома, и есть что-то у нее приятное, несмотря на то, что великаны

¹³ Крымский Курьер. 1898. № 110. 19 дек.

¹⁴ Крымский Курьер. 1902. № 140. 2 июня.

Крымъ. Курортъ Суукъ-Су.

Курорт «Суук-Су». Аллея у моря. Открытка нач. XX в.

дамы на меня не производят приятного впечатления. С нею я просидел вечер за чаем, она так симпатична и проста, что я с удовольствием с нею болтал, а она рассказывала о Ялте, за границе и своих миллионах. Упрашивал ее сходить в театр, посмотреть наш первый когда-то на юге театр, а теперь уже старенький, а также довольно удовлетворительную труппу посмотреть, с тем, чтобы по возвращении в Ялту сообщила бы тебе свои впечатления, но у нее не было времени сделать это. На другой день я ее проводил на вокзал.

Да, она большая дама, как ее миллионы!»¹⁵

До переезда Георгия Митрофановича Чехова по службе в Ялту в его письмах из Таганрога еще дважды встречается упоминание о Соловьёвой:

«Проездом из Кавказа в Таганрог была Ольга Михайловна Соловьёва, гостила у своей сестры, теперь она приехала в Севастополь» (27 марта 1902 года)¹⁶;

«Ольга Михайловна Соловьёва, очень милая дама, присылает мне из заграницы открытые письма с видами» (2 апреля 1902 года)¹⁷.

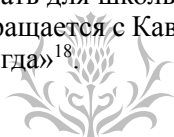
Летом 1902 года к помощи богатой благотворительницы по совету Чехова обратился гурзуфский учитель Н. А. Винокуров-Чигарин. 26 июля он писал Чехову из Гурзуфа в Ялту: «С О. М. Соловьёвой я познакомился тогда и был у нее несколько раз; она и вправду гостеприимная и любезная хозяйка; пообещала сделать для школы все зависящее от нее. В первых числах августа она возвращается с Кавказа и, быть может, удастся сделать для школы многое тогда»¹⁸.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 5 н-у. Лл. 39 — 39 об.

¹⁶ Там же. Л. 44 об.

¹⁷ Там же. Лл. 41 — 41 об.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 331. К. 39. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

Но характер у Ольги Михайловны был переменчивый, и она легко могла отказаться от первоначального намерения и поддаться сбивающему влиянию из своего окружения. Так случилось с проектом биологической станции, которую она, одоблив идею Чехова, собиралась открыть в своем имении. В марте 1902 года С. П. Бонье писала Чехову: «Была в Суук-Су, Ольге Мих<айловне> передала Ваше поручение. Она говорила, что будет Вам телеграфировать. Слыша<ла> я от нее, что ей необходимо лично с Вами говорить — до решения всего дела. Она делает секрет от меня из Вашего намерения устроить что-то»¹⁹.

Проект биостанции не раз становился предметом их обсуждения на протяжении 1902 года. Чехов брал на себя все необходимые организационные хлопоты, Ольга Михайловна собиралась выделить средства, причем немалые. Дело дошло до того, что Чехов подготовил от ее имени письмо на имя президента Императорского Московского Общества испытателей природы Н. А. Умова со следующим предложением:

«Желая увековечить память действительного статского советника инженера Владимира Ильича Березина каким-либо полезным для науки учреждением, я остановилась на мысли устроить в своем имении близ Гурзуфа на берегу Черного моря Биологическую станцию, в которой бы находили приют и могли заниматься наукой приблизительно 20–30 лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях и затем избравших себе специальную научную карьеру.

Я желала бы, чтобы Биологическая станция имени Березина была широко открыта для всех лиц, посвятивших себя научной деятельности, и чтобы занимающиеся находили на станции не только все необходимые научно-вспомогательные пособия, но также имели бы там и квартиры.

С этой целью я намереваюсь построить станцию и при ней квартиры для занимающихся и снабдить станцию всем необходимым для занятий и предлагаю Императорскому Московскому Обществу испытателей природы, как старейшему русскому обществу натуралистов, выработать план постройки станции, составить устав, ходатайствовать перед правительством о разрешении открыть станцию и присвоить ей имя В. И. Березина, а затем принять станцию в свое полное заведование.

Помимо постройки и оборудования станции я ассигную триста тысяч рублей на ее содержание.

Ольга Соловьёва.

Мой адрес: Гурзуф, Таврич. губ.»²⁰

По всей видимости, Чехову вопрос казался решенным. Но Ольга Михайловна неожиданно для него замолчала довольно надолго, а после прислала загадочную депешу: «Не могу решить, скоро при свидании, лучшие пожелания. Соловьёва»²¹. Ответ поверг Чехова в недоумение:

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 331. К. 37. Ед. хр. 23-б. Л. 3.

²⁰ Соловьёв Г. Н. Суук-Су. Указ. изд. С. 93.

²¹ Там же.

«...сегодня ночью получил телеграмму такого содержания: “Не могу решить...” Что сие значит, понять не могу. Вероятно, барыню сбивают советники». Причины, по которой Соловьёва отказалась от проекта, он так и не дознался.

Тем не менее Ольга Михайловна как ни в чем не бывало продолжала наносить визиты в чеховский дом в Аутке. В письмах Чехов неоднократно упоминал о ее посещениях, и чем далее, тем с большей иронией. 19 декабря 1902 года он сообщал жене: «Вчера была Ольга Михайловна, к которой я поступаю в испанцы. Ведь ты ничего не имеешь против?» Самоуверенная, но при этом достаточно простодушная, гостя совсем не считалась с занятостью писателя. Так, 7 октября 1903 года, в период срочной доработки пьесы «Вишневый сад», Чехов сетовал на последствия ее посещения: «Вчера приезжала ко мне Ольга Михайловна, красивая дама, нужно было поговорить о деле, о попечительстве в гурзуфской школе; о деле мы говорили только пять минут, но сидела она у меня три часа буквально. Буквально, я не преувеличиваю ни на одну минуту, и не знаю, сколько бы она еще просидела, если бы не пришел отец Сергей. Когда она ушла, я уже не мог работать, внутри у меня все тряслось, а пьеса моя между тем еще не переписана». Следующий ее визит отмечен в его письме от 23 октября: «Вчера была у нас высокая Ольга Михайловна, говорила о любви, обещала прислать сельдей». Обещание, выполненное две недели спустя, неожиданно вызвало переполох в маленьком домашнем хозяйстве, направляемом старушкой-матерью и кухаркой Марьюшкой: «Ольга Михайловна привезла мне устриц и селедок. Наши так испугались устриц, с таким ужасом и брезгливым суеверием глядели на них, что пришлось мне не есть их. Сельди хорошие». С присущей ему ироничностью Чехов заключил этот эпизод: «Вообще, очевидно, без Ольги Михайловны мне жить никак нельзя».

К концу июля 1903 года в имени Соловьёвой была закончена постройка здания «Казино» и четырех новых гостиниц. Предстояло официальное открытие курорта. К этому времени площадь его, как скоро начнут указывать рекламные объявления, составляла 27 десятин. Памятуя, с какой легкостью Чехов подготовил письмо насчет биологической станции, Ольга Михайловна наметила его в сочинители рекламы, — так в очередной раз проявилось ее простодушие, доходящее до бесцеремонности. Внук Соловьёвой изложил и прокомментировал эту историю: «Для открытия Ольга Михайловна не постеснялась обратиться к Чехову с просьбой написать для газет объявление, но такое, “чтобы, действительно, было замечательно”. И когда смущенный Антон Павлович клялся, что он никогда этим не занимался, она смеялась и говорила: “Тоже, ей Богу, вы скажете, самый замечательный писатель и вдруг не может! Кто же этому поверит?” И ему пришлось согласиться, и объявление об открытии курорта печаталось в ялтинской газете “Крымский курьер”. Так, в определенном смысле, можно считать, что

курорт “Суук-Су” родился под покровительством Чехова. Сцену эту описал доктор Альтшуллер, будучи ее свидетелем»²².

То, что А. П. Чехов в самом деле написал объявление для О. М. Соловьёвой, подтверждает и письмо Чехова к ялтинскому журналисту М. К. Первухину: «Г-жу Икс направил к Вам. Она одолела меня просьбами составить ей текст объявления. Я составил, провозившись, но думаю, что Вы, как ближе стоящий к газетному делу, можете быть ей более полезным»²³. По стилю изложения вполне «чеховским» выглядит объявление в путеводителе Г. Москвича «Крым» издания 1903 года: «С 1 августа 1903 года на Южном берегу Крыма, в 15 минутах ходьбы от Гурзуфа, открывается новый курорт “Суук-Су”. Идеальные условия жизни. Парк, виноградник, морской берег с пляжем, ванны, русская баня, молочная ферма, водопровод, канализация и пр. Почта, телефон с Ялтою, электрическое освещение, лодки и экипажи для прогулок, регулярное сообщение с Ялтой экипажами и паровыми катерами. Справки дает контора курорта: Крым, Гурзуф, Суук-Су». В самом деле — вдруг перед нами неизвестные чеховские строки, ускользнувшие от внимания публикаторов полного собрания его текстов?

Публиковавшиеся в последующие годы объявления о курорте были более подробными и точнее отвечали требованиям рекламы. Например, информация в «Путеводителе по Крыму» А. Безчинского издания 1905 года представляла собой образец совсем другого стиля:

«Курорт Суук-Су. Южный берег Крыма в 12 верст<ах> от Ялты. Летний сез<он> (морск<ое> купанье) начинается с 20-го мая. Осенний (виноградный) сезон с 15-го августа.

Сообщение из Симферополя в экипажах по самой живописной части Крыма, 7 час. езды. От Ялты пароходом 40 мин.; лошадьми час с четвертью. От Одессы через Севастополь пароходом 19 часов.

Управление курорта сим обращает внимание публики на русский курорт в полном смысле слова. Один из самых красивых уголков Южного берега Крыма, благодаря миллионным умелым затратам, превращен в курорт, ни в чем не уступающий излюбленным климатическим станциям Ривьеры.

Роскошное в новом стиле Казино с большими залами, где играет оркестр, с читальней, гостиными, веранд<ами> и террасами. Роскошн<ый> рестор<ан> с образцов<ой> кухней.

Парк более 20 десятин с роскошными дорожками, ведущими к отличному пляжу. Лаун-теннис, крокет, гимнастика. Морские и пресные ванны. Лодки для катания, экипажи и верховые лошади. Первоклассный погреб выдержанных вин, собственных и заграничных. Виноградники,

²² Там же. С. 94.

²³ Впервые опубликовано в статье: *Первухин М.* Чехов и Ялта // Русское слово. 1904. № 189. 9 июля. С. 1. Письмо включено в Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова в 30 томах с датой «1900-е годы», см.: Письма. Т. 12. М.: Наука, 1983. С. 139, примеч. с. 385. Теперь «г-жу Икс» можно расшифровать как О. М. Соловьёву и уточнить год написания чеховского письма как 1903.

огороды, молочная ферма, образцовая прачечная. Полная канализация, водопровод, электрическое освещение во всех помещениях и в саду.

В парке 6 гостиниц, 150 комнат со всеми удобствами, с обстановкой, по элегантности не уступающей лучшим столичным гостиницам.

Цены как за помещение, так и в ресторане вполне доступные, а в сравнении с друг<ими> курорт<ами> даже дешев<ые>.

Номера от 1 р. 50 к. до 15 р. посуточно или от 30 до 500 р. в месяц.

Для ограниченного числа приезжих будет устроен полн<ый> пансион, почему желающие устроиться так<им> образом благоволят снести заблаговременно с конт<орой> курорта.

Адрес для почтовых и телеграфных сношений: Ялта, курорт Суук-Су. Телефонное сношение с Ялтой и Севастополем».

Накануне объявленного дня открытия в «Суук-Су» побывал Иван Павлович Чехов. 3 августа 1903 года он писал жене, отдыхавшей с сыном у своих родных в Костромской губернии: «Третьего дня я ездил в Суук-Су к Соловьёвой-Березиной в новый курорт, который вероятно раньше будущего сезона не откроется, хотя работает ежедневно не менее 700 рабочих. Соловьёва уже затратила около 3 миллионов. Роскошь, действительно, достойна удивления. Гостиницы и курзал очень комфортабельны. Виды со всех балконов очаровательны. Когда я спросил Соловьёву, скоро ли она предполагает сделать официальное открытие курорта, она ответила: “Как же мне открывать, когда еще кухонная посуда не пришла, еще кухонной посуды нема”. Хорошо бы нам устроиться у Соловьёвой в будущем сезоне»²⁴.

Письмо И. П. Чехова передает просторечие Ольги Михайловны, на которое он реагировал с привычной педагогу дотошностью. Не секрет, что многие потешались над ее речью, выдававшей происхождение простолюдинки. Характерный штрих, по которому можно судить о полной картине, содержит одна из записей в дневнике И. П. Чехова с датой 4 декабря (17 дек. по н. ст.) 1918 года. Иван Павлович описывал посещение ялтинских знакомых Эрманс и застольную беседу, в которой принимали участие он, Софья Владимировна и Мария Павловна: «Гостей очень много <...> Пили чай с очень вкусными куличами и пирогом от Ксении Березиной. Разговор окончился тем, что во всю мочь потрепали О. М. Соловьёву главным образом за то, что она не умеет выразить своих мыслей»²⁵.

С 1904 года «Суук-Су» носил статус курорта, признанного разными слоями общества. Собирая и восстанавливая историю этого места, Г. Н. Соловьёв разделил его именитых посетителей примерно на три категории. Первая — писатели, артисты и художники: А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. П. Арцыбашев, Ф. И. Шаляпин, А. Н. Скрябин, А. Д. Вяльцева, К. А. Коровин, В. И. Суриков, И. И. Нивинский. Вторая — местные помещики: Раевский, Кочубей, Думбадзе. Третья — замечательные личности: предпоследний эмир Бухарский Сеид Абдул-

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 247. Лл. 30 — 30 об. Подчеркнуты слова в оригинале.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 37.

Ахад-хан, зеленоокая красавица татарская принцесса Лейла Ханум Тайганская, военный министр генерал В. А. Сухомлинов, министр финансов В. Н. Коковцов, светлейший князь Имеретинский. Особую категорию посетителей могли бы составить члены императорской фамилии. 19 ноября 1913 года император Николай II с офицерами свиты, выехав утром на машине из Ливадии, уже через час прибыл в «Суук-Су». Государь и свита совершили прогулку по парку, полюбовались видами побережья и уехали. Сама Ольга Михайловна в это время, последовав неудачному совету, напрасно ожидала в гостиной, чтобы государь подошел к ней как к хозяйке. По семейным преданиям, через год Николай II еще раз побывал в «Суук-Су» и в этот раз был встречен Соловьёвой по всем правилам этикета.

В 1913 году курорт был награжден большой золотой медалью на Всероссийской гигиенической выставке и серебряной медалью на выставке в Одессе. Но, по свидетельству потомков Соловьёвой, она не собиралась делать из него статью дохода и даже теряла на нем деньги, так как дачи далеко не всегда были заполнены. К тому же Ольга Михайловна любила пожить на широкую ногу, обожала праздники, пикники и никогда на них не скупилась. Ежегодно в день своих именин она объявляла всех жителей курорта своими гостями, щедро угощала и устраивала всевозможные развлечения. В этот день на эстраде с утра до вечера играл оркестр, а сама именинница, нарядившись в боярское платье, в кокошнике, усыпанном жемчугами, что очень шло ее величественной красоте, обходила гостей, которые не устали поднимать бокалы с шампанским и встречали ее громким «ура». Вечером запускался сказочный фейерверк. По-видимому, Соловьёвой важнее всего было создание и сохранение артистической атмосферы, отличавшей ее курорт. Можно понять, почему «Суук-Су» был привлекателен не только для привычных к роскоши аристократов, но и для таких выходцев из народа, как, например, Шаляпин, который сумел почувствовать некое внутреннее родство между собой и О. М. Соловьёвой.

Как для Чехова особую прелесть Гурзуфу и его окрестностям придавала память о Пушкине, так после Чехова эти места стали восприниматься как «чеховские». По крайней мере, так было для Бунина, Шаляпина, Коровина. Со временем в историю этих мест будут вписаны и их имена.

Наиболее известная из дач «Суук-Су» называлась «Орлиное гнездо». В этом доме, построенном еще в конце XVIII века, когда жили предыдущие владельцы здешних мест, от Потёмкина до баронессы Шеппинг. В начале 1900-х годов здесь останавливался Бунин, а в 1911 году — художник Суриков, который по заказу Ольги Михайловны написал большое панно «Садко в гостях у морского царя». По рассказам Ксении Соловьёвой сыну Георгию, это была картина размером примерно 5 на 8 метров, во всю стену зала второго этажа «Казино». В декабре 1941 года она сгорела во время пожара. В семейных

*Чудесный край это
К-римское
побережье!
Ке арабыли вадруми?
1916.
Ф. И. Ш. Суук-Су.*

Ф. И. Шаляпин. «Чудесный край это К-римское побережье!». 1916

преданиях сохранился и бунинский экспромт, вызванный местными впечатлениями. Им поделился с обозревателем журнала «Международная жизнь» Еленой Студневой Г. Н. Соловьёв в августе 2012 года: «Иван Алексеевич Бунин был дружен с моей бабушкой, он даже написал стихи о моем дедушке В. И. Березине перед его могилой. Мой дед умер в Париже от операции, но был перевезен в фамильный склеп в Суук-Су. Бунин вместе с Чеховым гуляли по Суук-Су. Перед могилой моего деда Бунин продекламировал свои стихи: “Тут похоронен русский инженер, скончался он в Париже, но если бы он жил поближе, то много доброго б сумел”. Это был экспромт»²⁶.

В 1916 году на даче «Орлиное гнездо» жил Ф. И. Шаляпин с семьей, женой и детьми. Лидия Фёдоровна Шаляпина вспоминала, что ее отцу очень полюбилась скала в середине пляжа, выступавшая в море и тоже называемая Пушкинской (хотя Пушкин на этой скале никогда не бывал: название было дано из-за волн, разбивавшихся о скалу со звуком пушечного выстрела, — так интересно совместились природный феномен и один из крымских мифов поэта). При любом удобном и неудобном случае Шаляпин заводил речь об этой скале, предлагая за нее баснословную цену. Ольгу Михайловну эти разговоры только сердили: она и слышать не хотела о том, чтобы продать какую-то часть своего имения, за какие угодно деньги. Но однажды, услышав пение Шаляпина, тронувшее ее душу, она поддалась порыву и объявила, что отдает ему желанную скалу в дар²⁷.

Друг Шаляпина художник Коровин рассказывал эту историю несколько иначе. В мемуарном очерке «В Крыму» он писал: «В Крыму, в Гурзуфе, у моря, я построил себе дом в четырнадцать комнат. Дом был хороший. Когда вы просыпались, то видели розы с балкона и синее море. <...> Шаляпин приезжал ко мне в Крым. <...> Из окон моей столовой было видно, как громоздились пригорки Гурзуфа с одинокой виллой наверху. За завтраком Шаляпин серьезно сказал:

²⁶ Соловьёв Георгий. «Русскость истребить невозможно» [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 29.08.2012. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/print.php?item=8722>

²⁷ Соловьёв Г. Н. Суук-Су. Указ. изд. С. 101.

— Вот эту гору я покупаю и буду здесь жить.

И после завтрака пошел смотреть понравившиеся ему места. <...>

В те же дни из Суук-Су в коляске приехала дама. Высокая, нарядная. Поднесла Шаляпину великолепную корзину цветов, и другую — с персиками и абрикосами. Просила его приехать к ней в Суук-Су к обеду. Шаляпин, узнав, что она владелица Суук-Су, поехал. Было много гостей. Шаляпин охотно пел и очаровал дам.

Ночью, на возвышенном берегу моря, около Суук-Су был зажжен фейерверк и устроен большой пикник. Лилось шампанское, гости бросали бокалы со скалы в море, ездили на лодке, при факелах, показывать Шаляпину грот Пушкина.

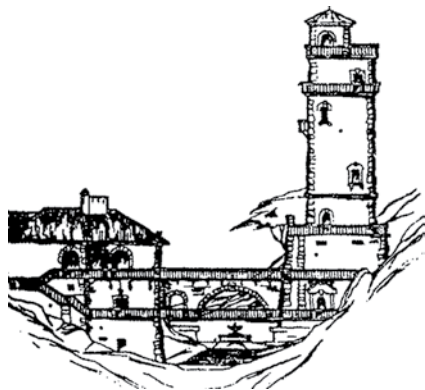
Хозяйка Суук-Су сказала:

— Эту землю, над гротом великого поэта, я прошу вас принять от меня в дар, Фёдор Иванович. Это ваше место. Вы постройте здесь себе виллу.

Шаляпин был в восхищении и остался в Суук-Су. На другой день утром у него уже был нотариус и писал дарственную²⁸.

На самом же деле, как свидетельствуют архивные документы, 20 августа 1916 года Шаляпин *купил* участок в имении «Суук-Су» с Пушкинской скалой, причем по условиям купчей крепости скала, именовавшаяся прежде «Пушкинской», отныне должна была называться «Шаляпинский утес». Цена покупки составляла 10 тысяч рублей²⁹.

Однако целью его было не частное приобретение, не строительство личной виллы. Шаляпин приближался к осуществлению своей мечты, очень близкой к тем мечтам Чехова, о которых мы знаем из биографии писателя. На своем участке в кучук-койском имении Чехов мечтал построить просторный светлый дом для сельских учителей, чтобы они могли там отдыхать и совершенствоваться в своем развитии. На берегу имения Соловьёвой ему хотелось создать биостанцию для людей науки, естествоиспытателей, которые получили бы все условия для нормального проживания и своих профессиональных исследований. Шаляпин же грезил проектом создания Замка искусства для артистической молодежи. В 1932 году в Париже он вспоминал

Проект «Замка искусства»

²⁸ Константин Коровин вспоминает... / Сост. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. М.: Изобраз. искусство, 1990. С. 235–237.

²⁹ Макарухина Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. Указ. изд. С. 204.

О. М. Соловьёва с дочерью Ксенией
Ялта, 1917

об этой неосуществленной мечте: «Я желал собрать в одну группу молодых певцов, музыкантов, художников и в серьезной тишине вместе с ними, между прочей работой, работать над созданием идеального театра. Я желал окружить этих людей также и красотой природы, и радостями обеспеченного уюта.

Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить з а м о к искусства. Именно з а м о к. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий.

Я приобрел в собственность Пушкинскую скалу, заказал архитектору проект замка, купил гобелены для убранства стен»³⁰.

Проект «Замка искусства» сделал архитектор И. А. Фомин, и в 1917 году на шляпинском участке начались строительные работы. Но Октябрьская революция 1917 года и смена государственного режима изменили не только эти планы Шаляпина, но и всю его жизнь. В эмиграции он писал: «Мечту мою я оставил в России разбитой. Недавно я с грустью наткнулся на ее обломок. В одной лондонской газете была напечатана фотография какого-то замка, а под ней подпись: подарок Советского правительства Ф. И. Шаляпину. Присмотрелся: проект замка, выработанный архитектором по моему заказу. Вероятно, он где-нибудь его выставил, и вот — “подарок Советского правительства”!..

Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам в а ш театр. Я их в шутку спрашиваю:

— А где он возьмет Пушкинскую скалу?»³¹

Летом 1916 года, когда после двух лет войны России с Германией в Москве и Петрограде ощущался дефицит продуктов и постоянный рост цен делал их всё более недоступными, «Суук-Су» жил еще вполне благополучной жизнью. Приехавший из голодающей Москвы И. П. Чехов в июне 1916 года писал московскому знакомому В. А. Островскому: «Погода в Крыму очаровательная. Море спокойное и красивое. Ялта, Алупка, Гурзуф и всякие Суук-Су пусты, несмотря на дешевизну комнат. Вообще цены дешевле московских. Всего здесь много. Сахару рафинаду, песку — сколько угодно. Черешен, вишен, абрикосов, персиков — масса. Везде варят варенье вовсю. Мясо не

³⁰ Шаляпин Ф. И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М.: ВО «Союзтеатр» СТД СССР, 1989. С. 278.

³¹ Там же.

дорогое, свежая рыба всегда есть. Зелень в изобилии»³². Но видимое благополучие стремительно приближалось к концу.

По свидетельству Г. Н. Соловьёва, Ольга Михайловна испытывала панический страх перед большевиками. В ноябре 1920 года, накануне окончательного установления советской власти, владелица «Суук-Су» покинула Крым вместе с дочерью Ксенией и ее мужем Наумом Вайсбордом. Им удалось попасть на последний пароход, отходящий в Константинополь. Эмиграция нанесла Ольге Михайловне непоправимую душевную травму: все последующие годы она страдала душевной болезнью. В 1935 году она скончалась в санатории в Швейцарии.

Созданный ею образцовый курорт стал здравницей для высокопоставленных представителей новой власти. А с 1937 года начался следующий период его истории: он был передан расположенному по соседству Всесоюзному пионерскому лагерю (ныне Международный детский центр) «Артек». Случилось это после того, как в сентябре 1936 года, после летнего сезона, артековцы были приглашены в Москву на встречу с членами правительства и в Кремле пропели частушку, которую придумали в поезде по дороге в столицу:

У «Артека» на носу
Приютился Суук-Су...

После этого «Артек» получил в подарок здание дворца «Казино», которое превратилось в Дворец пионеров. В Великую Отечественную войну, осенью 1941 года, немецко-фашистские оккупанты устроили в гостиницах дома отдыха для офицеров, а во Дворце — ресторан. В канун нового 1942 года здание Дворца загорелось и сгорело полностью. Только 20 лет спустя оно было восстановлено на сохранившемся фундаменте. После этого в его стенах был устроен музей космонавтики, открыт планетарий, началась комплектация музея истории «Артека». В настоящее время на территории бывшего имения «Суук-Су» располагается детский лагерь «Лазурный». В сентябре 1997 года в «Артеке» был отмечен 100-летний юбилей курорта «Суук-Су» (по первой купчей крепости) и на здании дворца установлена мемориальная доска в честь его основателей — В. И. Березина и О. М. Соловьёвой.

³² РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. К. 87. Л. 2.

ЧАСТЬ 4 «МОЙ АДРЕС ПРОСТ: ЯЛТА»

Чеховские места Ялты

В письмах Чехова, отсылаемых осенью 1898 года разным корреспондентам, повторяется почти неизменная формула адреса.

8 октября — А. С. Суворину с дачи Бушева: «Мой адрес просто: Ялта».

20 октября Т. Л. Щепкиной-Куперник с дачи доктора Иванова: «Адрес просто: Ялта, Чехову».

24 октября Л. С. Мизиновой с дачи Иловайской: «Мой адрес прост: Ялта».

9 ноября оттуда же И. И. Горбунову-Посадову: «Адрес просто: Ялта, А. П. Чехову».

И потом — за границу переводчику Б. Прусику, в январе 1900 года, уже из собственного дома в Аутке: «Я живу в Ялте. Мой адрес прост: Ялта».

Для Чехова это было одно большое место и один адрес — Ялта. Но всё же — это были разные адреса и разные места, проходя по которым, сегодня не так уж сложно мысленно перенестись в чеховскую эпоху. То, что в наши дни называется «чеховскими местами Ялты», — это и те дома, где когда-то жил Чехов, и адреса, по которым он навещал своих знакомых, и памятные знаки современного города, связанные с его именем.

Дача Г. Г. Фарбштейна, Почтовый (ныне Черноморский) пер., 5 Здесь А. П. Чехов жил с 17 июля по 9 августа 1889 года.

Тем летом семья Чеховых второй раз снимала дачу на реке Псёл в имении Линтварёвых возле Сум. Туда привезли неизлечимо больного старшего брата Чехова, художника Николая, который в июне скончался от туберкулеза легких в возрасте 31 года. Антон Павлович пытался смягчить боль потери переменной места, не скрывая чувства душевной подавленности. После похорон он уехал в Одессу, а затем, на пути из Одессы в Ялту, с парохода «Ольга» писал младшему брату Ивану: «Я еду в Ялту и положительно не знаю, зачем я туда еду <...> У меня нет ни желаний, ни намерений, а потому нет и определенных планов. Могу хоть в Ахтырку ехать, мне все равно».

Даче Фарбштейна находилась совсем рядом с набережной. Именно с этой квартиры Чехов ходил по утрам пить кофе в павильон Верне, расположенный по соседству. Там состоялась его встреча с Еленой Шавровой, чью рукопись под названием «Софка» он прилежно от-

редактировал, а после еще и составил протекцию для публикации рассказа. Вокруг Чехова быстро сложился круг новых знакомых, приезжих и местных, старавшихся отвлечь его от грустных мыслей.

Писатель оказался в Ялте в самую жаркую пору лета. О своем распорядке не без иронии сообщал своему старшему приятелю, поэту А. Н. Плещееву: «Утром купаюсь, днем умираю от жары, вечером пью вино, а ночью сплю». Но проговаривался и о работе: «Несмотря на жару и на ялтинские искушения, я пишу», — и в начале августа сообщал о почти готовом рассказе немалого объема. Учитывая восторженность Плещеева, заранее несколько снижал впечатление о своем труде:

«Рассказ по случаю жары и скучного меланхолического настроения выходит у меня скучноватый. Но мотив новый». Первоначальное название рассказа было — «Мое имя и я», и велся он от лица старика-профессора, переоценивающего всю свою прожитую жизнь перед лицом надвигающейся смерти. По ходу сюжета возникала и крымская тема: воспитанница профессора Катя какое-то время жила и поправляла здоровье в Ялте, под конец она сообщала, что снова уезжает в Крым. В процессе работы рассказ вылился в повесть, увидевшую свет под другим заглавием — «Скучная история». Плещеев, прочтя это произведение в рукописи, высоко оценил его, сразу же написав автору: «У Вас еще не было ничего *столь сильного и глубокого*, как эта вещь. Удивительно хорошо выдержан тон старика-ученого, и даже те рассуждения, где слышатся нотки субъективные, Ваши собственные — не вредят этому». Впоследствии этой повестью восхищался И. А. Бунин: «Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать “Скучную историю” <...> Кроме художественного

Набережная Ялты чеховской поры. Открытка нач. XX в.

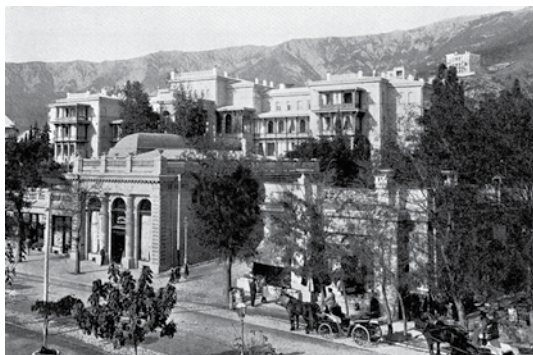
Выход на Набережную из Черноморского переулка
Фото автора. 2014

таланта, изумляет <...> знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы»¹.

По воспоминаниям ялтинского журналиста И. Я. Гурлянда, летом 1889 года в Ялте Чехов пытался работать и над третьим актом комедии «Леший», — первые два у него уже были готовы. Но если судить по чеховским письмам, пьеса на юге была на время отложена.

Гостиница «Россия», Набережная, 13

Здесь Чехов прожил с 5 марта по 3 апреля 1894 года. Он приехал для поправки здоровья, остановился в 39-м номере и в течение марта написал рассказ «Вечером». В этом коротком, но совершенном по форме рассказе от лица героя — 22-летнего студента духовной академии —

Гостиница «Россия». Открытка нач. XX в.

«Президент-отель Таврида». Правое крыло
Фото автора. 2014

высказывалась мысль о неистребимости «правды и красоты», составляющих «главное в человеческой жизни и вообще на земле». Работа над рассказом была окончена, по всей вероятности, к 27 марта, потому что именно в этот день Чехов, прервавший на 9 дней (срок для него большой) свою переписку, пишет и отправляет близким сразу пять писем. 15 апреля 1894 года рассказ «Вечером» был напечатан в московской газете «Русские ведомости». В том же году при публикации в сборнике повестей и рассказов он получил новое название — «Студент».

Писатель по-особому будет относиться к этому своему произведению. По воспоминаниям И. А. Бунина, когда

критики обвиняли Чехова в «пессимизме» и «сумеречности настроений», он, возражая, обычно выдвигал следующий довод: «А какой я нытик? Какой я “пессимист”? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ — “Студент”»².

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1967. С. 171–172.

² Там же. С. 186.

Известно и другое важное свидетельство об авторской оценке собственного рассказа. Когда Ивану Павловичу Чехову однажды был задан вопрос, какую из своих вещей его брат ценил выше других, ответ был таким: «“Студент”, считал наиболее отделанной».

«Россия» была самой большой (около 150 номеров) и комфортабельной гостиницей города. Она была открыта в декабре 1875 года, управляла ею дочь известного критика В.В.Стасова — Софья Владимировна Фортунато. Тут останавливались многие известные люди: поэт Н.А.Некрасов, композиторы М.П.Мусоргский и Н.А.Римский-Корсаков, драматическая актриса М.Н.Ермолова, певица Е.К.Мравина, в 1900 году — труппа артистов Московского Художественного театра во главе с К.С.Станиславским и Вл.И.Немировичем-Данченко, приезжавшая на гастроли. В 1900 году в гостинице «Россия» впервые встретились И.А.Бунин и С.В.Рахманинов. Зимой 1901 года Бунин останавливался у Чеховых в Аутке, а весной 1903 года — в гостинице. В воспоминаниях о Чехове Бунин писал: «В этот приезд я уже останавливался в лучшей гостинице в Ялте, в “России”. И он туда как-то вечером позвонил и сказал, чтобы я нанял извозчика и приехал за ним, чтобы ехать кататься. Я стал отговаривать, но он настоял. Правда, ночь была теплая, лунная»³. Тогда они совершили ночную поездку в Ореанду.

В советское время вместительное трехэтажное здание много раз меняло свое назначение: тут размещался санаторий «Большевик», госпиталь, пансионат, гостиница с новым названием — «Таврида», общежитие для сотрудников «Интуриста». В 1971 году на фасаде здания была установлена мемориальная доска с перечнем знаменитых постояльцев «России». Впоследствии здание сильно пострадало от пожара, в 2005 году было перестроено в элитные апартаменты, сейчас известно как «Президент-отель Таврида».

Дача Н. Н. Бушева «Стратеиз», ул. Николаевская (ныне Коммунаров), 7

Чехов снимал здесь квартиру с 18 сентября до середины октября 1898 года. Ни сам он в то время, ни его близкие не предполагали, что начинался новый период его жизни и творчества, который впоследствии получит название крымского. Дача Бушева находилась недалеко от берега моря, но в стороне от центра, в районе Заречья — за речкой Учан-Су, берущей начало из знаменитого водопада. С несколько возвышенного места открывались прекрасные виды: с юга — на море, с севера — на панораму гор, а с востока — на большую часть города, раскинувшегося по склонам живописным амфитеатром.

В конце сентября в Ялту впервые приехал молодой врач, специалист по туберкулезу И.Н.Альтшуллер, в недалеком будущем — лечащий врач Чехова, а затем и Льва Толстого в Крыму. Чехова и Альтшуллера познакомил в городском саду их коллега — врач и писатель

³ Там же. С. 212.

Дача Бушева «Стратеиз». Современный вид

у глаз и углов рта, порой утомленный взгляд и, главное, на наш врачебный взгляд заметная одышка, особенно при небольших даже подъемах, обусловленная этой одышкой степенная медленная походка и предательский кашель говорили о наличии недуга⁴.

Поселившись у Бушева, Чехов сразу же сообщил родным: «Погода в Ялте очаровательная; тепло и тихо, как в июне. Всё обстоит благополучно. Квартира у меня в две комнаты, очень хорошая, с садом и роскошным входом, <...> Здесь Мирон, поэт Бальмонт и Шаляпин». Вместе с Шаляпиным на гастролях в Ялте в составе Московской частной русской оперы С.И.Мамонтова находился и С.В.Рахманинов. «Знакомых у меня много», — писал Чехов сестре 4 октября. Он регулярно сообщал родным о великолепной погоде и хорошем самочувствии, а менее близких корреспондентов извещал: «В настоящее время я в Ялте и пробуду здесь до ноября. Мой адрес: Ялта, д. Бушева». Под влиянием общения с местными жителями вскоре у Чехова появились планы — купить в окрестностях Ялты недорогое имение, завязать более прочные отношения с Крымом. Состояние относительного благополучия внезапно было прервано известием о смерти отца в московской клинике, полученным 13 октября. Вместе с этой новостью, глубоко потрясшей и опечалившей Чехова, закончилась и его жизнь на даче Бушева.

Здание бывшей дачи Бушева сохранилось до нашего времени, хотя вид его сильно изменился. Рядом с ним была основана Ялтинская киностудия, и после революции дом служил гостиницей для ее сотрудников, здесь останавливались С.Эйзенштейн, В.Маяковский и другие известные мастера кино⁵. В настоящее время перестроенный дом

⁴ *Альтшуллер И. Н.* Еще о Чехове // Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 682.

⁵ *Турчик Ю. С.* Белая дача: начало // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 11. Белая дача: первое столетие: Сб. науч. тр. Симферополь: Доля, 2007. С. 206.

используется как один из корпусов санатория «Ялта» Краснознаменного Черноморского флота. Свободный доступ к нему затруднен, но на внешней ограде двора в сентябре 2013 года была установлена памятная доска с именами Чехова, Шаляпина и Рахманинова. По решению Ялтинского горисполкома этой акцией было отмечено 125-летие первого приезда Чехова в Крым.

Дача доктора Н. М. Иванова на Речной ул. (ныне Пушкинская, 15)

Здесь снимал квартиру И. Н. Альтшуллер, и Чехов по его предложению переехал сюда с дачи Бушева в середине октября. Адресом «Дача Иванова, Ялта» подписано письмо к Суворину от 17 октября. В эти дни крепнет решение Чехова задержаться в Ялте надолго или даже поселиться здесь вместе с матерью. Во время недолгой отлучки Альтшуллера, которому требовалось завершить дела прежней службы перед окончательным поселением в Ялте, Чехов не захотел оставаться на этой квартире и принял приглашение своей знакомой К. М. Иловайской, владелицы находящейся неподалеку дачи «Омюр». 23 октября 1898 года он перебрался с Речной на Аутскую улицу.

Дача Иванова, здание перестроено. Фото автора. 2014

Гостиница «Мариино», Набережная, 21

Это последний посторонний адрес Чехова в Ялте. Он останавливался здесь с 20 июля по 2 августа, вырвавшись на короткий срок из Москвы. Отсюда писал в Петербург Ю. О. Грюнбергу, управляющему конторой изданий А. Ф. Маркса: «В Ялте великолепная, не очень жаркая погода. Море тихое. Погода самая подходящая для работы и для отдыха — для чего хотите». Литературной работой в этот период было редактирование и издание первых томов полного «марковского» собрания сочинений, а семейной заботой — завершающий этап строительства дома в Аутке. Чехов каждый день ездил на свой участок и затем извещал родных о том, что и отдельные комнаты, и весь дом в целом выходят очень хорошими. В это же время в Ялте была О. Л. Книппер, они встречались, и за страницами вскоре написанного рассказа «Дама с собачкой» можно отчетливо различить и некоторые страницы личного ялтинского «романа» Чехова.

Гостиница «Мариино» находилась в доме К. В. Бентковского в центре набережной. В то время здание было трехэтажным, комнаты

Гостиница «Мариино». Открытка нач. XX в.

Бывшая гостиница «Мариино». Фото автора. 2014

Гостиница «Франция», Набережная

Через несколько зданий от «Мариино» в сторону речки Учан-Су длинным фасадом на набережную выходило здание гостиницы «Франция». В угловой его части располагалась известная всей Ялте лавка караима И. А. Синани — книжно-табачный магазинчик, куда регулярно поступали газеты, журналы и всякие новости из Москвы. Вход в лавку был оформлен в виде сруба русской избы, из-за чего это место так и называлось — «Русская избышка». Здесь обычно

И. А. Синани у «Русской избышки»

для постояльцев были на верхних этажах, в нижнем размещались магазины и Парижская кондитерская Верне.

В советское время гостиница была передана дому отдыха «Ялта», здесь останавливались Горький, Маяковский, бывал С. Н. Сергеев-Ценский. После землетрясения 1927 года здание лишилось наружных декоративных украшений, в 1950-е годы было частично перестроено. Но до сих пор его облик сохраняет черты одного из «чеховских» мест, так что возле него нетрудно представить и Чехова с Ольгой Книппер, и героев «Дамы с собачкой» — Гурова и Анну Сергеевну.

ча, Д. Мамина-Сибиряка, М. Горького, И. Бунина, А. Куприна, Василия и Владимира Немировичей-Данченко, К. Станиславского, Н. Телешова, В. Гиляровского и других⁶. Записи делались в прозе и стихах, большинство из них — шуточные экспромты, передающие дружеские чувства к владельцу альбома. Бунин 10 февраля 1901 года сочинил такие стихи:

В Ялте зимнею порой —
Только море и Синани,
Бродят тучки над горой, —
Остальное все в тумане.

Драматург С. А. Найдёнов в апреле 1902 года написал в альбом: «Премилый должно быть вы человек, Исаак Абрамович, недаром Вас любят литераторы». Чехов оставил очень простую запись в день отъезда в Москву: «10 апреля 1899 г. выехал из Ялты. Антон Чехов», — но украсил добрую треть страницы своей декоративной подписью, где росчерк последней буквы фамилии походил на длинный крысиный хвост. О. Л. Книппер-Чехова вспоминала, что Антона Павловича можно было часто видеть в книжном магазине Синани. «И всегда тянуло, — писала она, — пойти на ослепительно белую, залитую солнцем набережную, вдохнуть там теплый, волнующий аромат моря <...> тянуло поздороваться и перекинуться несколькими фразами с ласковым хозяином, посмотреть полки с книгами, нет ли чего новенького, узнать, нет ли новых приехавших...»⁷

Гостиница «Франция» была полностью разрушена в годы Великой Отечественной войны. В послевоенные годы на ее месте был разбит сквер с фигурными цветниками, в 1970-е годы высажена аллея итальянских сосен, на рубеже XX–XIX веков появились частные будки и кафе.

Водолечебница А. Рофе, Набережная

Во внутреннем дворе «Франции» находилась водолечебница Рофе с морскими и пресными ваннами, массажем и другими оздоровительными процедурами. Чехов бывал тут, брал ванны, и его знакомство с заведением Рофе отразилось в рассказе «На святках», где одно из мест действия — такая же водолечебница с душем Шарко и массажными кабинетами.

Дом Рофе был выстроен в мавританском стиле, двор у входа украшали деревья в кадках, цветочные клумбы и круглый бассейн с золотыми рыбками. Здание сохраняло назначение водолечебницы до конца 1950-х годов. После постройки в городе новой, более вместительной водолечебницы, в бывшем доме Рофе размещалась радиостудия

⁶ Альбом Синани. Ялта: Изд. Дома-музея А. П. Чехова и Ялтинского Книжного Торгового Дома, 1994.

⁷ Книппер-Чехова О. Л. О А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1954. С. 603.

Бывшая водолечебница Рофе — «Вилла София»
Фото автора. 2014

Ю. А. Иванченко. Композиция была создана по заказу учредителей международного телекинофорума «Вместе» и открыта во время работы 5-го телекинофорума в присутствии многих известных деятелей театра и кино. С тех пор этот памятник автору и его героям остается самым популярным местом фотографирования всех, кто приезжает в Ялту и хотя бы раз оказывается на набережной.

Городской сад

К гостинице «Франция» примыкал городской сад, который с начала 1880-х годов благоустраивался как парк общественного пользования. В годы пребывания в Ялте Чехова в городском саду помещались театр, музыкальный и читальный павильоны, ресторан, павильоны по продаже фруктов, минеральных вод и молочных продуктов. Путеводитель начала 1900-х годов характеризовал это место следующим образом: «Городской сад очень мал, а между тем ввиду расположения его на Набережной, на самом бойком месте города и при отсутствии других

Ялта. Городской сад. Открытка нач. XX в.

«Ялтинский меридиан», была оборудована звукозаписывающая студия. Затем дом стал личной собственностью народной артистки СССР Софии Ротару, претерпел капитальный ремонт и был превращен в VIP-отель «Вилла София».

В 2004 году в этой части Набережной была установлена скульптурная композиция «Чехов и дама с собачкой», авторы — скульпторы Г. А. Паршин и Ф. Г. Паршин, архитектор

подходящих мест, сад усердно посещается публикой. В летнее полугодие, начинающееся всегда со дня Пасхи, в саду играет оркестр музыки, в начале сезона днем, а по мере того, как становится теплее, часы музыки переносятся на более позднее время и доходят, наконец, до предела: от 7 час. вечера до 12 час.

ночи. Все приезжающие в Ялту обязаны уплатить в городскую кассу, в период времени 1 апреля — 1 ноября, сезонный сбор, установленный в законодательном порядке <...> Лица, уплатившие сезонный сбор, имеют бесплатный вход в сад и курзал; прочие лица <...> платят разовые — 20 коп. за вход»⁸. Сезонный сбор с одного лица составлял 5 руб.

В «Даме с собачкой» городской сад назван в числе тех мест, где скаучающий Гуров наблюдает за Анной Сергеевной, прогуливающейся с белым шпицем. В саду завязывается знакомство героев, когда во время обеда в ресторане они оказываются за соседними столиками.

Александровский сквер

Наряду с городским садом в «Даме с собачкой» названо еще одно место постоянных встреч героев: «...встречал ее в городском саду и на сквере по несколько раз в день».

«Александровский сквер, — говорилось в справочнике Безчинского, — расположен наискось от городского сада на каменной набережной и вдвинут в море. Сквер невелик, но представляет приятное место для прогулки или вернее для сидения в теплые летние вечера. На сквере есть кафе и устроена площадка для лаун-тенниса. Тут же пристань для лодочников»⁹. Сквер доходил до устья реки Учан-Су, впадающей в море. Сейчас он является частью сквера Калинина.

Александровский сквер. Открытка нач. XX в.

Ялтинский мол

Еще одно место прогулок героев «Дамы с собачкой» — мол и пристань с нарядной толпой, встречающей пароходы. Через неделю после знакомства Гуров и Анна Сергеевна «пошли на мол, чтобы посмотреть, как придет пароход. На пристани было много гуляющих; собрались встречать кого-то, держали букеты».

«По случаю волнения на море, — говорится далее, — пароход пришел поздно, когда уже село солнце, и, прежде чем пристать к молу, долго поворачивался».

Когда «Дама с собачкой» была напечатана, Чехова навестил его знакомый морской офицер Б. А. Лазаревский. Воспоминания Лазаревского дают интересный штрих к одной из деталей чеховского рассказа. «В январе месяце я шел на пароходе в Батум. В Ялте стояли

⁸ *Безчинский А.* Путеводитель по Крыму. М., 1903. С. 216.

⁹ Там же. С. 218.

Ялтинский мол. Открытка нач. XX в.

три часа. Я не вытерпел, взял извозчика и поехал в Аутку. <...> В этот день А<нтон> П<авлович> подарил мне отгиск только что напечатанной “Дамы с собачкой”. Я боялся опоздать на пароход и спешил. Вечер следующего дня — Крещенский сочельник — пришлось встречать в море. Кроме капитана, его помощников да меня, в

кают-компании не было ни одного человека. После ужина я прочел им вслух “Даму с собачкой”. И по выражению лиц, и по ответам я убедился, что рассказ произвел огромное впечатление. Между тем, слушатели мои были люди далеко не нервные и до чтения охотники не большие. Всё, что происходит в рассказе, они воспринимали как действительно бывшие факты. После фразы: “По случаю волнения в море пароход пришел поздно, когда уже село солнце, и прежде чем пристать к молу долго выворачивался”, — один из моих слушателей сказал:

— Это, наверное, был “Св. Николай”. Там капитаном Р., он всегда боится подходить к молу»¹⁰.

Путеводитель чеховской поры давал конкретную информацию: «Ялтинский мол имеет в длину 270 саж., в ширину 10 саж. и образует искусственную бухту. Голова мола изображает букву Г., обращенную к городу. По стене мола тянется во всю длину его роскошная терраса, огражденная с обеих сторон решеткою и представляющая в безветренное время очаровательное место для прогулок»¹¹. В том же источнике было указано, что «цветы летом сравнительно дешево продаются у уличных разносчиков: большой букет роз в июне можно купить за 50–75 коп.»¹². И в письмах Чехова можно встретить такую же точность деталей, напоминавшую курортную рекламу; например, в письме П. Ф. Иорданову в декабре 1898 года: «Ялта растет с каждым днем. Тут и водопровод, и канализация, и скоро будет электричество, будут удлинять мол, расширять набережную...»

В тексте чеховского рассказа реальные детали конкретного места превращались в художественную картину:

«Анна Сергеевна смотрела в лорнетку на пароход и на пассажиров, как бы отыскивая знакомых, и когда обращалась к Гурову, то глаза у нее блестели. Она много говорила, и вопросы у нее были отрывисты,

¹⁰ Лазаревский Борис. Два года назад // Огонек. 1906. № 2. С. 12.

¹¹ Безчинский А. Путеводитель по Крыму. Указ. изд. С. 234.

¹² Там же. С. 226.

и она сама тотчас же забывала, о чем спрашивала; потом потеряла в толпе лорнетку.

Нарядная толпа расходилась, уже не было видно лиц, ветер стих совсем, а Гуров и Анна Сергеевна стояли, точно ожидая, не сойдет ли еще кто с парохода. Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова».

Здесь, на мону, он впервые «обнял ее и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов...».

Так под магическим пером Чехова рекламная проза перерастала в литературу, наполненную поэзией.

Городской театр

В Ялтинском городском театре Чехов впервые побывал на спектакле опереточной труппы князя Вяземского, гастролировавшей в Ялте с 19 июля по 8 августа 1889 года. В маленьком зале на тесной сцене играли оперетту Оффенбаха «Птички певчие». Чехов познакомился с труппой и имел возможность наблюдать закулисную жизнь, о чем после писал Суворину: «Хористки были со мной откровенны <...> Чувствовали они себя прескверно: голодали <...> было жарко, душно, от людей пахло потом, как от лошадей...» Впечатления от этой труппы легло в основу одного из ранних рассказов Елены Шавровой с тем же названием — «Птички певчие». Чехов отредактировал рассказ и способствовал его публикации в газете Суворина «Новое время».

В 1896 году на территории городского сада было выстроено новое, более просторное здание театра по проекту архитектора Н. Г. Тарасова. Вход в фойе был сделан с Екатерининской улицы.

В сентябре 1898 года на сцене театра пел Фёдор Шаляпин, аккомпанировал ему Сергей Рахманинов. Чехов присутствовал среди слушателей, после концерта зашел за кулисы к артистам, и с этого момента завязалась их дружба.

Театр не имел постоянной труппы и сдавался внаем. 15 декабря 1898 года Чехов смотрел здесь два спектакля Товарищества русско-малороссийских артистов под управлением И. Ю. Португалова: в первом отделении — оперетту «Майская ночь» по Гоголю, во втором — водевиль «Кум Мырошник». В перерыве он успел написать сестре небольшое письмо, начинавшееся словами: «Пишу это в театре, сидя на

Ялтинский театр, выход на ул. Екатерининскую
Фото Н. Ивановой. 2012

Пальмовые ветви в гостиной Белой дачи

галерке, в шубе. Пошлый оркестрик и галерка напоминают мне детство».

В апреле 1900 года на той же сцене выступала труппа Московского Художественного театра. С 16 по 23 апреля в Ялте состоялось восемь гастрольных спектаклей МХТ, среди которых было два чеховских — «Чайка» и «Дядя Ваня». Спектакли прошли с огромным успехом и вылились в триумф артистов и чествование автора. От публики труппе был вручен приветственный адрес с множеством подписей, а драматургу — пальмовые ветви, перевитые красной лентой

с надписью: «Антону Павловичу Чехову, глубокому истолкователю русской действительности». Пальмовые ветви сестра писателя Мария Павловна прикрепила под портретом Чехова в гостиной Белой дачи, и до сих пор они остаются экспонатом ялтинского Дома-музея.

10 сентября 1900 года деревянное здание театра сгорело. Пять дней спустя Чехов сообщил О. Л. Книппер ялтинскую новость: «Ты знаешь, милая? Сгорел тот самый театр, в котором ты играла в Ялте. Сгорел ночью, несколько дней назад, но пожарища я еще не видел, так как болел и не был в городе». Подробную картину пожара передавала местная пресса: «В исходе третьего часа ночи на 10 сентября громадное зарево пожара осветило Ялту. Загорелся городской театр. Громадные огненные языки выбились наружу и, не встречая на пути своем препятствий, быстро охватили здание, так что через полчаса не могло уже быть речи о спасении горящего театра, и все усилия прибывшей вольной команды были направлены к спасению соседних зданий». Как считают исследователи пьесы «Три сестры», над которой Чехов работал осенью 1900 года, «отсвет ялтинского пожара очевиден в «Трех сестрах»», в 3-м действии пьесы, где в репликах персонажей обсуждается городской пожар¹³.

¹³ Кузичева А. П. Чехов о себе и современники о Чехове (Легко ли быть биографом Чехова?) // Чеховиана. Чехов и его окружение. М.: Наука, 1996. С. 29; Никифоров Е. Г. Ялтинский пожар // Чеховиана. «Три сестры» — 100 лет. М.: Наука, 2002. С. 360–362.

О сгоревшем театре Чехов писал и В. Ф. Комиссаржевской: «В Ялте сгорел театр. Он был здесь совершенно ненужен, к стати сказать». Но, как вспоминал журналист М. К. Первухин, через пару лет Чехов признавался ему: «Скучно! Хотя плохой театр был, хоть не бог знает какие труппы играли, а всё же — без театра, как без близкого человека. Пустота какая-то в жизни образовалась!»

В 1902 году на месте сгоревшего был возведен временный театр, на сцене которого осенью играла Комиссаржевская в «Бесприданнице» Островского.

В 1908 году по проекту Л. Н. Шаповалова было построено двухэтажное здание театра на 700 зрительских мест. В последующие годы здесь вновь играла «Дядю Ваню» труппа Московского Художественного театра, давали концерты Ф. Шаляпин, Л. Собинов, А. Вертинский, И. Козловский, выступали другие известные артисты.

Во время Великой Отечественной войны, в апреле 1944 года, театр был подожжен отступавшими из Ялты фашистами. Но уже к началу августа усилиями жителей Ялты и бойцов 128-й Гвардейской стрелковой дивизии здание было восстановлено. В отличие от прежней планировки, вход в него был перенесен с улицы во внутреннюю часть городского сада. К центральному фасаду был пристроен портик с колоннами в стиле ампир, у входа размещены две мемориальные доски с именами театральных знаменитостей, выступавших в ялтинском театре.

В связи с отмечавшимся 40-летием со дня смерти Чехова, 21 июля 1944 года ялтинская газета «Сталинское знамя» опубликовала постановление Совета Народных Комиссаров Крымской АССР «Об увековечивании памяти великого русского писателя А. П. Чехова», которым театру присваивалось имя А. П. Чехова.

На базе театра осуществлялись культурные мероприятия, носившие имя Чехова: Международный Чеховский театральный фестиваль (1981–1996 гг.), проект «Театр. Чехов. Ялта» (с 2008 г.).

Женская гимназия, ул. Гимназическая (ныне Войкова), 4

В марте 1894 года Чехов познакомился с начальницей Ялтинской женской гимназии В. К. Харкевич, подарил ей свою фотокарточку с дружеским автографом. Осенью 1898 года гимназия стала частым местом его посещений: Чехов бывал участником благотворительных базаров, лотерей-аллегри, спектаклей, литературных вечеров. Поселившись в Ялте, он просил Т. Л. Щепкину-Куперник прислать пьесы для постановок силами учениц — драматический этюд Щепкиной «Вечность в мгновении» и стихотворную комедию Э. Ростана «Романтики» в ее переводе. В первых числах октября в письме к сестре Чехов сообщал: «Приют мой — это женская гимназия, где я обедаю часто у начальницы с классными дамами и учительницами...» В том же месяце он был принят в число попечителей, о чем написал 21 октября Вл. Немировичу-Данченко: «Здесь уже вовлекают меня в общественную жизнь. Назначили в женскую гимназию членом

А. П. Чехов. Фото с дарственной надписью
В. К. Харкеевич. Ялта, март 1894

В. К. Харкеевич

попечительного совета. И я теперь с важностью хожу по лестницам гимназии, и гимназистки в белых передниках делают мне реверанс». Начиная с осени 1899 года преподаватели и ученицы гимназии были частыми гостями в его собственном доме в Аутке.

Чехов познакомил с начальницей гимназии своих приезжавших в Ялту друзей — Бунина, Куприна, Станиславского; в воспоминаниях о Чехове они не раз упоминали и о В.К.Харкеевич. Среди записок Бунина есть такой рассказ:

«Весной 1901 года мы с Куприным были в Ялте (Куприн жил возле Чехова в Аутке). Ходили в гости к начальнице Ялтинской женской гимназии Варваре Константиновне Харкеевич, восторженной даме, обожательнице писателей. На Пасхе мы пришли к ней и не застали дома.

Пошли в столовую, к пасхальному столу, и, веселясь, стали пить и закусывать.

Куприн сказал: Давай напишем и оставим ей на столе стихи. И стали, хохоча, сочинять, и я написал на скатерти (она потом вышила):

В столовой у Варвары Константиновны
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки —
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

Чехов несколько дней смеялся и даже выучил наизусть»¹⁴.

После смерти Чехова первое в учебном году заседание попечительного совета постановило отслужить панихиду по А. П. Чехову в актовом зале гимназии и просить городскую думу об учреждении стипендии имени Чехова для беднейших учениц, проявлявших успехи в учебе. Но в городской думе средств не нашлось, и гимназия собирала пожертвования на стипендию собственными силами. Часть средств на эти цели год за годом перечисляла и М. П. Чехова¹⁵.

В. К. Харкевич была хорошей начальницей: благодаря ее хлопотам для женской гимназии было построено новое здание, увеличены выделяемые городом и земством средства на содержание, учреждено несколько стипендий, одна из которых носила ее имя. Добросовестной службе в Ялтинской женской гимназии она отдала без малого 50 лет. Но с приходом новой власти судьба ее печально изменилась. В 1921 году гимназия была преобразована в трудовую школу с экспериментальной системой обучения, Харкеевич была отправлена на пенсию и выселена из квартиры, находившейся при гимназии. Доживала она свой век в крошечной комнатухе в поселке Ливадия, где было трудно разместить даже такую вещь, как фотографический портрет А. П. Чехова, увеличенный с семейного снимка писателя 1902 года. Этот портрет Варвара Константиновна передала Марии Павловне в Дом-музей Чехова.

Впоследствии бывшая женская гимназия несколько раз меняла формат учебного заведения. В 1920-е — 1930-е годы в ее стенах размещался Ялтинский промышленно-экономический техникум, затем

Ялтинская женская гимназия. Открытка нач. XX в.

Мемориальная доска на Ялтинской гимназии им. А. П. Чехова. Фото Е. Павловой. 2006

¹⁴ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 242–243.

¹⁵ Ливницкая З. Г. Из ялтинского окружения А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Чехов в меняющемся мире: Сб. науч. тр. М., 1993. С. 129–133.

трудова́я се́милетняя шко́ла, в послевоенный период с 1944 по 1953 годы — женская школа, а потом в течение 45 лет — ялтинская средняя общеобразовательная школа I–III ступеней № 5. В январе 1999 года по инициативе руководства школы решением Ялтинского горисполкома школа была преобразована в Ялтинскую гимназию им. А. П. Чехова.

В 1954 году на фасаде школьного здания была установлена мемориальная доска в честь А. П. Чехова.

Дом Г. Ф. Ярцева, ул. Гимназическая (ныне Войкова), 9

Несколькими домами выше гимназии находился хорошо известный Чехову трехэтажный дом Григория Фёдоровича Ярцева (1858–1918). Ярцев, художник-передвижник (член Товарищества передвижных художественных выставок), одно время служил старшим лесничим в Южнобережном лесничестве, был известным общественным деятелем Ялты. В 1897 году на холме Дарсан, куда от Аутской круто вверх поднималась Гимназическая улица, он выстроил себе с помощью Н. П. Краснова¹⁶ дом, в котором его семья занимала третий этаж. Второй этаж долгое время снимала семья врача Леонида Валентиновича Средина (1860–1909), который приехал в Ялту, как и многие, из-за туберкулеза легких. Сам Средин был врачом-хирургом, и притом увлекался любительской фотографией. Столетие спустя около 200 его фоторабот, на уровне профессиональных, составили бесценную галерею лиц знаменитых культурных деятелей Ялты рубежа XIX–XX веков, а также природных видов Крыма, которые навсегда исчезли с Южного побережья¹⁷.

Средины занимали просторную квартиру с двумя балконами, один из которых, размером побольше, в 1890-е — 1900-е годы был знаменит не менее, чем сам хозяин. Краевед З. Г. Ливицкая писала: «У Средина собирались многие выдающиеся деятели отечественной культуры, но часто они устраивались не в гостиной, а на большом балконе. Многие срединские фотографии сделаны именно там. “Срединский балкон” для истории Ялты — это не архитектурная деталь, не место, а скорее образ яркой интеллектуальной жизни. Гостями Срединых бывали А. П. Чехов, М. Горький, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Д. Телешов, М. Н. Ермолова, Ф. И. Шаляпин, А. С. Аренский, С. В. Рахманинов, А. А. Спендиаров, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров»¹⁸.

Летом 1899 года, когда Чехов жил в «Мариино», на квартире Срединых останавливалась О. Л. Книппер. В ее воспоминаниях отмечены простота и радушие срединской семьи. Сам Чехов, уезжая на время в Москву, не забывал оттуда посылать привет Средину и его дому. Так, он писал Леониду Валентиновичу 1 ноября 1900 года:

¹⁶ *Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Памятники Ялты: Справочник. Симферополь: Таврия, 1985. С. 96–98.

¹⁷ Крымский свет фотографий Леонида Средина: Фотоальбом / Сост. О. П. Ткачук и др. Симферополь: Н. Орианда, 2012.

¹⁸ Там же. С. 4.

«Нижайший поклон и привет всей Вашей семье, Вашему милому дому, который я так люблю».

В памяти всех знавших его Л.В.Средин остался настоящим русским интеллигентом — умным, скромным, с «душою тонкой, чуткой и отзывчивой», по словам Горького. В ялтинские годы Средин был одним из самых близких друзей Чехова. Он много раз фотографировал Чехова — как на своем балконе, так и приходя в гости к писателю, в его доме и в саду возле Белой дачи. Первый сделанный им снимок Чехова в Ялте датирован мартом 1894 года, последний — апрелем 1904-го.

Вся семья Чеховых была хорошо знакома и с братом Леонида Средина — Александром Валентиновичем, художником, подарившим писателю три своих живописных работы: портрет О. Л. Книппер, «Корабли» и «Ворота в парк». Эти картины до сих пор украшают комнаты чеховского Дома-музея. Сын Александра Средина — Анатолий, ученик пятого класса Александровской мужской гимназии, подарил Чехову макет парусника, который до сих пор можно увидеть в кабинете чеховского дома.

С годами дом Ярцева и знаменитый срединский балкон потеряли свой первоначальный облик: к дому были сделаны уродливые пристройки, балкон застеклен и лишен украшавшего его резного деревянного орнамента. В 1979 году на фасаде дома была установлена мемориальная доска с перечнем знаменитых людей, бывавших в этом памятном месте отечественной истории и культуры.

Дом Ярцева. Фото Е. Павловой. 2006

Мемориальная доска на доме Ярцева
Фото Е. Павловой. 2006

Пансионат Яузлар (ныне санаторий им. А. П. Чехова), ул. Халтурина, 28

Одним из самых заметных результатов общественной деятельности Чехова было создание в Ялте первого общедоступного санатория для неимущих туберкулезных больных. Осенью 1899 года Чехов сочинил воззвание о помощи нуждающимся приезжим больным, обращенное к местным жителям и распространенное по другим городам России. В нем говорилось: «Положение легочных больных, проживающих в

Пансионат «Яузлар». Открытка нач. XX в.

Ялте, бывает часто весьма тяжелым: приезжающим сюда с весьма ограниченными средствами, одиноким людям приходится жить в крайней нужде, не поддающейся описанию. Значительное число этих обездоленных принадлежит к учащей и учащейся молодежи; есть между ними бывшие военные, артисты, чиновники, техники; в большинстве же это люди, истратившие на лечение своего недуга всё, что имели, люди, оторванные от семьи, от родных мест, от дела, уже изнемогшие в тяжелой борьбе за существование, но всё еще полные душевных сил, жаждущие жить, работать и быть полезными своей родине.

В 1896 г. Ялтинское благотворительное общество организовало специальное Попечительство для приезжих больных. Но местных сил слишком недостаточно <...> Конечную целью мы имеем устройство собственного пансиона или санатории, где бы нуждающиеся легочные больные получали квартиру, содержание и лечение...»

По частным ялтинским адресам было распределено девять пунктов сбора благотворительных средств, в том числе — книжный магазин Синани и дом Чехова в Аутке. Активную работу вели ялтинские врачи — С. Я. Елпатьевский, П. П. Розанов, А. Н. Алексин, ценную практическую помощь оказали М. Горький и Н. Д. Телешов. В воззвании было отмечено, что «всякое малейшее пожертвование, хотя бы в копейках, будет принято с глубокой благодарностью». Среди квитанций, сохранившихся у Чехова, действительно несколько сумм выражалось в копейках, на бланках значились детские имена — значит, дети отдали свои карманные деньги на общее дело. Чехов получал переводы из разных мест: из города Борисоглебска от учителей городских училищ; со станции Лопасня, через которую он много лет проезжал из Москвы в свое Мелихово; от врачей, педагогов, студентов из Москвы, Петербурга, Умани, Сум Харьковской губ.; из редакций

московской газеты «Русские ведомости», новочеркасского отделения газеты «Донская речь», «Нижегородского листка»; из своих родных мест — Таганрога и Таганрогского округа, с родины своей матери — города Моршанска Тамбовской губернии. Суммы почтовых переводов в среднем были от 5 до 10 руб., были и меньше, но приходили и в несколько десятков рублей. Из них надо было собрать десятки тысяч. Значительный вклад внес Лев Толстой — тысячу рублей. Миллионерша Ольга Соловьёва, как упоминалось выше, пожертвовала пять тысяч рублей. Чехов внес такую же сумму — пять тысяч рублей из своих литературных гонораров.

На собранные средства на северо-восточном склоне гор над Ялтой был устроен пансионат «Яузлар». Он стал первым из корпусов будущего большого противотуберкулезного санатория, которому в 1935 году присвоено имя А. П. Чехова. В 1954 году на здании установлена мраморная доска с бронзовым барельефом писателя и надписью: «Санаторий создан в 1902–1903 гг. при активном участии великого русского писателя А. П. Чехова».

Памятник Чехову в Приморском парке

Одна из культурных достопримечательностей Ялты — памятник А. П. Чехову на главной аллее Приморского парка. Чехов изображен сидящим лицом к морю, с записной книжкой в руке. Фигура писателя выполнена из бронзы, установлена на каменном четырехгранном постаменте из полированного диорита. На лицевой части постамента высечена надпись «Чехову». Общая высота памятника 5,4 м. Автор скульптуры — лауреат Государственной премии СССР Георгий Иванович Мотовилов (1884–1963), постамент изготовлен по проекту архитектора Леонида Михайловича Полякова (1906–1965). Памятник был открыт 15 июля 1953 года, в 49-ю годовщину со дня смерти писателя. На торжественном митинге присутствовали и выступали с речами М. П. Чехова и приехавшая из Москвы О. Л. Книппер-Чехова.

На высоком зеленом склоне за памятником были высажены белоствольные березки, привезенные из Подмосковья, как символ неразрывной связи Чехова с Россией. Долгое время они оставались фоном памятника, потом, к сожалению, исчезли. Небольшую площадь перед памятником всегда украшают цветочные клумбы. Несколько лет назад здесь устроили круглый бассейн

Памятник Чехову в Ялте. Фото автора. 2014

с фонтаном. По традиции в памятные чеховские даты здесь возлагаются букеты живых цветов как дань признательных ялтинцев своему великому земляку.

Своеобразными памятниками Чехову стали и различные городские объекты, получившие его имя. Кроме названных выше театра, гимназии, санатория, в Ялте и ее окрестностях есть еще немало других мест «имени Чехова». В 1929 году имя А. П. Чехова было присвоено городской библиотеке на ул. Морской недалеко от Набережной. Расположенная рядом улица Виноградная в 1944 году была переименована в улицу Чехова. В 1944 году имя Чехова было присвоено также городскому противотуберкулезному диспансеру, Дому творчества Литфонда СССР, Пионерскому парку в центре Ялты и школе в поселке Мухалатка, и тогда же весь поселок Аутка был переименован в поселок Чехово. Позже он слился с городом и теперь воспринимается как чеховский район Ялты не по названию, а по расположенному здесь музейному комплексу, созданному на основе мемориального дома и сада А. П. Чехова.

«Живу на даче Иловайской»

С 23 октября 1898 года в ялтинской переписке Чехова начинает упоминаться дача Иловайской. Владелица дома Капитолина Михайловна, дочь генерал-майора М. М. Венедиктова, в 1865 году вышла замуж за Степана Павловича Иловайского, который принадлежал к старинной донской фамилии, известной с конца XVII века. Все Иловайские по мужской линии были потомственными военными. Степан Павлович относился к небогатой ветви рода.

Дом К. М. Иловайской в Ялте. Конец 1880-х

В молодости средства к существованию ему давала военная, а в зрелые годы — гражданская служба до выхода в отставку в 1901 году. Чехов познакомился с семьей Иловайских в феврале 1892 года в Воронежской губернии, куда ездил вместе с А. С. Сувориным для организации помощи голодающим крестьянам. Степан Павлович служил управляющим крупнейшим конезаводом в России — «родиной орловского рысака» — в селе Хреновом Бобровского уезда Воронежской губернии. Тогда же Чехов познакомился и с Капитолиной Михайловной, и с ее 18-летней дочерью Зинаидой, артисткой-любительницей. Сообщая о не слишком значительных результатах воронежской поездки, Чехов писал сестре 9 февраля 1892 года: «...вчера весь день провели

Бывшая дача «Омюр». Фото автора. 2006

в казенном Хреновском конском заводе у управляющего Иловайского; у Иловайского в зале застали мы плотников, делающих эстраду и кулисы, и любителей, репетирующих “Женитьбу” в пользу голодающих. Затем были блины, разговоры, очаровательные улыбки и m-elle Иловайская, очаровывающая нас своею оригинальностью и сценическим талантом».

А. П. Чехов в Ялте. 1898

В 1886 году Капитолина Михайловна купила в Ялте у гражданского инженера П. К. Тербенева участок земли в нижней части Аутской улицы. По ее заказу в 1888 году здесь был построен двухэтажный особняк из серого камня (местного известняка), внешне напоминающий французский средневековый замок — с восьмигранной башней в северо-восточном углу, с небольшими конусообразными башенками по углам крыши, со стрельчатыми оконными проемами, деревянным балконом на втором этаже и открытой террасой на первом. Проект здания сделал Константин Романович Овсяный, врач по профессии и архитектор-любитель, имеющий определенный опыт строительства. По моде тех лет особняк получил название в восточном стиле — «Омюр», что в переводе с крымскотатарского значит — «Жизнь». При доме был высажен сад, со стороны восточного и южного фасадов устроены круглые декоративные фонтаны. Осенью 1898 года Чехов и Иловайская встретились в Ялте как старые знакомые, и Чехов принял ее предложение поселиться на ее даче. Он снял две угловые комнаты на первом этаже, с клумбами под окнами, с отдельным крыльцом, выходящим в тихий дворик. Три дня спустя после переезда Чехов писал Суворину, напоминая ему о давнишнем знакомстве: «Теперь я живу на даче Иловайской. Помните Хреновое? Помните гоголевскую “Женитьбу” с барышней Иловайской в роли невесты? Так вот я теперь живу у этих самых Иловайских. Обедая вместе с madame, ведем разговоры о гомеопатии. Дочь уже замужем. Сам генерал на покое». Поскольку в 1898 году С. П. Иловайский был в чине действительного статского советника (что соответствовало генеральскому чину в военной службе), Чехов в шутку именовал его генералом, а Капитолину Михайловну — генеральшей. В чеховских письмах встречается и другое ее прозвище — «Екатерина Великая».

Писатель рассчитывал провести в Ялте месяц-другой, но различные обстоятельства задержали его, уезжать не хотелось. Он останется зимовать в Ялте и проживет на даче «Омюр» целых 6 месяцев, до наступления нового почти летнего тепла в апрельские дни 1899 года.

Несмотря на хорошую погоду, очаровательную природу, несмотря на дружеское внимание со стороны местных жителей и возможность общения с приезжающими знакомыми, некоторые особенности

ялтинской жизни с непривычки вызывали у Чехова чувство большой досады. В конце ноября он писал Суворину: «Все-таки скучно по Москве. Хочется с кем-нибудь поговорить о литературе, о том о сем, а говорить здесь можно только о литераторах, но не о литературе»; «Здесь решительно нечего читать. В библиотеке журналы нарасхват, а книг нет, потому что библиотекарьше лень отыскивать их на полке». Письмо с похожими жалобами было послано в Петербург к давней знакомой Е. М. Шавровой-Юст, считавшей себя ученицей Чехова в писательском деле и величавшей его «шер-мэтр» (дорогой учитель): «У меня нет книг, мне нечего читать, я каменею от скуки — и кончится тем, что брошусь с мола в море или женюсь». Шаврова вняла проблемам столь сложного выбора и выслала шер-мэтру две книги, которые он получил к концу декабря. Одна из них была сборником декадентских стихов под названием «Кровь истерзанного сердца». Под статью заглавию книга была в ярко-красной обложке, от одной внешности которой, по выражению самой Шавровой, делалось жутко робким сердцам. Чехов переименовал название в «растерзанную кровь потревоженной души» и в благодарность деликатно ответил, что эта книжка доставила ему «истинное удовольствие». Вторая книга оказалась повестью Софьи Ковалевской «Нигилистка», запрещенной к распространению в России. Издавалась она в Женеве и была тайком привезена из Вены. Чехов ответил, что «Нигилистку» уже читал — вероятно, во время пребывания во Франции зимой 1897–1898 годов. Возможно, во все-таки, за неимением книг, еще раз перечитал историю о девушке из дворянской семьи, порывающей со своей средой и уходящей на жертвенную революционную работу. Интересно, что написанный в Ялте рассказ «Невеста», завершающий творчество Чехова, по отдельным мотивам может быть сопоставлен с крамольной повестью Ковалевской.

В декабре было получено несколько книг от знакомых авторов — В. А. Лугового и П. А. Сергеенко. Луговой прислал свой роман «Пустоцвет» — первую часть задуманной трилогии, создававшейся явно под влиянием учения Льва Толстого о сближении интеллигенции с народной жизнью. Книга была с теплой надписью: «Дорогому Антону Павловичу Чехову от горячо любящего его В. Тихонова. 16 дек. 1898 г. Павловск». Сергеенко выслал из Москвы две свои книги в разных жанрах: мемуарно-биографические очерки «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» и художественное произведение — роман «Дэзи». Обе были также с дружескими автографами. Чехов с особым удовольствием прочел биографическую книгу о Толстом. Но и в «Дэзи» было немало намеков на личность и труды Л. Н. Толстого. Роман имел посвящение «графине Т. Л. Толстой», и за двумя его главными героями — профессором Казанцевым и его дочерью Дэзи — просматривались как прототипы Толстой и его дочь Татьяна Львовна. Любопытно отметить, что третий главный герой этого сочинения, писатель Герливанов, напоминал персонажа чеховской «Чайки» Тригорина, в образе которого, как считали современники, проявились отдельные

автобиографические черты Чехова. В литературном отношении роман был малохудожественным. Хотя Чехов и был благодарен Сергеенко за книги, но в письме к другому корреспонденту, М. О. Меньшикову, отозвался о «Дэзи» с иронией: «необыкновенно умственное произведение; действуют в повести не люди, а всё какие-то сухие пряники».

Еще более чем книги жизненно важны для Чехова — как воздух — были письма. За время, проведенное на даче Иловойской, он сам написал не менее 370 писем (из них 265 опубликованы, остальные не найдены или не сохранились) и с нетерпением ожидал известий от родных и знакомых. Одно из первых полученных писем на даче «Омюр» было из Парижа от Лики Мизиновой с ее фотографиями. Снимки были с дарственными надписями, а на одном, кроме лицевого автографа, была надписана и оборотная сторона с завуалированным признанием:

Л. С. Мизинова. Фото с дарственной надписью А. П. Чехову. 1898

«Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь погубя, —
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства и песни и силы
— Все для тебя!!
(Чайковский — Апухтин)

Пусть эта надпись Вас скомпрометирует. Я буду рада.
Париж 11 октября 1898 г.

Я могла написать это восемь лет тому назад и пишу сейчас и напишу через 10 лет».

Одно из декабрьских писем донесло дружеский привет от Левитана: «Был у твоих. Они недурно устроились. М<ария> П<авловна> сделала огромные успехи в живописи. Экие вы, Чеховы, талантливые».

Даже полагая себя поначалу временным жителем Ялты, Чехов не оставался в стороне от общественных дел. Очень быстро он стал членом ялтинского общества взаимного кредита, был избран членом попечительного совета женской гимназии, посещал заседания городской думы, занимался организацией помощи голодающим Поволжья. В конце ноября на его имя по почте пришла книжка квитанций для регистраций благотворительных пожертвований. Ее прислал А. С. Пругавин от имени

распорядительного комитета частного самарского кружка, собиравшего деньги для помощи голодающим детям Самарской губернии. Пругавин лично с Чеховым не был знаком, но, рассылая воззвания и книжки квитанций учреждениям и частным лицам для сбора средств в пользу голодающих, обратился и к Антону Павловичу. Писатель немедленно откликнулся, инициировал денежный сбор, и очень скоро все квитанции были использованы, а после были собраны деньги по второй и третьей книжкам. Эта работа чрезвычайно расширила круг общения Чехова, который приобрел среди местных жителей необычайную популярность. В составленных им отчетах о пожертвованиях значится множество фамилий местных врачей, преподавателей гимназий, учеников, священнослужителей, домовладельцев, взрослых и детей, поименованных полностью или просто инициалами. К тому же, будучи по образованию врачом, он находил время и для медицинской помощи нуждающимся. «Можете себе представить, — сообщал он в одном из писем, — немножко практикую, и это меня развлекает и мешает мне. Если бы я захотел, то у меня здесь была бы большая практика».

Через эту занятость надо было пробиваться к свободному письменному столу. Еще труднее было пробиваться к творческой работе через неизлечимую болезнь. Чехов не выдавал своего состояния нездорового человека не только перед другими людьми, но и сам для себя как будто закрыл эту тему, пожившись просто на крымский воздух, губительный для туберкулезных бацилл. Только дойдя до крайности, он позволил себе обратиться к коллеге-врачу, пригласив его запиской, начатой по-французски: «*Cher monsieur! Auries vous l'obligeance de venir chez moi. Je garde le lit. Votre dévoué A. Tchehoff*» («Милостивый государь! Не окажете ли любезность посетить меня. Я лежу в постели. Преданный Вам А.Чехов»). Легкомысленный французский язык был призван замаскировать настоящую серьезность положения. Продолжение было по-русски: «Захватите с собой, молодой товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик». Записка была послана утром 27 ноября в запечатанном конверте для доктора И. Н. Альтшуллера, который рассказал об этом случае в своих воспоминаниях: «Ларингоскопчика я не захватил, поняв, что это лишнее, но поспешил к нему и застал его в постели с порядочным кровохарканьем. И с этого дня он становится уже моим пациентом. Когда через несколько дней после остановки кровохарканья я мог детально его исследовать, то был поражен найденным. Я нашел распространенное поражение обоих легких, особенно правого, с явлениями распада легочной ткани, следы плевритов, значительно ослабленную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание». Как врач, Альтшуллер считал Чехова «ярким примером длительного и упорного игнорирования, казалось бы, ясных и бесспорных явлений»¹, касавшихся его здоровья.

¹ *Альтшуллер И. Н.* Еще о Чехове // Литературное наследство. Т. 68. Чехов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 689.

Творческим результатом первых месяцев жизни на даче Иловойской стали четыре новых рассказа: «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка», «Новая дача». Самым известным из них стала «Душечка». Художественное мастерство Чехова и образ героини вызвали всеобщее восхищение читателей. Журнал «Семья», где был напечатан рассказ, переходил из рук в руки, на него выстраивались очереди. Типичность изображенного Чеховым характера служила предметом горячих обсуждений, восторгов и споров в обществе. Один из чеховских корреспондентов передал автору мнение о «Душечке» Льва

Подушка «За душечку» в музейной экспозиции

Толстого: она «останется так же в нашей литературе, как гоголевские типы, ставшие нарицательными. Лев Николаевич в восторге от нее. Он всё говорит, что это перл, что Чехов — это большой-большой писатель. Он читал ее уже чуть ли не 4 раза вслух и каждый раз с новым увлечением». Дочь Толстого Татьяна Львовна также сообщила Чехову: «Ваша “Душечка” — прелесть! Отец ее читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи»; при этом она признавалась: «...в “Душечке” я так узнаю себя, что даже стыдно». Многие читательницы и даже мужчины-читатели узнавали себя в характере чеховской героини. Одна из поклонниц, З. Г. Морозова (жена текстильного фабриканта-миллионера С. Т. Морозова) в знак своего восхищения вышила Чехову диванную подушечку с надписью «За душечку» и послала ему в Ялту. Получив столь неожиданный знак внимания, писатель ответил ей: «Моя Душечка не стоит такой подушечки».

Впоследствии исследователи обнаружат в «Душечке» «некоторые приметы ялтинской действительности тех лет»² — плачевное положение провинциального театра, проблемы ветеринарного надзора, нашедшие отражение в мужских образах рассказа. Более или менее заметные ялтинские впечатления, полученные Чеховым осенью 1898 года, отразятся и в других его сочинениях. Можно предположить, что в рассказе «Новая дача» было сделано описание дачи «Омюр»: «Построили красивый двухэтажный дом с террасой, с балконами, с башней со шпилем, на котором по воскресеньям взвивался флаг...» И есть основания связать рассказ «Случай из практики» с той историей, о которой известно по воспоминаниям С. Н. Щукина.

Сергей Николаевич Щукин, преподаватель Аутской церковно-приходской школы, познакомился с Чеховым в ноябре, когда принес на

² Мелкова А. С. Творческая судьба рассказа «Душечка» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 89–96.

«Омюр» собранные им деньги для голодающих Самарской губернии. В один из последующих дней Чехов, «очень оживленный», показал ему увиденную в витрине фотографа и тут же купленную фотокарточку епископа Таврического и Симферопольского Михаила Грибановского, снявшегося вместе с матерью-старушкой. В августе 1898 года Грибановский безвременно скончался от туберкулеза легких в Симферополе. Чехов лично не знал его, но выражение лиц на этом двойном портрете произвело на него необычайное впечатление. Щукин так описывал это изображение: «Преосвященный Михаил был еще не старый, но жестоко страдавший от чахотки человек. <...> Лицо его очень умное, одухотворенное, изможденное и с печальным, страдальческим выражением. Он приник головой к старушке; лицо ее было тоже чрезвычайно своей тяжелой скорбью. Впечатление от карточки было сильное; глядя на них — мать и сына, — чувствуешь, как тяжело бывает человеческое горе, и хочется плакать».

М. М. Грибановский с матерью
Фото Ф. Орлова. 1896

Творческие отражения этого впечатления прочитываются в написанном в те же дни рассказе «Случай из практики». Героиня рассказа — молодая девушка, дочь владелицы подмосковной фабрики — больна нервным расстройством, для ее лечения из Москвы вызывают доктора, через восприятие которого читатель получает представление о происходящем. Пациентка кажется доктору существом несчастным, убогим и некрасивым, а ее мать, «пожилая дама, в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная», не решается подать ему руку и робет в собственном доме. Но затем доктор становится свидетелем порыва искреннего человеческого страдания, «которое было так разумно и трогательно», что мгновенно стирает первоначальное впечатление. Глазами доктора мы видим следующую картину:

«Мать обняла ее голову и прижала к себе. Сколько отчаяния, сколько скорби на лице у старухи! Она, мать, вскормила, вырастила дочь, не жалела ничего <...> и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачем столько мук, не понимала и терялась, и у нее было виноватое, тревожное, отчаянное выражение, точно она упустила что-то еще очень важное, чего-то еще не сделала, кого-то не пригласила, а кого — неизвестно.

— Лизанька, ты опять... ты опять, — говорила она, прижимая к себе дочь. — Родная моя, голубушка, деточка моя, скажи, что с тобой? Пожалей меня, скажи.

Обе горько плакали».

Эта картина воспроизводит тип *умилительного* портрета, и в ней много сходства с изображением сына и матери Грибановских. Даже в том, что в рассказе это — впечатление доктора, узнаётся автобиографический мотив, восходящий к личности и профессии Чехова. В тот же рассказ введена еще одна крымская деталь, связанная с описанием комнат хозяйского дома: «На картинах, написанных масляными красками, в золотых рамах, были виды Крыма, бурное море с корабликом...»

Кроме создания новых, Чехов тогда же переработал два своих старых рассказа — «Жилец» и «Акцизный». На даче Иловойской он занимался и подготовкой собрания своих сочинений для издания в Петербурге в издательстве А. Ф. Маркса. 27 января 1899 года он отправил для 1-го тома 67 ранних рассказов, не входивших до того времени ни в один сборник. Редакторская работа не прекращалась до самого отъезда писателя из Ялты в апреле 1899 года. К розыску полузабытых газетных публикаций, выходивших под псевдонимами, Чехову пришлось привлечь своих московских и петербургских знакомых и родных: братьев Александра, Ивана и Михаила, литераторов А. С. Лазарева-Грузинского, Н. М. Ежова, Л. А. Авилу, И. И. Горбунова-Посадова.

Первые два месяца с небольшим, проведенные на «Омюре», ознаменовались многими важными событиями в жизни Чехова: он стал владельцем участка в Аутке и начал постройку собственного дома; приобрел имение в Кучук-Кое; принял решение передать права на издание своих сочинений А. Ф. Марксу; узнал о «колоссальном успехе» своей пьесы «Чайка», впервые сыгранной в Москве в Художественном театре 17 декабря 1898 года. Каждое из этих событий наложит свой отпечаток на его последующую жизнь, творчество, физическое и эмоциональное состояние. Новый, 1899 год он впервые встретит в Крыму — и оправдает старинную примету: где встретишь новый год, там его и проведешь, поскольку в том же году перейдет из разряда приезжающих в Ялту — в число ее постоянных жителей, «домовладельцев».

С самого начала 1899 года ялтинская общественность готовилась отметить предстоящее 100-летие со дня рождения Пушкина. В январе Чехов писал об этом Суворину: «Тут в Ялте живет академик Кондаков. Нас обоих город выбрал в комиссию для устройства пушкинского праздника. Хотим поставить “Бориса Годунова”, Кондаков будет Пименом. Я ставлю живую картину — “Опять на родине”. На сцене забытая усадьба, пейзаж, сосенки... входит фигура, загримированная Пушкиным, и читает стихи “Опять на родине”. Даем “Дуэль Пушкина” — живую картину, копию с картины Наумова». Вскоре Чехову даже придется просить Суворина — «ради святого

искусства» — распорядиться прислать по почте из суворинской дачи в Феодосии китайский гонг — для постановки сцены «Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова». «Нам это нужно для звона, — пояснял он несколько странную просьбу. — Я возвращу в совершенной целости. Если же нельзя, то поспешите написать мне; придется тогда в таз звонить». По одному этому мелкому факту можно восстановить картину тех невероятных усилий, которые затрачивали ялтинские любители на подготовку спектаклей. Но Чехов в конце концов «отделался от участия в пушкинских празднествах», как написал сестре, так как принял решение уехать из Ялты до их наступления. Пушкинские спектакли прошли без него в пасхальные дни и успеха не имели. Зато он откликнулся на просьбу редакторов «Пушкинского сборника», выпускаемого в Петербурге к юбилейной дате, и в марте послал для сборника свой рассказ «Происшествие (Рассказ ямщика)». Средства от этого издания предназначались для открытия памятника Пушкину в Петербурге.

О круге общения Чехова в последний месяц жизни на «Омюре» отчасти можно судить по его письму от 5 марта 1899 года издателю газеты «Русские ведомости» В. М. Соболевскому: «Тут в Ялте Ваши знакомые — Осипов, Елпатьевский, Вукол Лавров. И все они чувствуют себя прекрасно и славословят Ялту. Елпатьевский вчера подмигнул глазом и сказал, что очень возможно, что и Вы приедете в Ялту погостить <...> Здесь академик Кондаков; мы встречаемся каждый день и говорим о Вас». В том же письме отмечена и прелесть уже ощутимой весны: «...прошла длинная, скучная зима, наступила великолепная весна. Светло до боли в глазах, тепло, цветут фиалки и миндаль, у моря ласковый вид. Очень, очень хорошо».

В одном из мартовских писем к сестре Чехов не без юмора упоминает еще об одном знакомстве: «Я каждый день катаюсь <...> Бываю в Ореанде, Массандре. Катаюсь с поповной чаше, чем с другими, — и по сему случаю разговоров много, и поп наводит справки, что я за человек». Речь идет о Надежде Александровне Терновской и ее отце, благочинном Ялтинского округа Александре Яковлевиче Терновском. В переписке Чехова какое-то время шутивно обыгрываются темы «жениха» и «невесты» и возникает полумифическая фигура некой «Наденьки», которой Чехов вскоре начнет дразнить свою настоящую будущую невесту Ольгу Книппер. Как впоследствии отмечала Э. А. Полоцкая, «легенда о Н. А. Терновской — “невесте” Чехова была рождена стараниями сердобольной К. М. Иловой-ской». И, как отметила та же исследовательница, эпизод «шуточки» под знаком «невесты», разыгрываемый Чеховым в эти месяцы, вскоре войдет в переделку давнего чеховского сюжета, в ялтинскую редакцию его рассказа «Шуточка»³.

Стоит отметить, что очень много лет спустя, в 1990-е годы, дочь Н. А. Терновской — москвичка Надежда Афанасьевна Литвинович —

³ Полоцкая Э. А. Ялтинская редакция «Шуточки» // Чеховиана. Чехов в культуре XX века: Ст., публ., эссе. М.: Наука, 1993. С. 101–112.

передаст в ялтинский музей Чехова живописный портрет Наденьки, написанный отцом «поповны», протоиереем Александром. Вместе с портретом в музей поступит еще одна реликвия из семьи Терновских — терракотовый кувшин, который когда-то был подарен благочинному Александру известным ученым-путешественником Н. М. Пржевальским. Для Чехова имя Пржевальского значило очень многое, с юных лет было символом человеческой устремленности к научному подвигу. Перу Чехова принадлежал некролог Пржевальского, опубликованный в 1888 году в газете «Новое время». «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно», — писал Чехов в октябре 1888 года. Каждая из двух реликвий семьи Терновских по-своему связана с частью жизни Чехова, и есть глубокая закономерность в том, что в конце концов они окажутся рядом в чеховской экспозиции в той самой комнате, где когда-то Наденька бывала гостьей «Омюра» и собеседницей Чехова.

Портрет Н. А. Терновской работы А. Я. Терновского

Среди гостей Чехова на «Омюре» выделяются два писательских имени: Максимилиан Волошин и Максим Горький. Правда, Волошин был в то время студентом, его литературная известность была еще впереди. К Чехову он приходил познакомиться в начале марта 1899 года вместе с Мишей Свободным, сыном актера П. М. Свободина, чеховского приятеля. Оба юноши были высланы из Москвы за участие в студенческих беспорядках и в Ялте остановились у своего однокурсника Михаила Лаврова, сына редактора «Русской мысли» В. М. Лаврова. В чеховских письмах этой поры затрагивался вопрос о студенческих волнениях, а в письме к И. И. Орлову от 18 марта 1899 года говорилось: «И исключенные студенты ко мне заходили...» Из письма Волошина к матери следует, что одним визитом не обошлось: «Я познакомился с Чеховым и был у него с Мишей два раза. Чехов по наружному виду очень напоминает своего Тригорина; молчалив, вял и неподвижен, на портреты свои не похож. Впечатление производит очень располагающее к себе. Разговора “интересного” не было: говорили о студенческих делах, расспрашивал он о постановке “Чайки”, но сам, видимо, тщательно воздерживался от выражения собственных мнений. <...> Вообще он очень прост и добродушен. Производит впечатление человека скучающего...»⁴

⁴ Купченко В. П. «На портреты свои не похож...» (Чехов и Волошин) // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 200.

Скорее всего, впечатление «человека скучающего» было вызвано утомлением Чехова. В его мартовских письмах отмечена непрерывная череда проходящих людей и дел: «Переписки у меня очень много, моя комната похожа на почтовое отделение, а люди ходят то и дело; часа нет свободного, хоть беги вон из Ялты». Но возможно и то, что в беседе, где писатель оставался «вял и неподвижен», Волошин уловил сквозящую устремленность Чехова к Москве, куда он вскоре уедет с большой охотой.

Знакомство с Горьким поначалу было заочным, по переписке, и возникло по инициативе младшего из писателей. В ноябре 1898 года на адрес дачи Иловайской (ул. Аутская, 28) Чехову пришло письмо от А. М. Пешкова-Горького и два тома его «Очерков и рассказов» с дарственной надписью. «Собственно говоря — я хотел бы объяснить вам в искреннейшей горячей любви, кою безответно питаю к вам со времен молодых ногтей моих, — признавался Горький в первом письме, — я хотел бы выразить мой восторг пред удивительным талантом вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким»⁵. Чехов ответил, что очень рад знакомству, что книги прочел; особенно ему понравились такие рассказы как «Ярмарка в Голтве», «В степи» и «На плотях». В завязавшейся переписке он деликатно высказал и некоторые литературные замечания, и свои положительные впечатления: «Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство».

Горький сотрудничал с журналом «Жизнь» и в январе 1899 года в письме к Чехову предложил печататься в этом журнале; через год там будет опубликована чеховская повесть «В овраге». Писатели обменялись photographиями: Чехов послал Горькому свое любительское фото и обещал в подарок полное собрание своих рассказов в новом издании; Горький прислал свою photographию, где он снят вместе с сыном Максимкой, «философским человеком полутора лет от роду».

В марте на даче «Омюр» состоялось личное знакомство. В тот самый день, когда Чехов сообщал Орлову о визите исключенных студентов, 18 марта 1899 года, Горький приехал в Ялту в связи с обострившимся у него туберкулезом, предварительно получив разрешение Министерства внутренних дел. Остановился он на даче Витмера по улице Виноградной (ныне улица Чехова). В Ялте за ним сразу же был установлен особый полицейский надзор. В письме к жене Горький сообщал: «Полиция жмет меня. Я не могу выехать даже в Ливадио, хотя это очень нужно мне. Обязали посещать участок». 19 марта Горький навестил Чехова. В этот день он получил в подарок книгу чеховских рассказов «Мужики» с автографом: «Алексею Максимовичу Пешкову-Горькому на память о нашей встрече в Ялте 19 марта 1899 года. Антон Чехов». После этой встречи Чехов писал Л. А. Авилловой: «В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный

⁵ М. Горький и А. Чехов: Сб. материалов. М.: ГИХЛ, 1951. С. 23.

Миша Свободин и Максимилиан
Волошин. Феодосия

М. Горький с сыном
Нижний Новгород. 1898

подмосковном имении Мелихово. В июле того же года, вернувшись в Ялту, он ненадолго остановился в гостинице «Мариино» на набережной. Следующим его ялтинским адресом станет уже собственный дом на Аутской улице.

Дружеские отношения писателя с Иловайской сохранились и после того, как он перестал быть ее квартирантом. Капитолина Михайловна

человек — и я очень рад». Горький более подробно рассказывал о своих беседах с Чеховым в письмах к жене: «Всю ночь до шести утра просидел у Чехова. Как он интересен и хорош!»; «Чехов — человек на редкость. Добрый, мягкий, вдумчивый. Публика страшно любит его и надоедает ему. Знакомых у него здесь — нет конца. Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно я уже не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним». Особенно важно было Горькому почувствовать при первой же встрече интерес к себе как к собрату по литературному цеху: «Он очень определенно высказывает большую симпатию ко мне, очень много говорит мне таких вещей, каких другим не скажет, я уверен. Меня крайне трогает его доверие ко мне, и вообще я сильно рад, очень доволен тем, что он, которого я считаю талантом огромным и оригинальным, писателем из тех, что делают эпохи в литературе и настроениях, в обществе, — он видит во мне нечто, с чем считается». В последующие дни их общение продолжилось, иногда к ним присоединялся и Бунин, находившийся также в Ялте. 4 апреля Чехов свозил Горького в свое имение в Кучук-Кое, о чем Горький расскажет впоследствии в своих воспоминаниях.

10 апреля 1899 года Чехов уехал из Ялты в Москву и несколько месяцев прожил в своем

бывала в гостях у Чехова на Белой даче, писатель не раз упоминает о ней в своей переписке. Через 10 лет после смерти Чехова, в 1914 году, в газете «Воронежский телеграф» были опубликованы воспоминания К. М. Иловайской о Чехове.

Осенью 1901 года квартиру на даче «Омюр» снимали вдвоем дочь Л. Н. Толстого Мария Львовна Оболенская и племянница Елена Васильевна. В начале декабря Толстой, живший в Гаспре в доме своей родственницы графини С. В. Паниной, приехал навестить их, но внезапно почувствовал себя нездоровым. Елена Васильевна вспоминала: «Приехав к нам в Ялту, он серьезно заболел. Ялтинский врач Альтшуллер не позволил перевозить его в Гаспру. Он прожил у нас с неделю...»⁶ Отсюда, как потом рассказывал Чехов Горькому, 7 декабря 1901 года Толстой позвонил по телефону на Белую дачу, чтобы сказать Чехову: «Сегодня у меня такой хороший день, так радостно на душе, что мне хочется, чтоб и вам было радостно. Особенно — вам! Вы очень хороший, очень!» В те же дни был сделан фотографический снимок: Толстой на балконе дачи Иловайской.

К. М. Иловайская оставалась владелицей «Омюра» до 1916 года. После нее до 1922 года владельцем значился Владимир Сергеевич Татищев. Затем дом был национализирован, передан в ведение коммунального хозяйства и полностью заселен.

15 июля 1954 года, к 50-летию со дня смерти А. П. Чехова, на фасаде здания была установлена мемориальная мраморная доска, утверждавшая статус историко-культурного памятника, связанного с именами А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и М. Горького.

В 2015 году здесь открыта музейная экспозиция, посвященная теме «А. П. Чехов и Крым».

А. П. Чехов и М. Горький на Аутской ул.

Л. Н. Толстой на балконе дачи «Омюр». 1901

⁶ Летопись государственного литературного музея. Л. Н. Толстой / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. Кн. 2. М., 1938. С. 303.

Белый дом над обрывом России

«Ялта для меня существует только потому, что в ней есть дом Антона Павловича Чехова»¹. Такую запись в марте 1937 года оставил Константин Паустовский в книге отзывов посетителей Дома-музея А. П. Чехова в Ялте.

Думается, с ним были бы согласны очень многие, побывавшие здесь на протяжении более чем столетия. Еще в 1903 году в «Путеводителе по Крыму» как местная достопримечательность указывалась «дача А. П. Чехова, где он обычно живет», и были помещены вид здания и портрет писателя². В «Советском энциклопедическом словаре» статья о Ялте исчерпывалась информацией: «ЯЛТА, г<ород> в Крымской обл., порт на Черном м<оре>. 79 т<ыс>. ж<ителей>» (1978). Климатический курорт, центр курортов Южного берега Крыма. Троллейбусное сообщение с Симферополем. Дом-музей А. П. Чехова»³.

Много раз приходя знакомой дорогой к Белой даче, просиживая часами на скамье у дома в старом саду, Паустовский умел проникнуться зрением Чехова и его чувствами. В очерке «Легкая память» он с всеведением очевидца писал: «Особенно притягателен был этот дом зимой. Низкая тьма висела над морем. В ней тускло проступали огни пароходов. По рассказам моряков я знал, что с палубы парохода можно было увидеть в сильный бинокль освещенное лампой с зеленым абажуром окно чеховского кабинета.

Странно было думать, что огонь этой лампы был зажжен на самом краю страны, что здесь обрывалась над морем Россия, а там, дальше, в ночи, древние малоазиатские страны»⁴.

Уезжая из Ялты за два месяца до кончины в Германии, Чехов оставил свой дом таким, каким он складывался годами: наполненным книгами, фотографиями, произведениями искусства, мебелью, одеждой, всевозможными личными вещами. Дом, казалось, ждал возвращения хозяина и оставался семейным очагом для его родных — сестры, матери, братьев с семьями. Никто специально не создавал здесь музей — и не перестраивал дом в музей: он был сохранен как последнее жилище писателя силой большой любви его близких. Мария Павловна Чехова продолжала заботливо убирать и беречь те комнаты,

¹ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 1911–1967. Л. 95.

² Безчинский А. Путеводитель по Крыму. М., 1903. С. 250–252.

³ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1589.

⁴ Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. Изд. 2-е. Симферополь: Изд-во «Крым», 1969. С. 44.

К. Г. Паустовский во дворе Дома-музея
А. П. Чехова в Ялте. 1966

где он жил и работал, ничего не меняя в их обстановке. Не случайно с 1921 года, когда дом получил статус государственного музея, и до наших дней разные поколения посетителей переживали в его стенах одинаковое потрясающее чувство: будто Чехов только что вышел отсюда, чтобы прогуляться вдоль берега моря, и может вернуться в любой момент.

Пережив несколько революций, две мировые войны, Гражданскую войну, немецко-фашистскую оккупацию и разрушительное землетрясение, Белая дача сохранила в вихрях физических и политических катаклизмов свою неподдельную подлинность. И в отдельных комнатах, и во всем облике дома ощущаются скромная

простота, отсутствие претенциозности, атмосфера таланта, хороший вкус. Кроме того, Дом-музей хранит богатейшее собрание раритетов: более 28 тысяч экспонатов, — это корни культуры, без существования которых невозможно благополучное развитие ни нации, ни государства, ни мирового сообщества. Уникальность подобных мест на земле будет также отмечена Паустовским: «Есть четыре места в России, которые полны огромной лирической силы и овеяны подлинной народной любовью — дом Чехова в Ялте, дом Толстого в Ясной Поляне, могила Пушкина в Святых горах и могила Лермонтова в Тарханах. В этих местах — наше сердце, наши надежды; в них как бы сосредоточена вся прелесть жизни. К. Паустовский. 28 июля 1949 г.»⁵

В последние годы писатель Чехов все чаще становится героем многочисленных книг, пьес, кинофильмов, и это не удивительно. Гораздо реже с наследием классиков случается то, что стало особой судьбой именно чеховского дома: Белая дача давно уже живет как самостоятельный литературный герой, как художественный образ многих замечательных стихотворений, рассказов, повестей и романов. Одно из самых ранних таких литературных отражений встречается в стихотворении Ивана Бунина «Художник» (1908):

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел.

⁵ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 1911–1967. Л. 147 об.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опушена косица,
Нога — как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадиллом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Зашелкает, взовьется от забора —
И ну плясать и стукать клювом в гроб!»

В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль».

Бунин не называет имени Чехова, но немногими деталями воссоздает узнаваемый облик писателя и реалии его ялтинской усадьбы, расположенной на краю города у пыльного шоссе: новый белый дом на фоне тяжелого горного хребта, покрытые галькой (обкатанными морскими камешками) дорожки, искусственные водоемы для полива растений и даже журавль, прижившийся у Чехова и сопровождавший его в прогулках по саду. Можно даже точно определить, что взгляд автора стихотворения направлен к дому от так называемой горьковской скамьи — одного из немногих укромных, особенно в первые годы, уголков чеховского сада, любимого места бесед Чехова с его гостями. Стихотворение поражает удивительными сочетаниями: обилие ярких цветочных деталей позволяет зримо увидеть живописную картину — но эта экспрессивная картина складывается на фоне замедленного, томительного

Горьковская скамья в чеховском саду
Фото М. Сосенковой. 2004

и скрытого потока сознания; ирония и жутковатый абсурдизм мгновенно проявляющейся творческой фантазии героя соседствуют с выношенными лирическими, щемящими скорбными чувствами автора. В итоге завершенный, гармоничный образ «художника» складывается вследствие того, что мы не только слышим его внутренний голос, но и видим его индивидуальное пространство, окрашенное как «чеховским», так и личным «бунинским» настроением.

Одно из лучших стихотворений, посвященных Белой даче, было написано Юрием Левитанским — «Ялтинский домик» (1976):

Вежливый доктор в старинном пенсне и с бородкой,
вежливый доктор с улыбкой застенчиво-кроткой,
как мне ни странно и как ни печально, увы, —
старый мой доктор, я старше сегодня, чем вы.

Годы проходят, и, как говорится, сик транзит
глория мунди, — и все-таки это нас дразнит.
Годы куда-то уносятся, чайки летят.
Ружья на стенах висят, да стрелять не хотят.

Грустная желтая лампа в окне мезонина.
Чай на веранде, вечерних теней мешанина.
Белые бабочки вьются над желтым огнем.
Дом заколочен, и все позабыли о нем.

Дом заколочен, и нас в этом доме забыли.
Мы еще будем когда-то, но мы уже были.
Письма на полке пылятся, — забыли прочесть.
Мы уже были когда-то, но мы еще есть.

Пахнет грозою, в погоде видна перемена.
Это ружье еще выстрелит — о, непременно!
Съедутся гости, покинутый дом оживет.
Маятник медный качнется, струна запоет...

Дышит в саду запустелом ночная прохлада.
Мы старомодны, как запах вишневого сада.
Нет ни гостей, ни хозяев, покинутый дом.
Мы уже были, но мы еще будем потом.

Старые ружья на выцветших старых обоях.
Двое идут по аллее — мне жаль их обоих.
Тихий, спросонья, гудок парохода в порту.
Зелень крыжовника, вкус кисловатый во рту.

Как и Бунин, Левитанский обращает внимание на реалии (дом с верандой, свет лампы в мезонине, долетает гудок парохода в порту); так же, не называя имени своего героя, создает его портрет узнаваемыми зримыми и оценочными деталями («доктор в старинном пенсне и

с бородкой... с улыбкой застенчиво-кроткой...»). Но своеобразие этого стихотворения в том, что оно наполнено мотивами чеховских произведений: здесь и характерный мотив уходящего времени, и аллюзии на «Чайку», «Дом с мезонином», «Вишневый сад», «Крыжовник»; обыграно широко известное чеховское высказывание о том, что если на сцене поставлено заряженное ружье, то оно должно выстрелить; включена латинская фраза, напоминающая о профессии «вежливого доктора», и т. д. Гораздо сильнее, чем у Бунина, здесь выражены собственные переживания автора, чувство личной сопричастности с чеховской судьбой и миром его героев. Обращаясь к Чехову как будто от собственного имени («я старше сегодня, чем вы...»), Левитанский замечательно выразил мироощущение своего поколения интеллигентов, ценителей и знатоков чеховского творчества.

По настроению стихотворение Левитанского очень близко рассказу Юрия Казакова «Проклятый Север» (1964). Рассказ поражает щемящей нежностью, переполнявшей автора и его героев — моряков, отдохавших в Ялте «после девяти месяцев отчаянной трепки в зимнем океане»⁶, — при посещении дома Чехова:

«... всё время неловко было, будто пришли, а хозяина нет, вот-вот вернется и застанет нас.

<...> вышли во двор, сели на лавочку под каким-то деревом, закурили. Глаза у моего друга были мокрые, скулы побелели, он щурясь оглядывал двор.

— Кувшины видал какие? — кивнул я на огромные глиняные круглые сосуды под водосточными трубами у флигеля. — Это при нем было?

— При нем, — сказал мой друг. Он всё знал о Чехове. — Тогда водопровод плохо работал, дождевую собирали.

Мы помолчали. Как-то нам стало очень грустно в этом доме и жалко чего-то.

— А сад какой! — сказал мой друг. — Это он сажал, знаешь? Очень это хорошо! А знаешь, есть такая фотография: стоит он в кабинете у стены, возле шкафа...»

Рассказ Казакова отличает обостренное восприятие личности Чехова, его судьбы и продолжающейся уже без него самостоятельной жизни дома, наполненного вещами, когда-то доставлявшими хозяину радость. Это рассказ о людях, близких по духу Чехову, которые «всё знают» о нем, и эти субъективные знания постепенно сокращают, а потом практически сводят на нет объективную пространственно-временную дистанцию между людьми 1960-х годов — и Чеховым в Ялте в 1900-е:

⁶ Прототипами были сам автор и писатель В. Конецкий, об этом см.: Сухих И. Н. Белая дача: одна экскурсия и три сюжета // «Приют русской литературы»: Сб. ст. и док. в честь 90-летия Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. Симферополь: Доля, 2014. С. 302–311.

А. П. Чехов в своем кабинете в Ялте. Фото Л. Средина. 1900

«— Подумать только! — с внезапной злобой сказал мой друг. — Как он жил, как жил, господи ты боже мой! <...> В Москву поехать нельзя, и в Крыму болеет Толстой. А на севере — Россия, снег, бабы, нищие, грязь и темнота и угарные избы. Ведь он всё это знал, а у самого чахотка, кровь горлом, эх! Пошли, старик, выпьем! Несчастливая у него была жизнь, а крепкий всё же был человек, настоящий! Я его люблю, как никого из писателей, даже Толстого. Вот так.

<...> некуда было деваться, а только разговаривать о смысле жизни, о ее краткости, переменчивости, и чем веселее было вокруг нас, тем грустнее было нам, хотя это и глупо грустить, когда весна, когда ты в Ялте, на берегу прекрасного моря, когда вокруг так много людей, и так нежно и древне пахнет, так всё зовет к бездумности, к счастью — но что делать, и кто виноват, что нам плохо! <...>

Мой друг налил себе и мне коньяку.

— Выпьем за Чехова, — сказал он. — Как-то на меня это подействовало, знаешь. Раньше как-то не думал, а теперь понял: несчастный он был. Дом этот и вообще всё — бодяга это. Какая жизнь тут? Ему Россия нужна была, он на Шпицберген всё собирался съездить. У меня сердце что-то болит, нельзя мне пить. Уехать бы нам куда-нибудь из этой Ялты, а, старик?»

И в том же «Проклятом Севере» — строки о других посетителях: о приехавшей на машине чужой веселой компании, каких-то случайных, подвыпивших мужчинах и женщинах, которые «видно, не знали сами, как это их сюда занесло».

Дорога к дому Чехова. Фото автора. 2014

В написанном в тот же период рассказе Василия Шукшина «Петька Краснов рассказывает» (1964–1969), произведении одновременно смешном и грустным, разноречивые восприятия чеховского дома, отмеченные Казаковым, удивительным образом совмещаются в сознании одного героя — взрослого женатого человека с мальчишеским именем

Петька. Вернувшись с юга, куда он ездил лечить радикулит, Петька Краснов привозит в свою деревню два самых ярких воспоминания о курортной жизни: как побывал в ресторане и как ходил «домик Чехова смотреть». В ресторане пели «Очи черные» и танцевали, а в домике Чехова случилась забавная «хохма»: солидная женщина на каблуках, запутавшись в тряпичных тапочках, брякнулась на пол, так что все за животики взялись. Еще запомнилось кожаное пальто, в котором Чехов ездил на Сахалин, и рост писателя: «Метр восемьдесят семь!» Но «это родных не удивило — знавали и повыше. Это тогда экскурсантов почему-то очень всех удивило, и Петька удивился со всеми вместе. И сейчас хотел удивить».

Но, показав своего героя немного смешным, суетливым и, казалось бы, недалеким, Шукшин кончает рассказ совсем с другим настроением: Петька сидит на крыльце родного дома наедине с теплой ночью и милой сердцу скромной природой, и мысли его — о том, сколь велика земля и чего только нет на ней! И тогда совсем по-другому ему вспоминаются огромное теплое море, пальмы, большие белые дома и чеховский домик, где как музейный экспонат хранится старое кожаное пальто — «кожанчик», в котором писатель «трясся через всю Сибирь» и потом заболел чахоткой...

«Ночь. Поскрипывает и поскрипывает ставенька — все время она так поскрипывает. Шелестят листвой березки. То замолчат — тихо, а то вдруг залопочут-залопочут, неразборчиво, торопливо... Опять замолчат. Знакомо всё, и почему-то волнует».

Такой финал характерен для Шукшина и в то же время вызывает в памяти многое из чеховской прозы: читателю открывается, что душа героя оказывается намного сложнее и богаче, чем кажется по первому впечатлению.

Особая роль отведена Белой даче в таких крупных произведениях, как роман Вениамина Каверина «Перед зеркалом» (1970) и повесть Константина Паустовского «Время больших ожиданий» (1958).

Написанные во второй половине XX столетия, они переносят читателей к событиям начала века и периоду Гражданской войны.

Героиня Каверина, талантливая художница, приезжает в Ялту в 1914 году, через 10 лет после смерти Чехова. В письмах из Ялты она рассказывает о людях, знавших писателя или его близких, о памятных

Ворота и калитка чеховского сада. Фото автора. 2014

чеховских местах города. Даже на квартиру она устраивается у одной интеллигентной старушки, вдовы члена ялтинской городской управы, которая вместе с Чеховым принимала участие в сборе средств на постройку местного противотуберкулезного санатория. На столе у хозяйки стоит известная фотография Чехова — в пальто, с палкой, с собаками; как говорится в романе, фотография с чеховским автографом.

В самое тяжелое время, в голодном и холодном Петрограде 1916 года героиню будут поддерживать книги Чехова: «Читаю моего любимого, необыкновенного, нежного Чехова — это тоже одна из сторон моей души».

Гражданская война вновь приводит девушку в Ялту. Ее другом и учителем становится Вардгес Суренянц, художник из передвижников: это реальный человек, который, как и некоторые другие реальные лица, свободно входит в вымышленный мир каверинского романа. Через несколько лет, когда героиня будет уже в эмиграции, встречи в Ялте обретут в ее памяти новый смысл: «Как-то в Ялте, которую я часто вспоминаю, мы с Вардгесом Яковлевичем пошли в домик Чехова. С каким трепетом рассматривала я его вещи! Мне казалось, что он жив и только уехал на время из дома... Вардгес Яковлевич рассказал мне тогда историю Лики Мизиновой. Он услышал ее от сестры Чехова Марии Павловны, у которой часто бывал. Я слушала с жадностью — ведь мы, женщины, всюду ищем свое».

Повеествование о том, как герои учатся находить «свое» в доме Чехова, чувствовать Чехова «частью своей души» — самые волнующие страницы этой книги, где сплелись реальность и вымысел.

В автобиографической повести Паустовского приближение к чеховскому дому передано как движение собственной судьбы, как дорога через жизнь и смерть. Январской ночью 1922 года, сойдя с парохода в порту, он вышел в охваченный мраком город: «Желание, чтобы сейчас случилось нечто внезапное и решило мою судьбу, охватило меня. Эта ночь казалась мне пределом моей жизни, за ней должна была быть

гибель или ослепительный свет». Двигаясь наугад, он наконец уперся в стену, в которой нащупал узкую калитку и вывеску; внизу, за стеной, чувствовался густой сад. «Я вынул спички и зажег сразу три, чтобы вспышка огня была ярче обыкновенной. Я решил прочитать вывеску. Желтый огонь осветил ее, и я увидел только три слова: “Дом Антона Павловича...” Ветер задул спичку. Тотчас где-то выше по Аутскому шоссе хлопнул выстрел. Пуля низко пропела над оградой и с легким треском сбила ветку на дереве».

«Напряженный, как по канату, путь через зловеющий город» привел его к дому Чехова. «Я не понимал, да и сейчас не понимаю, почему я пришел на Аутку, именно к этому дому. Я не понимал этого, но мне уже, конечно, казалось, что я шел к нему сознательно, что я искал его, что у меня было какое-то важное дело на душе и оно-то и привело меня сюда.

Какое же дело?

Я вдруг почувствовал глубокую горечь и боль всех утрат, настигавших меня в жизни. Я подумал о маме и Гале, о двойной, где-то далеко горящей и не заслуженной мною любви, о покойной Лёле, о внимательном и утомленном взгляде Чехова через пенсне. Тогда я прижался лицом к каменной ограде и, стараясь изо всех сил сдержаться, все же заплакал. Мне хотелось, чтобы калитка скрипнула, открылась, вышел бы Чехов и спросил, что со мной».

Этот отрывок из автобиографической повести, написанный лирической прозой, перекликается со стихотворением Саши Чёрного (1922), где выражено желание такого же тайного посещения «милого дома»:

Ах, зачем нет Чехова на свете!
Сколько вздорных — пеших и верхом,
С багажом готовых междометий
Осаждало в Ялте милый дом...

День за днем толклись они, как крысы,
Словно был он мировой боксер.
Он шутил, смотрел на кипарисы
И прищурясь слушал скучный вздор.

Я б тайком пришел к нему, иначе:
Если б жил он, — горькие мечты! —
Подошел бы я к решетке дачи
Посмотреть на милые черты.

А когда б он тихими шагами
Подошел случайно вдруг ко мне —
Я б, склонясь, закрыл лицо руками
И исчез в вечерней тишине.

Помимо собственных впечатлений, полученных на Белой даче, источником вдохновения для авторов художественных произведений

могла послужить книга отзывов посетителей Дома-музея. Ее завела М. П. Чехова еще в 1911 году, и первая запись была сделана актрисой М. Г. Савиной: «Поклонилась уголку незабвенного Антона Павловича. М. Савина. Ялта. 3 июня 1911»⁷. Рядом — строки артиста Н. Н. Ходотова: «Тихой грустью прекрасной души веет здесь отовсюду и тихо, покойно вспоминается всё, что тебе дорого в жизни. 1911 г. 3 июня. Н. Ходотов»⁸. Отзыв Сергея и Веры Судейкиных: «В ноябре 1918 года нашли в доме Чехова уют, любовь и неугасимые чувства, и порядок»⁹ — по содержанию и благоговейному настроению перекликается с чеховскими страницами в книгах Каверина и Паустовского. Документальная запись 1921 года, оставленная давней знакомой семьи Чеховых, писательницей Т. Л. Щепкиной-Куперник: об ощущении остановившегося времени и странном чувстве личной причастности к великой судьбе — воспринимается как прообраз художественных писем-воспоминаний героини романа «Перед зеркалом»: «Как во дворце Спящей Красавицы, время остановилось в этих тихих комнатах; всё осталось как было 17 лет тому назад — как было тогда у всех нас... И странное чувство охватывает, когдаходишь сюда. “Всё течет...” и сколько утекло... и воды, и слёз, и крови... А здесь — ничто не изменилось. И так же не изменилась в душе любовь к незабвенному Антону Павловичу; и только с каждым днем всё больше понимаешь, — всё больше показывает жизнь, какой великий писатель это был. Т. Щепкина-Куперник. Ялта 1921, апр. 18 / мая 1»¹⁰.

Среди тех, кто испытал на себе особую притягательность Белой дачи, был и М. А. Булгаков. Впервые он побывал здесь 8 июля 1925 года вместе с женой Л. Е. Белозёрской, которая сообщила в письме к Волошиным в Коктебель: «В Ялте прожили сутки и ходили в дом Чехова»¹¹. В очерке «Путешествие по Крыму», опубликованном в том же году в ленинградской «Вечерней Красной газете», в главе «У Антона Павловича Чехова» Булгаков передал свои первые впечатления от встречи с чеховским домом:

«В верхней Аутке, изрезанной кривыми узенькими улочками, вздирающимися в самое небо, среди татарских лавчонок и белых скученных дач, каменная беловатая ограда, калитка и чистенький двор, усыпанный гравием. Посреди буйно разросшегося сада дом с мезонином идеальной чистоты, и на двери этого дома маленькая медная дощечка: “А. П. Чехов”».

Благодаря этой дощечке, когда звонишь, кажется, что он дома и сейчас выйдет. Но выходит средних лет дама, очень вежливая и приветливая. Это — Марья Павловна Чехова, его сестра. Дом стал музеем, и его можно осматривать.

⁷ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 1911–1967. КП 4128, С. 1.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ *Виленский Ю. Г., Навроцкий В. В., Шалюгин Г. А.* Михаил Булгаков и Крым. Симферополь: Таврия, 1995. С. 50.

Гостиная в ялтинском доме Чехова
Фото М. Сосенковой. 2004

Как странно здесь.

<...> В столовой стол, накрытый белой скатертью, мягкий диван, пианино. Портреты Чехова. Их два. На одном — он девяностых годов — живой, со смешливыми глазами. Таким приехал сюда. На другом — в сети морщин. Картина — печальная женщина, и рука ее не кончена. Рисовал брат Чехова...

В кабинете у Чехова много фотографий. Они прикрыты кисеей. Тут Станиславский и Шаляпин, Комиссаржевская и др. <...>

Верхние стекла в трехстворчатом окне цветные; от этого в комнате мягкий и странный свет. В нише за письменным столом белоснежный диван, над диваном картина Левитана: зелень и речка — русская природа, густое масло. Грусть и тишина.

И сам Левитан рядом.

При выходе из ниши письменный стол. На нем в скупом немецком порядке карандаш и перья, докторский молоток и почтовые пакеты...»¹²

В мае 1927 года, снова приехав в Ялту, Булгаков с женой на второй же день пошли к Чеховым в Аутку.

«Мака, ты хотел бы иметь такой кабинет?» — спросила Любовь Евгеньевна при повторном посещении чеховского дома, и Булгаков ничего не сказал, кивнул утвердительно...»¹³

В числе явных следов отражения чеховской Ялты в художественном творчестве Булгакова — образ «красивого города на горах» у голубого сверкающего моря в романе «Мастер и Маргарита», а также описание в том же романе «вечного дома», дарованного «трижды романтическому мастеру»: «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи». В этом образе «вечного дома» и вечного сада, где можно «днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать...», проступают черты Белой дачи и чеховского сада в Аутке.

Многочисленные посетители, отзывающиеся на высокую эмоциональную наполненность Белой дачи, в первую очередь замечают

¹² Там же. С. 55–56.

¹³ Там же. С. 57.

безыскусственность Дома, а не музея. «Давно замолкли в нем голоса Куприна, Горького, Мамина-Сибиряка, Станиславского, Бунина, Рахманинова, Короленко, но отголосок их как бы жил в доме. И дом ждал их возвращения», — писал Паустовский в очерке «Легкая память». Там же он отметил такую особенность: «Почему-то почти каждый человек, попавший в этот дом, начинал думать о своей судьбе, особенно если он проглядел свою жизнь и только сейчас спохватился. Почему так случилось, трудно сказать. Очевидно, гармоничность чеховской жизни и его подлинный оптимизм заставляли людей проверять свою жизнь по этим признакам»¹⁴.

Письменный стол Чехова в ялтинском кабинете
Фото М. Сосенковой. 2004

Писатель Леонид Малюгин, автор пьесы о Чехове и биографической книги о нем, утверждал: «Ялтинский дом-музей Чехова известен в народе под именем “домик Чехова”. Это ласкательное уменьшительное не случайно. Мне приходилось бывать во многих литературных музеях — и в нашей стране, и за рубежом — и ни один из них не вызывал такого ощущения уюта и задушевности, как этот белый дом. Ощущение такое, что пришел не в музей, а в гости. И даже не в гости, а к друзьям»¹⁵.

Сходные чувства выразила поэтесса Маргарита Алигер: «Я люблю и знаю этот дом давно — с детства — впервые я побывала здесь в 14 лет, школьницей — и наверно на всю жизнь. Я бывала здесь часто и запросто у Марии Павловны, когда зимовала в Ялте, и всегда чувствовала, что если откроется дверь и войдет Чехов, в этом не будет ничего странного. Думаю, что это чувство — высшая оценка этого дома и благодарность тем, кто его таким сделал и сохранил»¹⁶.

«Дом-музей? Нет, это просто дом Чехова, — написала сотрудник московского Института мировой литературы, известный чеховед Эмма Полоцкая. — Редкое для музея чувство нетронутости, нетленности каждой вещи и всего уклада семьи... Жизнь писателя словно остановилась в день его последнего отъезда в Москву — и продолжается уже теперь, в вечности. Я раньше представляла себе отдельные уголки этого дома — по многим фотографиям, воспоминаниям, письмам, копиям. Но вошла — и разрозненные кадры, бесплотно хранившиеся в памяти,

¹⁴ Хозяйка чеховского дома. Указ. изд. С. 44–46.

¹⁵ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 1911–1967. 11 дек. 1963 г.

¹⁶ Там же.

Уголок кабинета Чехова
Фото М. Сосенковой. 2004

вдруг ожили и составили какое-то удивительное, гармоническое сочетание — «ансамбль» чеховского дома! Вечная память Марии Павловне, давшей нам радость знакомства — нет, не знакомства, а прихода в гости к Чехову. И пусть никогда не засушится стиль этого дома. Дух гостеприимства и доброжелательства пусть всегда радует каждого, кто откроет калитку, ведущую в дом Чехова и в сад, который продолжает расти и цвести»¹⁷.

«Мы счастливы, что подышали воздухом Чехова, провели час, может быть, один из самых важных и трогательных в нашей жизни», — написала от имени группы Союза писателей Лидия Обухова в мае 1981 года¹⁸.

Второе столетие дом, стоящий на окраине Ялты, «на обрыве России», не обрывает связей с Россией и миром. Он превратился в настоящее место паломничества для многочисленных отдыхающих, приезжающих на курорты Крыма, иностранных туристов, деятелей культуры, искусства, науки и политики XX и XXI столетий. В мае 2003 года здесь побывал Президент России В. В. Путин, обративший к Дому-музею приветственные слова, которые родились именно в этих стенах ровно сто лет назад: «Дорогой, многоуважаемый музей. Приветствую твое существование...»¹⁹ В этой записи лаконично и остроумно обыграна цитата из «Вишневого сада» — последнего произведения, написанного Чеховым на Белой даче.

¹⁷ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 4 июня 1972 г.

¹⁸ Книга отзывов Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 7 мая 1981 г.

¹⁹ Книга отзывов почетных посетителей Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 4 мая 2003 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Крым оказался тем местом, где Чехову довелось испытать чувства особенной силы и глубины.

Чувство душевного одиночества, — не налетающего порывами, как случилось, к примеру, однажды бессонной ночью на берегу Иртыша по пути к Сахалину, а привычного и осознанного как неизбежность. В ялтинском доме написаны грустные строки: «Пианино и я — это два предмета в доме, проводящие свое существование беззвучно и недоумевающие, зачем нас здесь поставили, когда на нас тут некому играть».

Чувство дружеского взаимопонимания с немногими, но близкими по духу людьми, — такими как Бунин, Куприн, Альтшуллер, Елпатьевский, Щукин, Средин.

Радость творческого порыва после крымских гастролей Московского Художественного театра, без чего, вероятно, не было бы ни «Трех сестер», ни «Вишневого сада».

Яркие вспышки наконец-то пришедшего личного счастья, фоном которого стала поэзия крымской природы.

Собственно говоря, эти чувства и составляют основу жизни, но так уж случилось, что Крым обострил их и сложил в особый узор чеховской судьбы. «Чем старше я становлюсь, тем чаще и полнее бьется во мне пульс жизни», — с этого ощущения начиналась крымская осень Чехова 1898 года.

Многое в крымской биографии Чехова связано с тем, что в поэтической формуле К. Батюшкова названо «памятью сердца». Редкое чувство счастливой умиротворенности дала дорога из Ялты в Бахчисарай, вблизи моря, гор и вершины главной гряды Крымских гор — Ай-Петри. Этот путь, проделываемый не раз в одиночестве или не в очень близкой компании, 2 августа 1899 года Чехов совершил вдвоем с Ольгой Книппер. Впоследствии О. Л. Книппер-Чехова вспоминала: «В августе мы с Антоном Павловичем вместе уехали в Москву и ехали на лошадях до Бахчисарая, через гору Ай-Петри. Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоенным испарением сосны воздухом и болтать в милом, шутливом чеховском тоне, и подремывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу зноем...»¹ Первое из чеховских писем,

¹ *Книппер-Чехова О. Л.* О А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1960. С. 692.

написанное после той поездки, начиналось словами: «Здравствуйте, моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай! Здравствуйте, моя радость!»² Еще более потаенное было связано с поездкой в долину реки Алмы — в чеховской биографии это так и осталось скрыто, но прорвалось в рассказе задушевной собеседницы Ольги Леонардовны — Софии Ивановны Баклановой, прозвучавшем уже в конце 1940-х годов на гурзуфской даче: «Она к алминской долине относится как-то беспокойно. Сколько раз ей предлагали покататься в ту сторону по заповеднику. Ни за что! Кажется, это была свадебная поездка, тогда в 1901 году, весной, а потом в каком-то году опять с Антоном Павловичем — осенью. Тогда в первый раз на Алме были ландыши и набрали их целую охапку. Кто-то принес ей, не так давно, букет лесных пионов с Яйлы, заметив, что они родниковой водой пахнут. А Ольга Леонардовна, не глядя и не понюхавши, отставила букет от себя и сказала: “Алмою — река такая в буковых дебрях начинается, — самая веселая на свете”»². Чеховский Крым был и таким — дарящим счастье, которое можно потом бережно хранить всю оставшуюся жизнь.

Крым укрепил привязанность между Чеховым и Львом Толстым, о котором Чехов, узнав о его болезни, написал в 1900 году: «...я ни одного человека не люблю так, как его...». С сентября 1901 по июнь 1902 года Толстой жил в Крыму, в имении С. В. Паниной «Гаспра», в большом доме с зубчатыми башнями, напоминающем старинный замок. И. Н. Альтшуллер, наблюдавший в этот период за состоянием здоровья Л. Н. Толстого, вспоминал: «Известно, с какой особенной любовью относился Чехов к Толстому. Во время серьезной болезни последнего зимой 1901–2 годов он страшно волновался и требовал, чтобы, возвращаясь из Гаспры, я хоть на минутку заезжал к нему, а если заехать нельзя, то хоть по телефону рассказал о состоянии больного. И Толстой платил ему таким же отношением и говорил о нем с необыкновенно теплым участием. А когда раза два Чехов приезжал со мною в Гаспру, Толстой все время оживленно с ним беседовал и не отпускал»³. Чехов по меньшей мере пять раз ездил в Гаспру, навещая Толстого. Одна из его поездок пришлась на 17 января 1902 года — день Св. Антония, именины Чехова. Так он сделал себе дорогой подарок по собственному выбору — подарил себе встречу с Толстым.

В обстоятельствах крымской жизни накапливались нравственные уроки Чехова. Об одном из них вспоминал Бунин: «Однажды он, в небольшой компании близких людей, поехал в Алупку и завтракал там в ресторане, был весел, много шутил. Вдруг из сидевших за соседним столом поднялся какой-то господин с бокалом в руке:

² *Медведева-Томашевская Ирина*. Синяя калитка: Воспоминания / Публ. и примеч. Марии Томашевской // Крымский альбом. Феодосия; М.: Издат. дом «Коктебель», 1997. Вып. 2. С. 95.

³ *Альтшуллер И. Н.* О Чехове. Из воспоминаний // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1960. С. 595.

— Господа! Я предлагаю тост за присутствующего среди нас Антона Павловича, гордость нашей литературы, певца сумеречных настроений...

Поблуднев, он встал и вышел»⁴.

Этот уход был поступком, отвечавшим выработанной модели поведения человека, с которым неразделимо представление о толерантности и интеллигентности.

Книга о Чехове и Крыме подходит к своему завершению. Но тема «Чехов и Крым», по сути, так же неисчерпаема, как история и культура, как пространство и время. Один из ее векторов уходит в прошлое, другой — обращен в будущее. Но даже то, что кажется прошлым, устремлено к будущему. Не случайно *последнее* слово самого «крымского» чеховского рассказа, «Дама с собачкой», — это слово *начинается*: «И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается».

А. П. Чехов в саду у своего дома
Фото С. Линдена. Ялта, 1904

⁴ Бунин И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Худож. лит. 1967. С. 222.

Издание подготовлено в рамках реализации издательской
программы Бахрушинского музея

Руководство музея:

генеральный директор Театрального музея им. А.А. Бахрушина *К. Д. Трубинова*,

зам. генерального директора — главный хранитель *В. Л. Журавлёва*,

зам. генерального директора по научной работе *З. В. Макаренко*,

зам. генерального директора по эксплуатации и управлению имуществом *С. И. Фирсов*

Научно-популярное издание

Алла Георгиевна Головачёва
А. П. Чехов и Крым

Над изданием работали:

зав. отделом редакционной деятельности *М. А. Назаретян*,

контрольный редактор *И. Л. Алпатова*,

корректор *З. А. Колеченко*

Макет, вёрстка, обработка изображений *В. С. Исеев*

Подписано в печать 10.04.2022

Тираж 300 экз.

Театральный музей им. А.А. Бахрушина

Москва, ул. Бахрушина, д. 31/12

www.gctm.ru

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская область,
Белгородский район, поселок Северный, ул. Березовая, д. 1/12
Заказ №

